

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия **Психологические
НАУКИ**

ТАНАТОС-ЦЕНТРАЦИЯ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ:
ОБОБЩЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
С ПАРТНЁРОМ И ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ОТНОШЕНИЙ
В НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

2020 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К. Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2020. — № 3. — 130 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2020. – № 3. – 130 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ГОСТЬ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ. 6

Шнейдер Л. Б. Танатос-центрация и её проявления: обобщение эмпирических исследований 9

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кононов А. Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавирусной инфекции: исследование методом контент-анализа 18

Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях 28

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Войтенко М. Ю., Дробышева Т. В. Предикторы удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в группах молодых родителей 44

Заграничный А. И. Связь используемых средств получения ежедневной информации и социальной активности молодёжи 54

Козьмина И. С. Оценка психологического состояния первокурсников и их адаптация к процессу обучения в вузе в соответствии с распределением по группам психологического уровня комфортности 63

Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнёром и перспективности отношений в незарегистрированном браке 73

Эйдельман А. Б. Социальные и темпоральные основания субъективного возраста 87

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Андреева А. Д., Лисичкина А. Г. Социально-психологическая среда современного школьного класса в образовательном пространстве цифрового общества 96

Степанова Н. А., Куликова Т. И. Личностные факторы виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью 108

Усанова О. Н. О критериях психологического анализа нарушений мышления у детей с атипичным психическим развитием 119

CONTENTS

OUR GUEST

EDITOR COLUMN 6

L. Shneyder. Thanatos-Centrations and Its Manifestations: Generalization of Empirical Research 9

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

A. Kononov. Anxiety about the Future in the Context of a Coronavirus Pandemic: a Content Analysis Study ... 18

M. Mishina, K. Vorobyeva. Psychological Peculiarities of the Personality of Cyberbullying Participants in Popular Social Networks 28

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

M. Voytenko, T. Drobysheva. Predictors of Satisfaction with Living Conditions in a Megalopolis in Groups of Young Parents 44

A. Zagranichniy. The Study of the Possibilities of Using the Means of Obtaining Accessible Information About Young People's Social Activity 54

I. Kozmina. Estimate of the Psychological State of First Year Students and Their Adaptation to the Learning Process at the University in Accordance with Their Distribution into Groups of Psychological Comfort Level 63

V. Poznyakov, Y. Panfilova. Personal Orientation Factors in Interaction with the Partner And Relations Perspective in an Unregistered Marriage 73

A. Eydelman. Social and Temporal Foundations of Subjective Age 87

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

A. Andreeva, A. Lisichkina. Social and Psychological Environment of Modern School Class in the Educational Space of Digital Society 96

N. Stepanova, T. Kulikova. Personal Factors in the Victim Behaviour of Adolescents with Intellectual Disabilities 108

O. Usanova. Criteria for Psychological Analysis of Thinking Disorders in Children with Atypical Mental Development 119

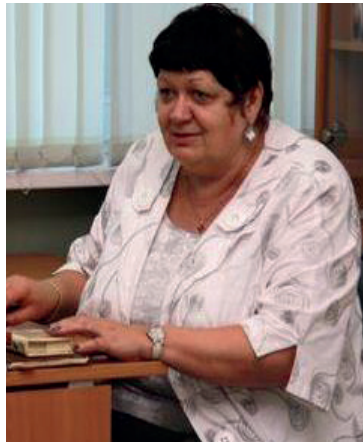
НАШ ГОСТЬ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Мы продолжаем представлять на страницах нашего научного журнала современных психологов нашей страны. Гостем данного номера журнала «Вестник Московского государственного университета. Серия: Психологические науки» стала Шнейдер Лидия Бернгардовна – доктор психологических наук, профессор. В настоящее время Л. Б. Шнейдер является профессором кафедры психологической антропологии Института

*Лидия Бернгардовна Шнейдер
знакомит студентов
со своими книгами.*

детства, Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ). Л. Б. Шнейдер является также преподавателем Института современных психологических технологий. Она – главный редактор журнала «Актуальные проблемы психологического знания», а также входит в редколлегии ряда научных журналов: «Новое в психолого-педагогических исследованиях», «Вестник Свято-Тихоновского православного университета (Психология. Педагогика)», «Проблемы современного образования (электронный журнал)», «Интерактивное образование».

Член Президиума Детской общественной межрегиональной организации «Философия – детям».

Лидия Бернгардовна Шнейдер – специалист в области практической и прикладной психологии. Автор концепции профессиональной идентичности. В сфере научных интересов: психология девиантного поведения детей и подростков, психология семейных отношений, психология развития, психология профессиональной деятельности, профессиональная идентичность, психологическое (школьное и семейное) консультирование.

В 1984 г. окончила физико-математический факультет Московского государственного заочного педагогического института, 1990 г. – окончила факультет психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Проходила обучение и повышение квалификации в США, Швейцарии и Германии. 1994 г. – защитила кандидатскую диссертацию на тему «Особенности и условия формирования самоорганизации времени жизни подростков (учащихся СПТУ)». 2001 г. – защитила докторскую диссертацию на тему «Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления».

Лидия Бернгардовна Шнейдер – Лауреат премии «Золотая психея», Победитель всероссийского конкурса «PD-2018-02 Pedagogical Discoveri:

Univesity-2018» среди профессуры (первое место в номинации исследовательских проектов). Награждена золотой медалью Парижской книжной выставки за подготовку монографии «Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития». Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2016 г., проводимого Фондом развития отечественного образования среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно-исследовательских учреждений. Участие в I Международном конкурсе «Лучшая книга по психологии» (ФГБОУ ВПО «НГПУ», с 11.01.2016 по 29.04.2016) – первое место в номинации «Лучшее научно-методическое издание» (Шнейдер Л. Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности). Лауреат конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2017» (Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании и Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека имени А. И. Герцена). Лауреат «Золотой психеи», 2017 г. – книга «Психология девиантности» (соавторство). Ей присвоено звание «Лучший психолог – 2014» (третье место по итогам конкурса, проводимого международной педагогической академией). Л. Б. Шнейдер подготовила 35 кандидатов психологических наук и докторов психологических наук.

Автор научных публикаций по проблемам подготовки студентов-практиков в высшей школе, исследованию реального сознания, образа Я студентов, а также учебно-методических программ и пособий по проблемам психодиагностики, психологического консультирования, семейного консультирования и терапии, диагностики трудностей в обучении, тренинга общения и др.

Лидия Бернгардовна Шнейдер – крупнейший специалист по семейным проблемам. Психология семьи – это важнейшая часть прикладной психологии, и из-

вестнейший исследователь семьи Лидия Бернгардовна Шнейдер открывает нам семью в разных «ликах» в своей книге «Семья. Оглядываясь вперёд». Показывая её психологические изменения, рост и смысл, который играет семья в жизни человека сегодня, освещает путь, который прошла семья в человеческом обществе от самых истоков до современного состояния. Особую актуальность семейная проблематика приобретает в настоящее время, в период утверждения глобализующегося мира, ведущего к размыванию идентификационных общностей, какими всегда были семья, государство-отечество, страна, общество, культура в целом. Прямолинейные оценки семейных трансформаций и перспектив развития семьи – от «это плохо» до «благотворно», – не охватывают явления во всей его многомерности. Нельзя понять и оценить состояние и перспективы семьи, игнорируя существенные перемены, происходящие с этим социальным институтом на протяжении всего XX и начала XXI вв. За короткий период времени произошёл качественный скачок – реальный переход человеческого сообщества в исторически новое состояние.

В современном цивилизованном обществе всё больше людей предпочитают не вступать в брак в самом начале своих отношений или не вступать в брак вовсе. Повышается готовность молодых людей в своей собственной жизни искать альтернативные формы её устройства, не просто эволюционируют формы брака, но и отношение к ним существенно трансформируется. Эта изменившаяся позиция имеет в значительной мере отношение к изменению социокультурного характера феномена «молодёжи». Намерению вступить в брак предшествует длительный процесс ориентации и социокультурной настройки человека на брак и семью. Вторя классикам, можно констатировать поразительную вещь: любовь и воля, которые в былые времена всегда помогали справиться с жизненными невзгодами, в

наши дни сами стали проблемой. С этим обстоятельством тесно связана другая особенность, характерная для современной культуры, которая основана на стимулировании потребности покупать, на идее взаимовыгодного обмена. Счастье современного человека выражается в восторге, с которым он разглядывает витрины, и в возможности купить всё, что он может себе позволить – за наличные или в кредит. Точно так же он (она) смотрит и на людей. Рыночная стихия не только захватила профессиональную сферу, публичную по своему характеру, но затронула и интимные стороны жизни. Неудивительно, что в культуре, где преобладает ориентация на рынок, а материальный успех имеет исключительную ценность, любовные взаимоотношения следуют той же схеме обмена, которая главенствует на рынке товаров и рабочей силы.

Редакционная коллегия пригласила Лидию Бернгардовну Шнейдер поделиться своими размышлениями об отношении человека к жизни и смерти, особенно актуально эта тема звучит в период пандемии. Свои рассуждения Л. Б. Шнейдер представила в статье **«Танатос-центрация и её проявления: обобщение эмпирических исследований»** (с. 9–17 настоящего номера). Человек живёт в обычном (хуже – лучше) окружающем мире, имеет представление о своём месте в нём. Это центрация на жизни, а танатос-центрация представляет собой сосредоточение, фиксацию внимания на акте смерти. Здесь происходят не только фиксация этого акта, но и его оценка (и даже переоценка). Причём такая фиксация запечатлевается надолго. Очевидно, что смерть, соседствующая с жизнью, обладает некоей притягательной силой.

*С уважением, редакционная коллегия и
главный редактор.*

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-9-17

ТАНАТОС-ЦЕНТРАЦИЯ И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ: ОБОБЩЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шнейдер Л. Б.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Представить результаты проводимых в течение 20 лет эмпирических исследований, направленных на изучение танатос-центрации, посредством их обобщения.

Процедура и методы. Исследование осуществлялось с помощью диагностического инструментария, включающего 13 методик.

Результаты. Всего в исследованиях приняли участие 1796 респондентов. Результаты многолетних эмпирических исследований позволяют заключить: танатос-центрация происходит постепенно, по мере взросления человека, усиливается в связи с уходом из жизни близкого человека. У людей, профессионально работающих со смертью, танатос-центрация захватывает сознание мощной волной. Особенно сильно это проявляется у выживших в боевых действиях. Информация о трагических событиях в момент её получения и в воспоминаниях о ней продуцирует и «оживляет» танатос-центрацию, подпитывается кинематографической и телепродукцией, что в совокупности вызывает привыкание к ней.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследований могут помочь психологам в рамках теории и практики консультирования ряда клиентов в том, что в ситуациях жизненного благополучия танатос-центрация практически вытесняется из сознания, переходит в приемлемые, удобные для самоуспокоения латентные формы.

Ключевые слова: смерть, танатос-центрация, героическое, трагическое, эмпирические исследования, отношение к смерти, трагические воспоминания

THANATOS-CENTRATION AND ITS MANIFESTATIONS: GENERALIZATION OF EMPIRICAL RESEARCH

L. Shneyder*Moscow State Pedagogical University**1, build. 1, Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To present the summarized results of empirical studies conducted over 20 years aimed at the study of Thanatos-centration.

Methodology. The research was performed with the diagnostic toolkit including 13 diagnostic tools.

Results. 1796 respondents took part in the research. The results of many years of empirical study make it possible to conclude that Thanatos centration happens gradually, as a person grows older. It increases in connection with the death of a close person. Thanatos centering captures the consciousness of people who work professionally with death as a powerful wave. It becomes especially evident among people who survived combat operations. Any information about the tragic events produces and “enlivens” the thanatos-centering at the moment of getting it and in the memories of

it. It is fueled by cinematic and television products, that in conjunction leads to the addiction to it.

Research implications. The research materials can help psychologists to consult a number of clients that thanatos-centering is practically squeezed out of consciousness and goes into acceptable latent forms, convenient for complacency in situations of well-being in life.

Keywords: death, thanatos centering, heroic, tragic, empirical research, attitudes to death, tragic recollection

Введение

Человек рождается для жизни, но страх смерти преследует его на протяжении всего жизненного пути. В памяти человечества сохраняется неоднократно «оживление» сокрушающего жизнь вулкана, когда явление смерти с периферии сознания перемещается в его центр, когда «правит свой бал» Танатос.

Образ Танатоса, представителя доолимпийского поколения богов, олицетворявший собой смерть, известен по греческой мифологии. Он пребывает в подземном царстве, но выбирается оттуда, чтобы найти очередную жертву, исторгнуть её душу и напиться её кровью [2, с. 456].

В обычной, нормативной ситуации главенствует жизнь, в экстремальных случаях, к которым относятся война, эпидемии, технические катастрофы, природные катаклизмы и т. п., жизненная проблематика теряет свои первые позиции. Смерть начинает главенствовать в картине мира человека, её тематика въедается в его сознание и самосознание. Особенно опасны ситуации затяжных тяжёлых периодов, сопровождающихся массовыми смертельными исходами. Однако есть и оптимистический ракурс танатос-центрации: жизнь непременно возрождается, она неуничтожима, человеческая натура способна духовно обновиться и восстановиться.

Танатос-центрация вырывает Homo sapiens из привычного модуса существования, вводит в состояние психического разлада и сумятицы, разрушает присущее ему гармонично-философское восприятие жизни и смерти.

Среднестатистический человек живёт в обычном (хуже – лучше) окружающем мире, имеет представление о своём

месте в нём. Это центрация на жизни, а танатос-центрация представляет собой сосредоточение, фиксацию внимания на акте смерти. Здесь происходят не только фиксация этого акта, но и его оценка (и даже переоценка). Причём такая фиксация запечатлевается надолго. Очевидно, что смерть, соседствующая с жизнью, обладает некоей притягательной силой [6]. В жизни есть немало трагических эпизодов, которые связываются с утратой, невосполнимыми потерями и всегда вызывают горестные чувства, порождая танатос-центрацию. Её присутствие можно обнаружить по мыслям, словопотреблению, отношению и действиям, в которых обнаруживается избыточная концентрация на факте смертельных исходов. Человек начинает размышлять о смерти, пытается постичь её суть, определить её функциональную нагрузку и т. п.

Значимость и исследовательская проблематика танатос-центрации

Танатос-центрация – редкое, но неизбежное в экстремальных и военных условиях явление. Какие признаки свидетельствуют о её наличии? Такие признаки проявляются, главным образом, в восприятии, оценивании и отношении к смерти.

Наряду с этим существует множество вопросов, которые ждут своего решения. Перечислим некоторые из них. Только ли череда экстремальных и военных обстоятельств способна порождать танатос-центрацию? Каким же образом она проявляется в разных возрастных группах, в условиях повседневности, что её провоцирует и поддерживает? Как она обнаруживается у современного человека в его восприятии и отношении к смерти? Какие

реакции порождает в зависимости от половой принадлежности центрирующегося на смерти человека? Имеет ли она связь с восприятием информации о трагических событиях? Обнаруживается ли её след в современных представлениях о героизме?

Материал для поиска ответов на эти вопросы накоплен в многолетних эмпирических исследованиях автора, краткие результаты, интерпретации и выводы из которых представлены ниже.

Обобщение эмпирических исследований по изучению танатос-центрации

Организация и диагностический исследовательский инструментарий

Проводимые в течение 20 лет эмпирические исследования¹, в целокупности направленные на изучение танатос-центрации как смешения героического и трагического, представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Хронотопы, целевые составляющие и диагностическое обеспечение эмпирических исследований танатос-центрации как смешения героического и трагического / Chronotopes, target components, and diagnostic support for empirical studies of Thanatos-centration as a mixture of the heroic and the tragic

год	место	выборка	цель исследования	методики
2001–2002	Москва, Калининград	77 чел.	выявление личностных черт людей, работающих со смертью	проективные методики «6 незавершённых изображений», «4 персонажа» А. И. Лунькова, В. К. Лосевой, цветовой тест Люшера
2002–2003	Москва	47 чел.	образ умершего человека в сознании современного человека	реп-тест (техника репертуарных решёток)
осень 2004	Владикавказ Беслан	63 чел.	изучение ресурсности человека, помощь пострадавшим (выжившим заложникам и их окружению)	включённое наблюдение
2013–2014	Москва	131 чел.	особенности восприятия трагических событий и воспоминаний о них	анкета по восприятию трагических событий, разработанная В. В. Нурковой, Д. М. Бернштейном, Э. Ф. Лофтусом
2014	Москва	44 чел.	представленность криминальных и трагических актов в вечерних телепередачах	контент-анализ видеоматериалов (22 телепередачи, одновременно демонстрировавшиеся в течение 2 часов одного вечера)
2010–2019	Москва	621 чел.	выявление отношения к смерти, особенностей саморазрушительных установок и характеристик суицидального поведения	карта риска суицида (в авторской модификации); проективные методики «Ваши мысли о смерти» и «Ваши суицидальные наклонности» З. Королевой

¹ По каждому исследованию есть публикации с подробным описанием полученных результатов, с соответствующей статистической обработкой [4; 5; 6 и др.]. Агрегация многолетних эмпирических исследований со сквозной темой танатос-центрации производится и представляется впервые.

Окончание таблицы 1

год	место	выборка	цель исследования	методики
2015–2017	12 городов - раз- ные регионы РФ	743 чел.	изучение основ гражданского, семейного и персонального прославления	анализ эссе, авторская анкета «Триединство»
2018–2019	Москва	70 чел.	изучение представлений о герое и патриоте	метод синквейна (автор А. Крэпси)

Характеристика полученных результатов

Детское отношение к смерти

У детей изначально отношение к смерти не выражено. Для них на начальном этапе её просто нет, им ещё предстоит узнать о её существовании, а постичь её смысл вообще невообразимо трудно.

Часто даже уход из жизни близкого человека (родственника) вызывает детское недоумение: куда он делся? Почему так долго не приходит? Постепенно, постигая окружающий мир, осваивая всё происходящее в нём, дети начинают проникаться страхом смерти, тем не менее удерживая её лики на далёком от себя расстоянии, хотя и пытаюсь – пусть наивно – рассуждать о ней: *Зачем человека растили годами, а потом бац – и он уже мёртв?* (Вася, 2 кл.); *Чем больше живёшь, тем загробнее* (Радик, 1 кл.) [1].

Дети в большей степени включают в своё миропостижение иллюзию бессмертия. Когда на сентябрьскую школьную линейку в Беслане ворвались террористы, нашлись учащиеся младших классов, которые решили, что это действовали приглашённые артисты, по выражению одного мальчика Х., «клоуны в камуфляжной форме». Даже когда всех стали стогнать в спортзал школы № 1, он посчитал, что это продолжение шоу. Ничего плохого он не заподозрил и долго не мог разобраться в том, что реально происходит.

Взрослые заложники в этом самом пресловутом спортзале были одержимы мыслью о выживании. Реальность близкой (возможной) смерти захлестнула их мощной волной. Дети же страдали в основном от обезвоживания и обездвиживания. Некоторые из них (дошкольники, пришедшие с мамами и бабушками) до самого завершения акции захвата не воспринимали чрезвычайной ситуации во всём её трагедийном накале, просто «плохие дяди их куда-то не выпускали».

Тут к месту вспоминаются детские признания из книги М. Дымова «Дети пишут богу» [1]: *Я родился, глянул, а мир уже такой злой, жестокий* (Андрей, 4 кл.).

Отношение к смерти (танатос-центрация) у подростков

У старших подростков не выявлена чёткая картина танатос-центрации, поэтому нельзя выделить одного доминирующего отношения к смерти. Большинство из них вообще не центрируется на ней, концентрируя своё внимание на реальных заботах сегодняшнего дня. У других мысли о ней облакаются в болезненные переживания, неизбежность смерти страшит их, поэтому они пытаются отогнать от себя и изжить эти страхи. Рациональное отношение к смерти как к удалённой неотвратимости сформировано у пятой части подростков. Примерно такая же часть юных респондентов демонстрирует к ней фамильярное (не серьёзное, игровое) от-

ношение, нередко бравируя им. Только незначительное число подростков (5%) уже одержимо мыслью о смерти, думает о ней постоянно. Пик такой одержимости приходится на 15–16 лет. По-видимому, именно здесь и обнаруживается танатос-центрация.

Избегание мыслей о смерти и болезненное отношение к ней с возрастом у подростков снижается. Выявлена устойчивая возрастная динамика множасьего рационального отношения к смерти. Фамильярное (игровое, манипулятивное) отношение к ней в неизменном виде сохраняется среди подростков всех возрастных групп.

Особенности отношения к смерти зависят от половой принадлежности: для юношей характерно избегание мыслей о смерти, для девушек – болезненное отношение к ней. Между тем, одержимость мыслями о смерти обнаруживается исключительно у юношей, частые размышления и фамильярное отношение к ней характерны, главным образом, для девушек. Рациональное восприятие и отношение к смерти присуще и девушкам, и юношам, т. е. не зависит от половой принадлежности.

Суицидально-ориентированные мысли характерны для 10–20% подростков, 80–90% не имеют такой склонности. У подростков с высоким риском суицида рациональное отношение к смерти как неотъемлемому компоненту жизни не сформировалось. При среднем уровне суицидального риска избегание мыслей о смерти, болезненное отношение к ней, перемежаются с рациональным её восприятием. У подростков с низким уровнем суицидального риска нет болезненных переживаний, сформировано рациональное отношение к смерти, сочетающееся с полным избеганием мыслей о ней.

Таким образом, в зависимости от специфики эго-восприятия у подростков существует потенциальный риск суицида, так как даёт знать о себе невысокий, но явно присутствующий уже уровень та-

натос-центрации. Следовательно, в этот возрастной период возникает и даёт о себе знать «танатос-инфицирование».

Отношение к смерти и умершему человеку

На взрослой выборке зафиксированы разнообразные варианты отношения к смерти. Среди них наличествуют

- «неотвратимые»: как неизбежному прекращению существования («все умрём»), тому, что регулярно происходит в природе (конец полёта, смена времени года, снегопад и пр.);

- «адресно-индивидуализированные»: как к трагическому событию, произошедшему с конкретным индивидом, которому ещё что-то предстоит (странствия на небесах; постижение иной реальности и пр.);

- «конечно-таинственные»: восприятие смерти в ракурсе непостижимого (а может быть, и недостижимого) конца, что выражается в её описании как загадочного, мистического явления (медленное вхождение в тёмный коридор; финиш на беговой дорожке и т. д.);

- «тягостные», содержащие скорбь в связи с потерей близкого и любимого человека (потеря драгоценности, изъятие части тела);

- «технологические», предстающие в технических, цифровых и процедурных терминах (сбой компьютера; сломавшийся смартфон; уничтожение информации из облачного архива).

Умерший человек в сознании современного человека идентифицируется как похожий на него, психологически значимый и близкий. Нередко это человек из родственного круга, чья смерть сказалась на функционировании всей семейной системы. Подобный человек идеализируется: он – и строгий, и высоконравственный одновременно.

Естественно предположить, что если близости с умершим не было, то такой уход из жизни мало кого задевает, танатос-центрации не наступает.

Танатос-центрация в контексте профессиональной деятельности

В современном обществе есть люди, профессиональное служение которых выстраивается вокруг факта смерти. Для выявления личностных черт подобных людей, так или иначе, но работающих «со смертью», подбирались представители определённых профессий, чья деятельность непосредственно связана с прерыванием жизни другого человека или с его последствиями – покойниками, трупами.

Прежде всего, это сотрудники похоронного бюро – для них смерть продуцирует ритуальные действия, патологоанатомы, для которых смерть – чисто материальное явление. Наиболее травмированы своей профессиональной деятельностью военнослужащие, неоднократно участвовавшие в боевых действиях (Афганистан, Чечня). Для них смерть, с одной стороны, постоянная и реальная угроза собственному существованию, с другой – она есть «продукт» их профессиональной деятельности, адресованный противнику. Они действуют по уставу, смерть видят в «двойной оптике»: как скорбь о погибших напарниках и друзьях, и как убийство, приемлемое (желательное) при уничтожении врага.

Кратко приведём полученные результаты по последней группе (военнослужащие).

Признаками танатос-центрации, как следует из результатов психодиагностики, являются:

- изменение своей энергетики как непредсказуемой, таящей угрозу;
- возникновение ауторепрессивных тенденций;
- потребность в защите, укрытии и их поиск, в связи с постоянной ситуацией угрозы и опасности;
- постоянная, неослабевающая (или легко восстанавливающаяся) готовность к противостоянию, вступлению в бой;
- искажённое восприятие своей телесности, подверженной нападению и повреждению;

- телесно-личностные искажения, сопровождающиеся ощущением своей громоздкости, тяжеловесности;

- потребность в укреплении могущества, необоримости (отсюда – страсть к ношению оружия);

- непроизвольное вторжение в память «кровавых воспоминаний» о миновавших боевых действиях и погибших «друзьях-товарищах»;

- искажение и отторжение доверительных межличностных отношений;

- открытость для группового товарищества, военного братства;

- склонность к алкоголизации, застолю с рюмкой;

- попытки разнообразными способами заглушить неутраченную душевную боль;

- социальная устремлённость и личная неопределённость (или бессмысленность?) карьерного продвижения;

- ущербность, сложность и недоступность откровенных любовных связей;

- всплывающий визуализированный образ смерти как лица с пустыми глазами.

Очевидно, что все эти признаки (как посттравматические симптомы) суть последствия танатос-центрации, обусловленной самим характером профессиональной деятельности респондентов и увесистым багажом их боевого прошлого.

Восприятие трагических событий

Информация о трагических событиях постоянно визуализируется современными средствами массовой информации, ею изобилует интернет. В связи с чем смерть то и дело возникает и как реальность, и как постоянный возможный сюжет каждого дня [3]. Аудиальные и зрительные образы трагических событий в молодёжной аудитории порождают, прежде всего, страх за себя и своих близких (73% опрошенных). Молодые люди боятся смерти, хотя среди них есть те, кто воспринимает её не как завершение земной жизни, а иначе. Юноши на трагические события

чаще дают реакции протестного типа, а девушки – сострадательного.

Со временем интенсивность воспоминаний о трагических событиях, их эмоциональный накал ослабевают, что происходит не одномоментно, но всё же и качественно, и количественно они идут на спад.

По-видимому, негативная информация вытесняется в подсознание, либо к жизни, наполненной трагическими событиями, зрители (слушатели, читатели) рано или поздно адаптируются. Последнее вполне вероятно, так как «некрофильной» информацией современную молодёжь можно привлечь, но не удивить.

Итак, информационное, сюжетное и смысловое восприятие трагических событий связано со смертью, что обуславливает возникновение танатос-центрации и, в свою очередь, продуцирует её развитие. Однако панических реакций не возникает в силу территориальной и географической удалённости событий (нет реальной, персональной угрозы) и в силу привыкания к поступлению трагически окрашенного материала.

Отражение героического в сознании молодёжи

В прославлении страны российская молодёжь упоминает в военном контексте умение постоять за себя, независимость, военные победы; в прославлении семьи – преданность родине, отвагу; в прославлении себя – подвиг и воинскую доблесть. Однако в обширных списках основ прославления данные позиции занимают самые последние места, кроме военных побед. Из этого следует, что молодые россияне гордятся военными победами своей страны, но ни сами они, ни их семьи – славу такого рода продолжать не готовы.

Патриотизм как значимая ценность не фигурировал в гражданских, семейных и персональных представлениях о

славе. В обыденном сознании нашего современника понятия «герой» и «патриот» сильно различаются. Образ героя легче поддаётся описанию, порождает больше лексических единиц, чем образ патриота. Несмотря на их содержательную близость, образ героя более притягателен и легче поддаётся описанию. Образ патриота более маргинален.

Герой для респондентов – это прежде всего позитивный образ воина и защитника. Он «деятельный», «смелый», «добрый», «отважный», «сильный». Его даже находят красивым. С ним связаны, главным образом, следующие действия – «спасает», «защищает», «помогает». В обобщённом виде он описывается в позитивном ключе как «отважный человек». Наиболее содержательно близкий образ – «рыцарь». По-видимому, отсюда такая активная апелляция к достоинствам героя. Именно её можно сопоставить с гордостью за военные победы.

Современную молодёжь реальная, а не почерпнутая из фэнтези, героика мало интересует. Её волнует индивидуальное преуспевание в статусе, карьере, богатстве, семейной жизни. Слава наполняется смыслом в координатах отнюдь не общественной, тем более народной или государственной, а только персональной жизни субъекта.

На этом фоне, как ни парадоксально, может вполне успешно развиваться танатос-центрация. Пока гибель других – не «моё дело», удалённое, «где-то там» происходящее явление, военные намерения, экстремистские настроения, стремление к разрушению «инаковости» и уничтожению «инаковых» сами по себе не исчезнут.

Как сделать так, чтобы чужие несчастья воспринимались как свои собственные, даже если никто из близких людей не пострадал? Возможно, следует за статистикой человеческих жертв видеть не цифры, а имена людей. Центрируясь на жизни, «полюбляя» её (Л. Н. Толстой), этого нельзя забывать.

Выводы

Таким образом, результаты многолетних эмпирических исследований позволяют заключить что:

- дети не являются субъектами танатос-центрации;

- подростки начинают «примеривать» танатос-центрацию к себе, размышляя о смерти, выстраивая своё отношение к ней, нередко экспериментально (в суицидальных намерениях и действиях) постигая её смысл и значение;

- отношение взрослых людей к смерти многоаспектно. Постигание смерти, танатос-центрация возникают главным образом в связи с уходом из жизни близкого человека;

- у людей, работающих «со смертью», танатос-центрация захватывает сознание практически целиком. Особенно сильно это проявляется у военнослужащих, выживших в боевых действиях. Многие из них обладают искажённым восприятием своей телесности и витальности, для них характерны ауторепрессивные тенденции, психопатии, склонность к алкоголизму. Танатос-центрация выражена отчётливо и является устойчивым образованием;

- информация о трагических событиях в момент её получения и в воспоминаниях о ней воспроизводит и «оживляет» танатос-центрацию, продуцируя страх за себя и своих близких, включая тем самым в переживание трагизма ситуации;

- танатос-центрация независимо от воли человека порождается средствами массовой информации, поддерживается кинематографической продукцией, что

в совокупности вызывает в молодёжной аудитории привыкание к актам смерти и обесценивание жизнеутверждающей информации;

- образ героя и процесс героизации позитивен, но воспринимается отстранённо, повсеместно заменяется стремлением к личному благополучию и индивидуальной успешности. Танатос-центрация практически вытесняется из сознания, переходит в приемлемые, удобные для самодуспокоения латентные формы.

Заключение

«Все мы творения на день» [7, с. 4] и помним об этом, но животворящая сила рода человеческого одухотворяет этот День, так или иначе, кратковременно или многократно наполняет его смыслом. В связи с чем танатос-децентрация требует от каждого – и в мыслях, и в словах, и в поступках – разумности и благочестия, а не ненависти и насилия. Позитивное движение и всего человечества, и каждого отдельного человека следует конструировать в направлении приложения усилий для предотвращения танатос-центрации, смещения фокуса сознания с явления смерти на жизнь, бытие, витальность.

Необходимо уходить, перемещаться от трагических аспектов бытия к вдохновляющей, трудовой, профессиональной, рабочей, патриотической самоориентации, к очищающему душу созиданию, такому, чтоб «ни в сказке сказать, ни пером описать».

Статья поступила в редакцию 01.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Дымов М. Дети пишут богу [Электронный ресурс]. URL: <http://knigosite.org/library/read/50468> (дата обращения: 22. 05. 2020).
2. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. К–Я. М., 1994. 719 с.
3. Сухих И. Н. Русский литературный канон (XIX–XX вв.). СПб., 2016. 471 с.
4. Шнейдер Л. Б. Смерть как ритуальное, профессиональное и материальное // Развитие личности. 2003. № 1. С. 78–97.
5. Шнейдер Л. Б. Трагические события и молодежная аудитория: восприятие, отношение и гендерная специфика // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2014. № 3 (32). С. 120–131.

6. Шнейдер Л. Б., Сургучева Н. В. Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 189–214. DOI: 10.17759/psychj.2019080112
7. Ялом И. «Все мы творения на день» и другие истории. М., 2014. 240 с.

REFERENCES

1. Dymov M. *Deti pishut bogu* [Children write to God. Riga]. Available at: <http://knigosite.org/library/read/50468> (accessed: 22.05.2020).
2. Tokarev S. A., ed. *Mify narodov mira. T. 2. K–Ya* [Myths of the peoples of the world. Vol. 2. K–Z]. Moscow, 1994. 719 p.
3. Sukhikh I. N. *Russkii literaturnyi kanon (XIX–XX vv.)* [Russian literary canon (XIX–XX centuries)]. Saint Petersburg, 2016. 471 p.
4. Shneider L. B. [Death as ritual, professional and material]. In: *Razvitie lichnosti* [Personal development], 2003, no. 1, pp. 78–97.
5. Shneider L. B. [Tragic Events and Youth Audiences: Perception, Attitude and Gender]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii* [Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology], 2014, no. 3 (32), pp. 120–131.
6. Shneider L. B., Surgucheva N. V. [Ego Perception and Thanatos Centering as Sources of Suicide in Adolescence]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology], 2019, vol. 8, no. 1, pp. 189–214.
7. Yalom I. “Vse my tvoreniya na den'” i drugie istorii [“We are all creations for the day” and other stories]. Moscow, 2014, 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шнейдер Лидия Бернгардовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета, Института детства;

e-mail: lshnejder@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lidiya B. Shneyder – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow State University of Education, Institute of childhood, Department of psychological anthropology;

e-mail: lshnejder@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шнейдер Л. Б. Танатос-центрация и её проявления: обобщение эмпирических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 9–17.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-9-17

FOR CITATION

Shneyder L. B. Thanatos-centration and its manifestations: generalization of empirical research. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 9–17.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-9-17

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-18-28

ТРЕВОГА О БУДУЩЕМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Кононов А. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Целью исследования является изучение переживания тревоги о будущем как ситуативного психоэмоционального состояния в условиях пандемии коронавирусной инфекции и введения режима самоизоляции для граждан Российской Федерации.

Процедура и методы. Проведён контент-анализ письменных ответов граждан РФ о влиянии режима самоизоляции на их психоэмоциональное состояние, повседневную жизнь, отношение к социальным изменениям, произошедшим в России после объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии COVID-19.

Результаты. Метод контент-анализа позволил выделить 11 значимых контекстов, вокруг которых группируются высказывания респондентов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть использованы при разработке программ профилактических и коррекционных мероприятий по снижению высокого уровня тревоги о будущем до оптимального среди граждан РФ.

Ключевые слова: тревога, тревожность, тревога о будущем, COVID-19, коронавирусная инфекция, режим самоизоляции

ANXIETY ABOUT THE FUTURE IN THE CONTEXT OF A CORONAVIRUS PANDEMIC: A CONTENT ANALYSIS STUDY

A. Kononov

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of the study is to study the experience of anxiety about the future as a situational psycho-emotional state in the context of the coronavirus infection pandemic and the introduction of the self-isolation regime for the citizens of the Russian Federation.

Methodology. The content analysis of written responses from Russian citizens about the impact of the self-isolation regime on their psycho-emotional state, daily life, and attitude to social changes that occurred in Russia after the world Health Organization declared the COVID-19 pandemic.

Results. The method of content analysis made it possible to identify 11 significant contexts around which the statements of the respondents are grouped.

Research implications. The obtained results of the study can be used in the development of programs of preventive and corrective measures to reduce the high level of anxiety about the future to the optimum among the citizens of the Russian Federation.

Keywords: anxiety, uneasiness, anxiety about the future, COVID-19, coronavirus infection, self-isolation mode

Введение

Актуальность работы. В начале 2020 г. властями многих государств в связи с опасностью распространения новой коронавирусной инфекции (далее COVID-19) был введён для граждан режим обязательной или добровольной изоляции (самоизоляции), что стало беспрецедентным явлением в социальной сфере.

Потеря ощущения стабильности, невозможность удовлетворить социальные потребности – факторы, способствующие возникновению и последующему росту тревоги о будущем.

Данное психоэмоциональное состояние возникает в момент резких изменений в социальной и экономической обстановке в стране или мире [5].

Изоляция от общества возникает в различных ситуациях: во время несения воинской службы на борту подводной лодки, в случае отбывания уголовного наказания или участия в длительной научной экспедиции.

Изоляция и самоизоляция в период распространения COVID-19 имеет свои отличительные особенности: во-первых, данная мера борьбы с болезнью приобрела мировые масштабы, так как была введена в большинстве стран; во-вторых, предполагается длительное пребывание граждан в условиях собственного жилища; в-третьих, опасность распространения болезни, ставшая первопричиной социальных ограничений, сама по себе является стрессовым фактором.

Важно понимать, что изоляция в условиях распространения COVID-19 – это мера общественного здравоохранения, предпринятая с целью предотвращения инфицирования здоровых граждан [13]. Однако необходимость соблюдения режима добровольной изоляции (самоизоляции), введённого на общегосударственном уровне, невозможность вести привычный образ жизни, вынужденная адаптация профессиональной и повседневной деятельности к условиям собственного дома, ограничение свободы передвижения и социальных контактов являются причинами, способными оказать негативное влияние на психоэмоциональное состояние граждан и вызвать тревогу о будущем.

Степень разработанности проблемы. Проблема влияния изоляции на психоэмоциональное состояние человека в первую очередь изучается в рамках пенициарной психологии, объект которой – подозреваемые и заключённые в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

В рамках данной отрасли психологической науки принуждение к изоляции является мерой наказания для лиц, совершивших преступления, и даже временная изоляция приводит к дезадаптации человека в социуме, а на фоне повышения уровня внутреннего психоэмоционального напряжения, возникает риск деградации личности [9].

Нарушение привычного ритма жизни, невозможность контактировать с семьёй и ближайшим окружением, материальные

ограничения являются объективными факторами, оказывающими отрицательное влияние на состояние человека, изолированного от общества. Наряду с ними есть и субъективные факторы, в частности отсутствие возможности для уединения и ожидание негативных событий [8].

Совокупность данных условий, а также нестабильность окружающей среды и неуверенность в будущем требуют помощи профессионального психолога с целью реабилитации лиц, оказавшихся в условиях изоляции от общества [2].

В противном случае, без оказания квалифицированной помощи, любая монотонность происходящих событий, жёсткая ограниченность пространства, на фоне чрезмерной нагруженности или недостаточности информации, создают риск психотравмирующего воздействия пролонгированного действия на психику человека [1].

Режим самоизоляции, введённый в России и большинстве стран мира, добровольно по своей сути, однако тревога за своё здоровье и жизнь близких заставила многих людей пребывать в ограниченном пространстве квартиры, пусть даже и с родными в круглосуточном режиме, что является беспрецедентным опытом.

При этом вынужденная длительная изоляция в условиях малой группы способна вызвать эмоциональный дискомфорт и стать причиной агрессии. Причиной этого является отсутствие привычного количества и динамики социального взаимодействия. Эксперимент «Марс-500» по имитации полета продолжительностью 520 дней, проводившийся в СССР, показал, что в ходе первого эксперимента (1967 г.) участники исследования начали чувствовать раздражение в отношении других членов экипажа уже на третьей неделе [7].

Эмоциональное напряжение, возникающее внутри малых групп, изолированных от привычной социальной среды, получившее название «полярная болезнь», или «экспедиционное бешенство», возни-

кает в результате того, что члены сообщества имеют возможность контактировать только друг с другом. Агрессия в таких случаях представляет особую опасность, так как члены небольшого сообщества, зная слабые стороны каждого из участников, способны причинить значительный психологический вред. В ситуации изоляции неудачная шутка или косой взгляд резко выводят человека из состояния равновесия и провоцируют акт агрессии [6, с. 28]. Другими словами, степень близости и взаимной любви людей прямо пропорциональна уровню вреда, который они могут нанести друг другу в случае конфликта. Замкнутое пространство квартиры, отсутствие необходимости ездить на работу, невозможность посещать спортивные залы, гулять в парках, создают условия для увеличения количества случаев домашнего насилия.

В начале апреля 2020 г. девять общественных организаций, осуществляющих работу с жертвами домашнего насилия, обратились к правительству РФ и главам регионов с просьбой принять безотлагательные меры по предупреждению роста количества случаев домашнего насилия в условиях самоизоляции и карантина. В провинции Хубэй (Китай) число случаев в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. увеличилось в три раза¹.

В течение первой недели после введения во Франции режима самоизоляции для граждан количество случаев домашнего насилия, в том числе и сексуального характера, увеличилось на 30%, аналогичная ситуация сложилась во многих других странах [11].

14 мая 2020 г. Т. Н. Москаленко, уполномоченный по правам человека в РФ, заявила о росте в 2,5 раза количества обращений о фактах домашнего насилия

¹ Домашнее насилие становится заразным. Правительство просят принять экстренные меры для защиты пострадавших от агрессии в условиях карантина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4310901> (дата обращения: 15.04.2020).

в апреле 2020 г. по сравнению с мартом того же года¹. Можно предположить, что именно феноменом полярной болезни объясняется рост числа случаев домашнего насилия в условиях самоизоляции. Члены одной семьи, вынужденные находиться друг с другом в непрерывном контакте в режиме 24/7, в ряде случаев не имея своего личного пространства и возможности уединиться, становятся участниками жёстких, а иногда и жестоких бытовых конфликтов.

Данная ситуация усугубляется ещё тем, что нахождение в условиях самоизоляции из-за угрозы распространения коронавирусной инфекции способствует возникновению таких состояний, как депрессия, стресс, раздражительность, гнев и тревога. При этом наблюдаются сниженный фон настроения и эмоциональное истощение [10]. Это подтверждает мысль о том, что необходимость вынужденного пребывания в замкнутом пространстве с родными людьми представляет серьёзное испытание для психики даже здорового человека.

Тогда как для лиц с пограничными расстройствами самоизоляция может стать ведущим фактором, запускающим и психические нарушения [16].

Нельзя не сказать, что ограничительные меры, зачастую оказывают пролонгированное воздействие на психоэмоциональное состояние граждан. В частности, лица, имеющие психические заболевания, даже спустя полгода после снятия ограничений испытывают состояние гнева и тревоги [14]. Для лиц с психическими заболеваниями в условиях самоизоляции и распространения COVID-19 крайне важно поддерживать стабильные жизненные условия, чтобы они могли чувствовать себя в безопасности. В противном случае следует ожидать обострения психических заболеваний [15].

В данном контексте пандемия COVID-19 подняла серьёзные этические проблемы, в основе которых лежат социально-экономические трудности, возникшие во многих государствах мира.

Так, были выдвинуты предложения, что в случае, если стоит выбор при поддержке больного COVID-19 аппаратом искусственной вентиляции лёгких между пациентом, умственно отсталым или с ограниченными возможностями здоровья, и пациентом, психически здоровым, выбор должен быть сделан в пользу второго [12]. Пандемия усугубила существующее неравенство между людьми не только по материальному или социальному положению, но и по праву на жизнь. В равной ситуации болезни жизнь одного человека оценивается ниже, чем жизнь другого, потому что он психически нездоров или инвалид.

Тревога высокого уровня в ситуации изоляции – закономерное явление, особенно в тех случаях, когда диагностированное заболевание представляет угрозу для здоровья или жизни человека [4].

Коронавирусная инфекция является именно таким заболеванием, об этом на специальной пресс-конференции заявил глава Всемирной организации здравоохранения. Смертоносность новой вирусной инфекции превышает свиной грипп в 10 раз, делая её крайне опасной для людей². В подобной ситуации пациенты, имеющие симптомы коронавирусной инфекции, будут испытывать тревогу о будущем высокого уровня, особенно в случае, если тревожность является чертой личности человека.

Распространение депрессивных состояний в условиях самоизоляции – ещё одна из серьёзных проблем, ведущих к росту злоупотребления алкоголем [19]. Именно к такому заключению пришли

¹ Почему правозащитники не согласны со статистикой МВД по домашнему насилию в период самоизоляции? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/443721> (дата обращения: 29.05.2020).

² ВОЗ: коронавирус в 10 раз смертельнее, чем свиной грипп [Электронный ресурс]. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2323222/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 14.04.2020).

китайские исследователи, из чего можно сделать вывод о необходимости последующей психологической помощи нуждающимся лицам, а также введения ограничительных мер по продаже алкоголя.

Длительное нахождение в условиях карантина и самоизоляции во многом является неприятным опытом для людей, вынужденных его соблюдать. Потеря свободы, опасения в отношении собственного состояния здоровья и здоровья своих близких, а также скука, в совокупности являются причиной увеличения количества самоубийств [10].

Исследователи отмечают, что посттравматический стресс как результат карантина затрагивает значительные группы людей, включая врачей [18], пациентов, обычных людей, особенно в таких случаях страдают дети [17].

Анализ существующей литературы позволяет говорить о том, что, несмотря на многообразие психологических исследований, малоизученным остаётся вопрос переживания в ситуации самоизоляции такого психоэмоционального состояния, как тревога о будущем, приобретая особую значимость для психологической науки.

Гипотеза исследования. Режим самоизоляции с целью недопущения распространения коронавирусной инфекции является фактором возникновения и роста тревоги о будущем как ситуативно переживаемого психоэмоционального состояния.

Цель работы и методы. В рамках феноменологического подхода, на материале ответов участников опроса исследовать методом контент-анализа переживание тревоги о будущем в условиях самоизоляции. Выявить и проанализировать значимые контексты, вокруг которых группируются высказывания испытуемых. Установить, какое влияние оказал режим самоизоляции на психоэмоциональное состояние граждан России, привычный ритм их жизни и работы.

Данные исследования были собраны с помощью онлайн-опроса со ссылкой на Google-форму.

Контент-анализ текста относится к качественно-количественным методам исследования психической реальности личности, на основе анализа содержания текста с целью выявления смысловых единиц, позволяющим получить актуальные данные об особенностях переживания тревоги о будущем [3].

Результаты и анализ исследования

В исследовании приняли участие 342 респондента, 84 мужчины и 258 женщин, в возрасте от 19 до 71 года, средний возраст опрошенных составил 36 лет. Опрос проводился в период с 3 по 19 апреля 2020 г. среди граждан Российской Федерации.

Участникам исследования было предложено ответить на следующие вопросы: 1. Узнав о коронавирусе, я... (почувствовал(а), подумал(а), испытал(а)... опишите своё эмоциональное состояние)? (B1). 2. Я думаю, что введение режима всеобщей самоизоляции...? (B2). 3. Ситуация с коронавирусом и самоизоляцией вызывает у меня... (B3). 4. В связи с всеобщей самоизоляцией в моей жизни... (B4). 5. Теперь для меня коронавирус – это... (B5). 6. Мои прогнозы относительно сложившейся ситуации... (B6).

Текст был проанализирован по каждому из вопросов с выделением контекстов (смысловых блоков), результаты представлены на рисунке 1, значения на диаграмме – количество упоминаний в ответах респондентов.

Анализ ответов на первый вопрос (B1) свидетельствует о том, что появление коронавирусной инфекции изначально не вызвало роста тревоги среди населения. Ухудшение психоэмоционального состояния и изменение отношения к заболеванию произошли после появления вируса в России, о чём говорит группировка высказываний вокруг двух контекстов, «Тревога» и «Паника»:

«Сначала не восприняла в серьёз, но, когда вирус появился в России испытала

Рис. 1 / Fig. 1. Диаграмма распределения ответов респондентов по контекстам /
Chart of the respondents' responses distribution by context

панику»; «Первые две недели спокойствие, сейчас тревога»; «Сначала это было где-то далеко в Китае, когда всё начали закрывать у нас, ощутила жуткую тревогу»; «Думала, что ничего серьёзного, тот же грипп, так как статистика заболевания сначала не вызывала тревогу».

Наибольшую тревогу в условиях пандемии респонденты испытывают за здоровье и жизнь родных, особенно детей:

«...когда вирус начал активно распространяться на территории России, то стало страшно за родных и близких, приняли ситуацию со всей серьёзностью и стараемся не подвергать себя риску, сидим дома»; «Вначале казалось, что это недолго, сейчас тревога за детей, я хотя бы 51 прожила, а сколько осталось прожить детям»; «Страх за себя и всех близких мне людей. Очень тревожно за будущее»; «Депрессию, тревогу, страх за будущее»; «Тревогу за здоровье близких мне людей и нет уверенности в завтрашнем дне»; «Тревогу за будущее, за детей и родителей».

В ряде высказываний есть прямое упоминание состояния тревоги о будущем,

так как для людей, введение запрета на свободное передвижение по городу и внутри страны без документального подтверждения прямо свидетельствует об опасности вируса и серьёзном риске для жизни и здоровья.

Однако изначально респонденты не рассматривали COVID-19 как опасный вирус. Отчасти это объясняется появлением инфекции в зимний период, когда в России обычно начинается эпидемия гриппа, а также неоднократным появлением иных инфекций, например, свиного гриппа или атипичной пневмонии, т. е. в определённой мере привычкой к информации об инфекционных заболеваниях. Данное предположение подтверждают ответы участников исследования:

«Восприняла это как сезонную болезнь»; «Не понимала причину паники и чем он отличается от гриппа».

Анализ ответов на второй вопрос (B2) даёт возможность говорить о четырёх контекстах: «Поможет», «Вынужденная», «Государству», «Дома».

Несмотря на определённый дискомфорт, обусловленный вынужденным пре-

быванием в рамках своего жилища, большинство опрошенных отдаёт себе отчёт в необходимости и полезности ограничительных мероприятий.

Блок «Поможет». *«Поможет избежать большего количества заражений коронавирусом».*

При этом ряд респондентов отметили, что испытывают негативные эмоции от необходимости соблюдать режим самоизоляции:

«Я понимаю, что это для нашего блага, но чувствую себя как в тюрьме»; «Невозможно сидеть дома, очень скучно»; «На и так не очень хорошее эмоциональное состояние накладывается нервное напряжение своё и домашних».

Блок «Вынужденная». *«Вынужденная мера, способная предотвратить наихудшие последствия».*

Блок «Государству». *«Это верное решение, но как жить в финансовом плане непонятно, считаю здесь нужна поддержка государства».*

Блок «Дома». *«Психологически тяжело весной сидеть дома»; «Тревожит то, что больше становишься привязанным, будучи дома, к интернету, гаджетам».*

Осознание необходимости ограничительных мер по недопущению распространения COVID-19 тем не менее вызывает у людей дискомфорт, так как они вынуждены длительное время пребывать в замкнутом пространстве, не имея возможности проводить обычный досуг и заниматься привычными делами. Об этом свидетельствует анализ ответов на третий вопрос (B3).

«Дискомфорт из-за отсутствия возможности проводить привычный досуг вне дома»; «Изоляция немного давит, потому что нельзя видеться с родными и выходить свободно».

Анализ ответов на четвёртый вопрос (B4), позволил выделить два значимых контекста: «Изменилось» и «Ограничение».

Из 66 предложений, в которых встречается слово «изменилось», в 51 (77,3%)

респонденты указали, что в их жизни произошли значимые изменения в привычном режиме дня, графике работы, а также им пришлось корректировать планы в связи с введением режима всеобщей самоизоляции.

Ответы в блоке «Ограничение» носят откровенно негативный характер, так как касаются запрета на передвижение, занятия спортом вне жилища, а также встреч с друзьями, родными и близкими, усугубляя тем самым психоэмоциональное состояние.

Некоторые участники указывают и на положительные моменты режима самоизоляции: *«Появилось время для саморазвития, изучения нового»; «Я стал больше времени проводить с семьёй»; «Можно подумать, почитать, посмотреть, заняться любимым хобби».*

Другими словами, даже в ситуации ограничений респонденты смогли эффективно использовать время.

Анализ ответов на пятый вопрос (B5), позволил выделить два контекста: «Болезнь» и «Здоровье».

В блоках «Болезнь» и «Здоровье» участники отмечают отрицательные моменты, связанные с COVID-19: *«Болезнь, от которой нет лекарства»; «Опасная болезнь, действительно косвенно изменившая мою жизнь хотя бы на эту весну».*

И положительные: *«Благодаря ей мы переоценим жизнь»; «Болезнь, которая сплотила всё человечество»; «Повод подумать о хрупкости своего здоровья»; «Повод следить за своим здоровьем ещё больше».*

Отсутствие вакцины, скорость распространения и опасные последствия также нашли своё отражение в ответах и косвенно свидетельствуют о тревоге о будущем: *«Болезнь, которую я рано или поздно жду»; «Болезнь от которой нет лекарства»; «Угроза жизни и здоровью».*

Ответы на шестой вопрос (B6), касаются экономических последствий пандемии и ожиданий граждан, образуя один значимый контекст «Экономика».

В 34 (81%) предложениях опрошенными отмечается резко негативное влияние коронавирусной инфекции на российскую и мировую экономическую систему: «*Экономические последствия весь мир будет чувствовать ещё долго*»; «*Выход из сложившейся ситуации будет очень болезненный и долгий для людей*»; «*Экономика будет из этого долго выходить и это скажется на каждом жителе страны*».

Отдельно хочется отметить распределение участников исследования на категории в зависимости от отношения к COVID-19 и режиму самоизоляции после анализа текста высказываний. Схема представлена на рисунке 2.

1 группа: полностью поддерживают режим самоизоляции и соблюдают все рекомендации властей, врачей и специалистов.

2 группа: не поддерживают режима самоизоляции, считают его чрезмерно жёстким, ограничивающим права и свободы. Предполагают, что любые запретительные мероприятия негативно скажутся на экономике страны, их личном

финансовом положении и не принесут желаемых результатов, однако соблюдают режим самоизоляции из-за опасения перед штрафными санкциями.

3 группа: откровенно выступают против любых ограничений и запретов, вступают в конфликты с представителями власти, демонстративно отказываются использовать средства защиты (перчатки и маски), в случае наложения штрафа будут уклоняться от его уплаты.

Данная классификация была разработана на основе анализа высказываний респондентов.

Изменения, произошедшие в России после введения режима самоизоляции как средства недопущения распространения коронавирусной инфекции и сохранения здоровья граждан, создали уникальные условия для исследования индивидуальной психической реальности россиян.

Защищая физическое здоровье, важно помнить о необходимости проведения профилактических и в последующем коррекционных мероприятий по восста-

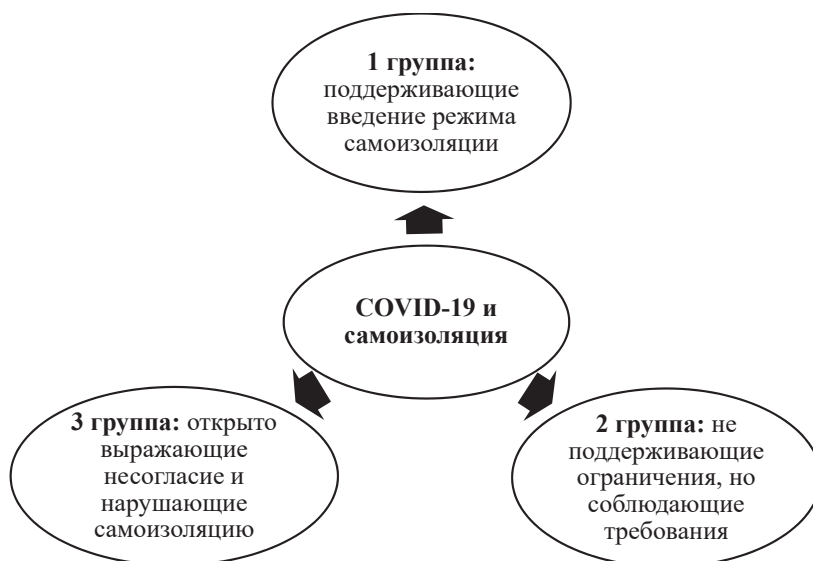

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение участников исследования по типу отношения к самоизоляции / The distribution of participants in the study by type of relationship to isolation

новлению психоэмоционального состояния здоровья граждан. Распространение COVID-19 в совокупности с введенными ограничительными мерами является фактором возникновения и роста уровня тревоги о будущем среди населения, негативно сказываясь на психологическом здоровье россиян, создавая условия для межличностных и бытовых конфликтов, и требует своевременной помощи специалистов-психологов.

Заключение

Изоляция (самоизоляция) человека от общества с нарушением привычного образа жизни, исключая свободное взаимодействие с семьей и ближайшим окружением, оказывает негативное влияние на психоэмоциональное состояние человека. Введение ограничительных мер с целью недопущения распространения новой коронавирусной инфекции, монотонность происходящих повседневных событий в условиях изоляции (самоизоляции) и ограниченность жизненного пространства являются факторами возникновения и последующего роста тревоги о будущем.

Метод контент-анализа позволил выделить 11 значимых контекстов, вокруг которых сгруппированы высказывания участников исследования: «Тревога», «Паника», «Вынужденная», «Поможет», «Государству», «Дома», «Дискомфорт»,

«Изменилось», «Ограничение», «Болезнь», «Здоровье». Блок «Тревога» является наиболее нагруженным (73 предложения содержат данное слово). Участники упоминают состояние тревоги о будущем в связи с опасностью заражения коронавирусной инфекцией, возможной смертью родных и близких, финансовым положением страны и семьи респондентов.

Состояние тревоги о будущем в условиях самоизоляции обусловлено неизвестностью в отношении происходящих событий и невозможностью управлять ими. Осознавая рост уровня тревоги о будущем в условиях режима самоизоляции, респонденты отмечают и положительные эффекты: возможность сконцентрироваться на собственном саморазвитии, а также большее время, проводимое в кругу семьи и с детьми.

Контент-анализ высказываний участников исследования даёт определённые сведения для психологов социальных служб, семейных психологов, специалистов, работающих с детьми, с целью последующей разработки программ, направленных на снижение уровня тревоги о будущем и восстановление психоэмоционального состояния российских граждан после завершения пандемии коронавирусной инфекции.

Статья поступила в редакцию 22.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермасов Е. В. Аутодеструктивный тип переживания стресса в условиях изоляции // *Личность в экстремальных ситуациях*. 2010. № 3. С. 139–145.
2. Климова Е. М. Участие профессионального психолога в работе и реабилитации осужденных на основе личностного подхода // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 1А. С. 55–62. DOI 10.25799/AR.2019.43.1.049
3. Кононов А. Н. Исследование тревоги о будущем у работников торговой организации методом контент-анализа // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2017. № 3. С. 104–113.
4. Кононов А. Н. Особенности переживания состояния тревоги кардиологическими больными в условиях стационара // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2016. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.04.2020). DOI:10.18384/2224-0209-2016-3-755
5. Кононов А. Н. Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2016. № 4 (38). С. 173–179.
6. Лоренц К. Агрессия. М., 1994. 269 с.
7. Плетнер К. Марс. Репетиция полета // *Воздушно-космическая сфера*. 2016. № 1 (86). С. 58–65.

8. Чертовикова А. С. Психотравмирующие факторы в условиях изоляции // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60. С. 485–489.
9. Шефер В. В. Изоляция личности – форма государственного принуждения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2 (31). С. 109–119.
10. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg // *The Lancet Journals*. 2020. Vol. 395. P. 839–920.
11. Burki T. The indirect impact of COVID-19 on women // *Newsdesk*. 2020. Vol. 20. P. 904–905.
12. Cowan H., Mason L., Wilson E. Nurses in isolation, and the dark clouds and silver linings revealed by COVID-19 // *British Journal of Cardiac Nursing*. 2020. Vol. 15. P. 1–4.
13. Hossain M., Sultana A., Purohit N. Mental health outcomes of quarantine and isolation for infection prevention: A systematic umbrella review of the global evidence // *Systematic Review*. 2020. Vol. 42. P. 1–11.
14. Mental health status of people isolated due to Middle East respiratory syndrome / H. Jeong, H. W. Yim, Y.-J. Song, M. Ki, J.-A. Min, J. Cho, J.-H. Chae // *Epidemiol Health*. 2016. Vol. 38. P. 4–12.
15. Rising to the challenges of COVID-19: the front line of care and support for people with long-term mental health problems and the response of Northern Healthcare / K. Winstanley, N. Tracey, A. Mancey-Johnson, K. Gournay // *British Journal of Mental Health Nursing*. 2020. Vol. 9. P. 1–7.
16. Predictive factors of psychological disorder development during recovery following SARS outbreak / M. Mihashi, Y. Otsubo, X. Yinjuan, K. Nagatomi, M. Hoshiko, T. Ishitake // *Health Psychol*. 2009. Vol. 28. P. 91–100.
17. Factors influencing psychological distress during a disease epidemic: data from Australia's first outbreak of equine influenza / M. R. Taylor, K. E. Agho, G. J. Stevens, B. Raphael // *BMC Public Health*. 2008. Vol. 8. P. 347.
18. Wu P., Fang Y., Guan Z. The psychological impact of the SARS epidemic on hospital employees in China: exposure, risk perception, and altruistic acceptance of risk // *The Canadian Journal of Psychiatry*. 2009. Vol. 54. P. 302–311.
19. Alcohol Abuse/Dependence Symptoms Among Hospital Employees Exposed to a SARS Outbreak / P. Wu, X. Liu, Y. Fang, B. Fan, C. J. Fuller, Z. Guan, Z. Yao, J. Kong, J. Lu, I. J. Litvak // *Alcohol and Alcoholism*. 2008. Vol. 43. P. 706–712.

REFERENCES

1. Ermasov E. V. [Self-destructive type of stress experience in isolation]. In: *Lichnost' v ekstremal'nykh situatsiyakh* [Personality in extreme situations], 2010, no. 3, pp. 139–145.
2. Klimova E. M. [Participation of a professional psychologist in the work and rehabilitation of convicts based on a personal approach]. In: *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and contemporary research], 2019, vol. 8, no. 1A, pp. 55–62.
3. Kononov A. N. [Research of anxiety about the future among trade organization employees using the method of content analysis]. In: *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* [Scientific review: Humanities research], 2017, no. 3, pp. 104–113.
4. Kononov A. N. [Features of the experience of the state of anxiety in cardiac patients in a hospital setting]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*. 2016. № 3. [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 04.03.2020).
5. Kononov A. N. [The phenomenon of anxiety about the future as a separate concept in psychological science]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev], 2016, no. 4 (38), pp. 173–179.
6. Lorents K. Agressiya [Aggression]. Moscow, 1994. 269 p.
7. Pletner K. [Mars. Flight rehearsal]. In: *Vozdushno-kosmicheskaya sfera* [Aerospace], 2016, no. 1 (86), pp. 58–65.
8. Chertovikova A. S. [Psycho-traumatic factors in isolation]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2018, no. 60, pp. 485–489.
9. Shefer V. V. [Isolation of the individual is a form of government coercion]. In: *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2017, no. 2 (31), pp. 109–119.
10. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. In: *The Lancet Journals*, 2020, vol. 395, pp. 839–920.

11. Burki T. The indirect impact of COVID-19 on women. In: *Newsdesk*, 2020, vol. 20, pp. 904–905.
12. Cowan H., Mason L., Wilson E. Nurses in isolation, and the dark clouds and silver linings revealed by COVID-19. In: *British Journal of Cardiac Nursing*, 2020, vol. 15, pp. 1–4.
13. Hossain M., Sultana A., Purohit N. Mental health outcomes of quarantine and isolation for infection prevention: A systematic umbrella review of the global evidence. In: *Systematic Review*, 2020, vol. 42, pp. 1–11.
14. Jeong H., Yim H. W., Song Y.-J., Ki M., Min J.-A., Cho J., Chae J.-H. Mental health status of people isolated due to Middle East respiratory syndrome. In: *Epidemiol Health*, 2016, vol. 38, pp. 4–12.
15. Winstanley K., Tracey N., Mancey-Johnson A., Gournay K. Rising to the challenges of COVID-19: the front line of care and support for people with long-term mental health problems and the response of Northern Healthcare. In: *British Journal of Mental Health Nursing*, 2020, vol. 9, pp. 1–7.
16. Mihashi M., Otsubo Y., Yinjuan X., Nagatomi K., Hoshiko M., Ishitake T. Predictive factors of psychological disorder development during recovery following SARS outbreak. In: *Health Psychol*, 2009, vol. 28, pp. 91–100.
17. Taylor M. R., Agho K. E., Stevens G. J., Raphael B. Factors influencing psychological distress during a disease epidemic: data from Australia's first outbreak of equine influenza. In: *BMC Public Health*, 2008, vol. 8, p. 347.
18. Wu P., Fang Y., Guan Z. The psychological impact of the SARS epidemic on hospital employees in China: exposure, risk perception, and altruistic acceptance of risk. In: *The Canadian Journal of Psychiatry*, 2009, vol. 54, pp. 302–311.
19. Wu P., Liu X., Fang Y., Fan B., Fuller C. J., Guan Z., Yao Z., Kong J., Lu J., Litvak I. J. Alcohol Abuse / Dependence Symptoms Among Hospital Employees Exposed to a SARS Outbreak. In: *Alcohol and Alcoholism*, 2008, vol. 43, pp. 706–712.

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаем благодарность независимому исследователю О. А. Аникиной и выпускнице факультета психологии Московского государственного областного университета К. В. Винитинской за помощь в проведении исследования.

ACKNOWLEDGMENT

I would like to thank independent researcher O. A. Anikina and graduate of the faculty of psychology of Moscow state regional University K. V. Vinitinskaya for their assistance in conducting the research.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кононов Александр Николаевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологического консультирования, факультета психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: alnikkon@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Kononov – Cand. Sci. (Psychology), senior lecturer, Department of psychological counseling, faculty of psychology, Moscow Region State University;
e-mail: alnikkon@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кононов А. Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавирусной инфекции: исследование методом контент-анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 18–28.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-18-28

FOR CITATION

Kononov A. N. Anxiety about the future in the context of a coronavirus pandemic: a content analysis study. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 18–28.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-18-28

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ КИБЕРБУЛЛИНГА В ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Мишина М. М.¹, Воробьева К. А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Российский государственный гуманитарный университет*

125993, г. Москва, ул. Чаянова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация

Исследование посвящено малоизученному интернет-феномену – кибербуллингу в социальных сетях. Кибербуллинг – новая область знаний и науки, поэтому наблюдается отсутствие научной терминологической базы.

Цель. Анализ личностных особенностей участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети.

Процедура и методы. Исследование проводилось в онлайн-формате. Респонденты проходили анкетирование и психодиагностическое обследование в соответствии с поставленными задачами. В эмпирическом исследовании были использованы методы: анкетирования и тестирования.

Результаты. Анализ особенностей трансформации ролевой структуры кибербуллинга в сети в сравнении с буллингом в реальной жизни у пользователей популярных социальных сетей позволил выявить личностные характеристики и поведенческие стратегии его участников. Особенное внимание заслуживают «свидетели» кибернасилия: чем больше респондент является «свидетелем», тем больше вероятность у него стать «инициатором» кибербуллинга (умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор»). С одной стороны, прошлый опыт в роли агрессора в онлайн-контексте может быть тем фактором, который усиливает негативное поведение свидетелей, с другой стороны, постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счёт осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа ролевых профилей могут быть использованы для своевременной диагностики групп риска и усовершенствования работы специализированных сайтов для профилактики кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, социальные сети, последствия, психологическая профилактика

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE PERSONALITY OF CYBERBULLING PARTICIPANTS IN POPULAR SOCIAL NETWORKS

M. Mishina¹, K. Vorobyeva²

¹ *Moscow Region State University*

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Russian Federation

² *Russian State University for the Humanities*

15 Chayanova ul., Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to the insufficiently known Internet-phenomenon – cyber-bullying in social networks. Cyber-bullying is a new field of knowledge and science, that is why there is a lack of scientific terminological base.

Aim. To analyze the personal characteristics of cyber-bullying participants actively included in popular social networks.

Methodology. The research was performed in on-line format. The respondents were offered a survey and a psychodiagnostic examination in accordance with the tasks of the study. The empirical research included the methods of a survey and testing.

Results. The analysis of the features and transformations of the role structure of cyber-bullying in the network compared to the real-life bullying among users of popular social networks made it possible to reveal personal characteristics and behavioral strategies of its participants. Special attention should be paid to the “observers” of cyber-bullying: the more the respondent is an “observer” the more it is the possible for him to become the “initiator” of cyber-bullying (the moderate positive correlation between the scales “observer” and “initiator”). On the one hand, the previous experience of being an aggressor in the on-line context can become the factor which intensifies the negative behavior of observers. On the other hand, constant following the bullying in the net can result in the loss of sensitivity to other people’s feelings and may also result in fixing destructive forms of behavior owing to the feeling of impunity and anonymity in the on-line environment.

Research implications. The results of the analysis of role profiles can be used for timely diagnostics of risk groups and improve the work of psychological services and specialized sites for the prevention of cyber-bullying.

Keywords: cyber-bullying, adolescents, social networks, consequences, psychological prevention

Постановка проблемы

С учётом широкого проникновения в повседневную жизнь интернета тема кибербуллинга в социальных сетях становится всё более актуальной с разных точек зрения (имеет широкий общественный резонанс и исследуется социологами, педагогами, психологами).

Кибербуллингом занимаются люди разных возрастных групп: дети, подростки, взрослые. Для разных возрастных групп применяются разные термины, которые очень быстро получают распространение в средствах массовой информации и интернет-пространстве: «киберхарассмент», «киберсталкинг», «нецивилизованность онлайн», «кибернецивилизованность».

Наибольшее распространение из вышеперечисленных терминов получил термин «кибербуллинг», который мы рассматриваем в данной статье.

Исторически кибербуллинг можно обнаружить на площадках, популярных у

интернет-аудитории. С распространением интернета в начале 2000-х гг. он чаще всего проявлялся в сетевых чатах. После появления в России социальных сетей (с 2006 г. – «ВКонтакте», «Одноклассники»; с 2010 г. – «Инстаграм») [2; 4] они стали лидерами по количеству эпизодов кибертравли в онлайн-среде. Согласно исследованию 2019 г. феномен кибербуллинга чаще всего проявлялся в социальных сетях – в 40,3% случаев (на «ВКонтакте» приходится 20,3%, «Инстаграм» – 5,9%, «Фейсбук» – 4,4%).

Приведём немного статистики, отражающей масштаб проблемы кибербуллинга в современном транзитивном информационном обществе. По данным Mail.ru Group¹, на ноябрь 2019 г. с кибербуллингом сталкивались 58% опрошенных россиян, а 4% из них признались, что

¹ Исследование Mail.ru Group на тему кибербуллинга и отношения пользователей к этому явлению [Электронный ресурс]. URL: <https://kiberbulling.net/> (дата обращения: 15.04.2020).

выступили в роли инициаторов. 47% респондентов отметили, что встречались с агрессией чаще в виртуальной, нежели в реальной жизни.

Наиболее активными пользователями являются люди в возрасте 13–24 лет. Согласно различным опросам, 27% респондентов-подростков проводят в социальных сетях более 5 часов в день, а четверть из них проверяют обновления каждые полчаса [9, с. 40].

Проблема кибербуллинга заслуживает повышенного внимания исследователей из разных областей познания. Психологические последствия буллинга и кибербуллинга могут быть очень серьёзными, особенно для детей и подростков: рост уровня тревоги, стресс, нарушения сна, психосоматические расстройства, снижение школьной успеваемости, снижение самооценки и депрессия. Жертвы буллинга и кибербуллинга составляют группу риска по формированию поведенческих девиаций, в частности, склонности к суицидальному поведению [3, с. 38].

Своеобразие онлайн-пространства и применение электронных форм контакта в качестве инструментов осуществления агрессивных действий позволяют выделить ряд специфических особенностей, отличающих кибербуллинг от буллинга [7, с. 31]. В качестве основных можно выделить следующие:

- иллюзию анонимности для агрессора и его помощников, а также для активных свидетелей;
- непредсказуемость совершаемых агрессивных действий в связи с неограниченным и повсеместным доступом в онлайн и одновременным использованием широкого спектра электронных форм контакта;
- «круглосуточность – 24/7» кибербуллинга в силу отсутствия временных и пространственных ограничений;
- достаточность совершения всего лишь одного агрессивного акта для достижения эффекта систематической травли;

- значительное увеличение аудитории свидетелей, которой агрессор может произвольно управлять;

- изолированность свидетелей друг от друга и от жертвы, что частично воспроизводит и придаёт свою специфику известному в психологии «эффекту свидетеля», определяющему одиночное противостояние жертвы агрессивным действиям со стороны обидчика;

- стимулирование механизма инверсии в ролевой структуре – агрессор становится жертвой, а жертва – искусным агрессором, свидетели могут стать как жертвами, так и агрессорами; неравенство сил в онлайн-пространстве, определяющееся различиями в уровне развития цифровой компетентности участников ситуации.

Широкая распространённость вовлечённости населения по всему миру в социальные сети, как среды проявления кибербуллинга обуславливает императив соответствующих исследований [6; 8; 10; 11]. Изучение кибербуллинга является крайне актуальным в связи с непрерывным развитием информационно-коммуникационных технологий и требует дальнейшего раскрытия в динамике и развитии.

Объект исследования: личностные особенности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях.

Предмет исследования: связь уровня тревожности участников со спецификой проявления кибербуллинга.

Цель исследования: проанализировать личностные особенности участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети.

Гипотезы исследования:

1. У инициаторов кибербуллинга в большей мере выражены гнев и физическая агрессия по сравнению с другими позициями в ситуации травли, например, жертвами и наблюдателями.

2. У людей, подвергавшихся кибербуллингу, будет наблюдаться повышенный уровень тревожности, сопровожда-

ющийся негативными переживаниями, такими как страх, унижение, разрушение самооценки, потеря чувства защищённости и безопасности.

3. Агрессивное поведение кибербуллеров взаимосвязано с личностными особенностями жертв кибербуллинга, такими как высокий уровень тревоги и низкий социометрический статус.

Методы исследования:

Метод анкетирования (авторская анкета по выявлению ролевой позиции в структуре кибербуллинга); метод тестирования: личностная шкала проявлений тревоги Тейлора; методика на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной; опросник уровня агрессивности Басса-Перри.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Microsoft Excel и SPSS Statistics 21.0. Статистическим критерием проверки результатов диагностики являлся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Эмпирическую базу исследования составили 91 пользователь социальных сетей от 13 до 45 лет, из которых 12% (12 человек) мужчины и 88% (79 человек) женщины.

Респонденты были разделены на 2 группы: респонденты из малых городов (46,15%) (43 человека) и респонденты из

крупных городов (53,85%) (48 человек). Каждый из них проводит в социальных сетях больше 3-х часов в день, преимущественно в «Инстаграме», «ВКонтакте» и «Телеграме».

Результаты исследования

Результаты опроса, проведённого по авторской анкете с целью выявления ролевой позиции в структуре кибербуллинга, позволили определить средние значения основных позиций, в которых находятся респонденты нашего исследования в ситуации кибербуллинга.

Полученные результаты показывают, что большинство респондентов относят себя к группе «свидетелей» в ситуации кибербуллинга ($n = 69$), нежели считают себя «пострадавшими» ($n = 24$) или «агрессорами» ($n = 7$).

Для анализа корреляционных связей между различными показателями используемых методик был применён непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора» и выявленными ролевыми позициями у респондентов в структуре кибербуллинга с помощью авторской анкеты позволил выявить следующие связи (рис. 1).

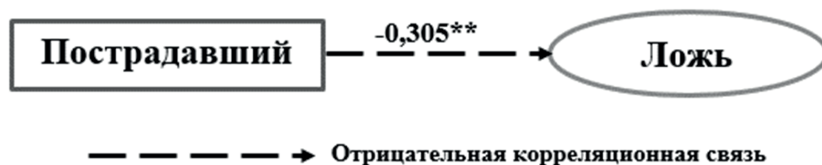

Рис. 1 / Fig. 1. Значимые корреляции между показателями ролевой позиции в кибербуллинге и проявлением тревоги (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченная корреляция значима на уровне $p < 0,01^{**}$) / Significant correlations between indicators of role position in cyberbullying and manifestation of anxiety (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlation is significant at $p < 0.01^{**}$)

Важно отметить следующую сильную отрицательную корреляционную связь между шкалами «пострадавший» и

«ложь». Другие корреляции между шкалами вышеуказанных методик отсутствуют.

Анализ корреляционных связей между показателями авторской анкеты по выявлению ролевой позиции в кибербул-

линге и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной. Полученные результаты представлены на рисунке 2.

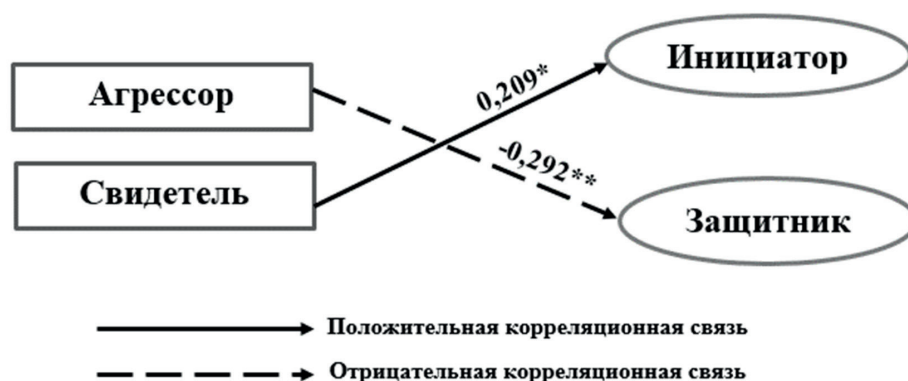

Рис. 2 / Fig. 2. Значимые корреляции между показателями ролевых позиций в кибербуллинге и буллинге (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of role positions in cyberbullying and bullying (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level of $p < 0.01^{**}$ and $p < 0.05^{*}$)

Следует отметить следующие две корреляционные связи, которые были выявлены в результате анализа:

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «агрессор» и «защитник».

2) Умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор».

Анализ корреляционных связей между шкалами методик «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора». Полученные данные представлены на рисунке 3.

Необходимо отметить следующие корреляционные связи.

1) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «ложь».

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «гнев» и «ложь».

3) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «враждебность» и «ложь».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «тревога».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «гнев» и «тревога».

6) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «тревога».

Средние значения шкал «Инициатор», «Жертва» и «Наблюдатель» практически совпадают у двух групп респондентов, проживающих в крупных или малых городах.

Анализ корреляционных связей между шкалами методики «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной. Полученные результаты представлены на рисунке 4.

Проанализировав корреляционные связи между показателями методики «Опросник уровня агрессивности Басса-Перри» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной, мы выявили 6 значимых корреляционных связей.

Рис. 3 / Fig. 3. Значимые корреляции между показателями физической агрессии, гнева и враждебности и проявлением тревоги (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of physical aggression, anger and hostility and manifestation of anxiety (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level of $p < 0,01^{**}$ and $p < 0,05^{*}$)

Рис. 4 / Fig. 4. Значимые корреляции между показателями физической агрессии, гнева, враждебности и структурными компонентами буллинга (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of physical aggression, anger, hostility and the structural components of bullying (Spearman's rank correlation criterion, the noted correlations are significant at the level $p < 0,01^{**}$ and $p < 0,05^{*}$)

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «гнев» и «защитник».

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «враждебность» и «защитник».

3) Сильная положительная корреляция между шкалами «физическая агрессия» и «насилие в коллективе».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «жертва».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «гнев» и «насилие в коллективе».

6) Умеренная положительная корреляция между шкалами «враждебность» и «насилие в коллективе».

Проанализировав данные корреляционные связи, мы отмечаем рост тревоги у жертв кибербуллинга среди респондентов, а анализ корреляционной связи между методиками Тейлора и Е. Г. Норкиной показал, что тревога имеет сильную по-

ложительную связь, а это означает, что чем больше человек оказывается в позиции «жертвы», тем выше у него уровень тревоги, что подтверждает вторую гипотезу нашего исследования.

Анализ корреляционных связей между показателями методики «Личностная шкала проявлений тревоги Тейлора» и методики на выявление «Буллинг структуры» Е. Г. Норкиной.

Полученные результаты анализа корреляционных связей показателей проявлений личностной тревоги и позиции участников в структуре буллинга представлены на рисунке 5.

Далее необходимо отразить полученные пять корреляционных связей показателей проявлений личностной тревоги и позиций, занимаемых участниками в структуре буллинга.

1) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «защитник».

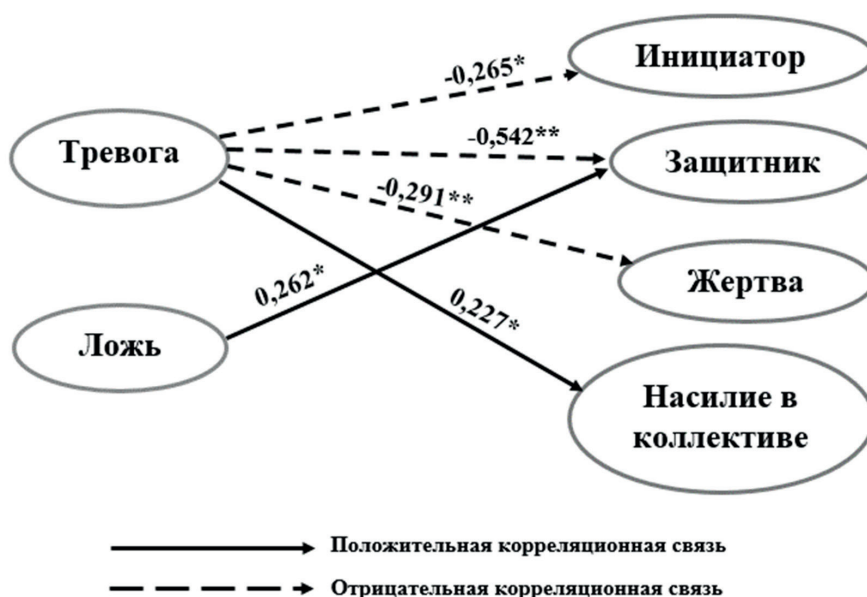

Рис. 5 / Fig. 5. Значимые корреляции между показателями тревоги и структурными компонентами буллинга (критерий ранговой корреляции Спирмена, отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,01^{**}$ и $p < 0,05^{*}$) / Significant correlations between indicators of anxiety and structural components of bullying (Spearman's rank correlation test, the noted correlations are significant at $p < 0.01^{**}$ and $p < 0.05^{*}$)

2) Сильная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «жертва».

3) Умеренная отрицательная корреляция между шкалами «тревога» и «инициатор».

4) Умеренная положительная корреляция между шкалами «ложь» и «защитник».

5) Умеренная положительная корреляция между шкалами «тревога» и «насилие в коллективе».

Далее мы приводим результаты сравнительного анализа ролевой позиции в структуре кибербуллинга в крупных и малых городах.

Исходя из поставленных цели и задач исследования, наша выборка была разделена на две подгруппы:

1) Респонденты-пользователи популярных социальных сетей, проживающие в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Самара, Торонто, Минск, Казань, Великий Новгород, Нижний Новгород) – 47 человек.

2) Респонденты-пользователи популярных социальных сетей, проживающие в малых городах (Балашиха, Падуга, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Новый Уренгой, Нефтеюганск, Солигорск, Сургут, Тюмень, Видное, Хилок, Канаш, Волгоград, Севастополь, Полтава, Тула, Мончегорск, Каспийск, Владивосток, Тольятти, Харьков, Сыктывкар, Бишкек, Запорожье, Скопин) – 44 человека.

Для сравнения показателей двух подгрупп респондентов были использованы t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 1.

Из проведённого анализа данных можно заключить, что различия по t-критерию Стьюдента присутствуют в показателях «Пострадавший», «Свидетель», «Физическая агрессия», «Гнев», «Враждебность», «Тревога», «Ложь», «Инициатор», «Помощник», «Жертва», «Наблюдатель» и «Насилие в

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнительного анализа показателей у пользователей популярных социальных сетей из крупных и малых городов / Results of comparative analysis of indicators among users popular social networks from cities and towns

Показатель	Группа № 1 (ср. знач.) Люди, проживающие в крупных городах N=49	Группа № 2 (ср. знач.) Люди, проживающие в малых городах N=42	t	u
Агрессор	0,102041	0,02381	1,572	948,5
Пострадавший	0,204082	0,214286	-0,118	1018,5
Свидетель	0,693878	0,666667	0,275	1001
Физическая агрессия	19,36735	22,45238	-2,326	744,5
Гнев	22,73469	21,11905	-1,169	857
Враждебность	17,79592	20,07143	-1,373	876,5
Тревога	23,73469	21,66667	1,149	900
Ложь	3,857143	3,714286	0,436	170
Инициатор	6,183673	6,142857	0,089	1019,5
Помощник	3,612245	3,833333	-0,625	930,5
Защитник	10,59184	11,09524	-0,884	869,5
Жертва	5,959184	5,97619	-0,043	990,5
Наблюдатель	3,428571	3,761905	-1,169	904,5
Насилие в коллективе	0,591837	0,952381	-1,965	829,5

коллективе» и значимы на уровне $p \geq 0,01$. Различия по U-критерию Манна-Уитни присутствуют в показателях «Физическая агрессия» и «Ложь» и значимы на уровне $p \leq 0,05$.

Таким образом, различия показателей «Агрессор» и «Защитник» в подгруппах респондентов носят разнонаправленный характер: у респондентов, которые проживают в крупных городах, в большей степени выражена склонность к проявлению позиции «агрессора», а у респондентов, которые проживают в малых городах, более выражена позиция «защитника».

Результаты авторской анкеты по выявлению ролевой позиции в структуре кибербуллинга у пользователей популярных социальных сетей в крупных и малых городах могут свидетельствовать о том, что большинство респондентов относят себя к группе «свидетелей» кибербуллинга ($n = 34$ в крупных городах; $n = 31$ в малых городах), нежели считают себя «жертвами» ($n = 8$ в крупных городах; $n = 9$ в малых городах) или «агрессорами» ($n = 5$ в крупных городах; $n = 4$). Особое внимание можно уделить результатам, которые говорят о том, что к группе «агрессоров» относятся всего 5 и 4 соответственно респондентов из крупных и малых городов. Этот результат является самым низким значением не только по данной методике диагностики, но и среди всех методик и опросников, которые были проведены на обеих группах респондентов из больших и малых городов.

Выводы

Проведя подробный анализ полученных результатов, мы можем сделать следующие выводы.

1) Преимущественно в группе респондентов преобладает гнев. Большинство пользователей популярных социальных сетей предпочитают проявлять склонность к повышенной раздражительности (эмоциональный компонент поведения) и негативные эмоции во взаимодействии с другими пользователями в сети. Гнев

выступает как успокаивающее средство: в момент раздражения в кровь поступает гормон надпочечников норадреналин, который отчасти работает как анестетик (например, помогает нам переживать болевой шок, воздействуя на кровеносные сосуды). Когда мы испытываем мучительные чувства, такие как вина или горе, человек может ощущать злость, чтобы защитить себя от потрясений. После вспышки возмущения неизбежно наступает период расслабления.

2) В группе респондентов также выражена физическая агрессия как поведенческий компонент. Агрессоры, как правило, рассчитывая на анонимность, не предполагают какой-либо ответственности за свои действия. Такое поведение в области современной психологии получило название «феномен социального растормаживания (disinhibition)», когда люди, не опасаясь потенциального наказания и неодобрения, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания.

3) Меньше всего в данной группе респондентов выражена враждебность, когнитивный компонент, который включает в себя подозрительность и обидчивость. Виртуальное общение стирает допустимые границы этических стандартов взаимодействия, и тогда для некоторых людей оскорбления, хамство и жестокость становятся нормой.

4) Большинство представителей популярных социальных сетей имеют средний уровень тревожности с тенденцией к высокому, а наличие высокой тревожности обуславливает потенциальную склонность к агрессии и интернет-зависимости у активных пользователей сети.

5) Среди респондентов было выявлено больше всего защитников, которые заступаются за жертв кибербуллинга, давая отпор обидчикам.

6) Сравнительный анализ результатов респондентов из крупных и малых городов позволил сделать вывод, что показа-

тель наличия склонности к проявлению насилия в коллективе больше распространён у респондентов из малых городов. Можно предположить, что пользователи, проживающие в малых городах, будут больше склонны к буллингу в реальной жизни, по сравнению с пользователями, проживающих в крупных городах.

Заключение

Анализ корреляционных связей между показателями (сильная отрицательная корреляция между шкалами «пострадавший» и «ложь») позволил сделать оптимистичное заключение о том, что чем больше респондент является «жертвой» в социальных сетях, тем меньше он будет скрывать этот факт от близких людей. Тем самым жертва кибербуллинга защищает себя от негативных последствий травли и потенциальных суицидальных мыслей из-за потери чувства психологической безопасности и отсутствия социальной поддержки в онлайн-пространстве. Пользователи социальных сетей обладают значительным репертуаром копинг-стратегий и наиболее часто используют блокировку или дистанцирование от ресурса, где произошла враждебная ситуация, а также обращение к друзьям за помощью [5, с. 25].

С другой стороны, сильная отрицательная корреляция между шкалами «агрессор» и «защитник» свидетельствует о том, что чем больше человек проявляет агрессивные действия в отношении другого человека, тем меньше он будет склонен к позиции «защитника» других пользователей социальных сетей. «Агрессор» в отличие от «защитника» имеет сниженную чувствительность по отношению к страданиям других, в целом более низкий уровень эмпатии, самоконтроля, высокий уровень импульсивности, направленной на достижение определённой цели, оправдание жестокого поведения [15, р. 555].

Особенное внимание заслуживают «свидетели» кибернасилия: чем больше

респондент является «свидетелем», тем больше вероятность у него стать «инициатором» кибербуллинга (умеренная положительная корреляция между шкалами «свидетель» и «инициатор»). С одной стороны, прошлый опыт в роли агрессора в онлайн-контексте может быть тем фактором, который усиливает негативное поведение свидетелей [13, р. 184], с другой стороны, постоянное наблюдение за травлей в онлайн-сети может привести к потере чувствительности, т. е. десенсибилизации в отношении чувств других людей, а также к закреплению деструктивных форм поведения за счёт осознания безнаказанности и анонимности в онлайн-среде.

Для пользователей популярных социальных сетей оказывается предпочтительнее роль активного кибербуллера, чем защитника или пассивного наблюдателя. Киберагрессоров закономерно отличают высокий уровень интернет-активности и использования мессенджеров для обмена сообщениями, обладание более высокими экспертными знаниями в области интернет-технологий, а также у них наблюдается более проблемное поведение в реальной жизни [16, р. 1309].

У «жертв» и «кибербуллеров» уровень тревоги примерно идентичен. Это можно объяснить тем, что интернет-среда создаёт благодатную почву для инверсии ролей – нередко те, кто травят других онлайн, сами становятся жертвами травли, – и наоборот. Интернет-пространство имеет высокую проницаемость границ между ролями киберагрессоров и кибержертв, тем самым трансформируя их и повышая уровень тревоги [12, р. 402].

Закономерным является вывод, что чем больше человек склонен проявлять физическую агрессию, тем выше у него уровень тревоги. Агрессивность и тревога сопровождаются снижением приспособленности человека к основным сферам жизни, в первую очередь, это отражается на снижении его социально-компетентного потенциала.

Заслуживающим особое внимание, на наш взгляд, является вывод, что чем больше респонденты проявляют физическую агрессию, тем меньше они склонны скрывать этот факт. Следовательно, «агрессор» становится безразличным к чувствам «жертв» и не боится ответственности за последствия своего агрессивного поведения.

Результаты исследования личностных особенностей участников кибербуллинга, активно включённых в популярные социальные сети, восполняют пробел в изучении социально-психологических эффектов воздействия кибербуллинга в известных социальных сетях, позволяют прогнозировать его последствия как угрозы психическому здоровью для безопасности личности в сети.

Анализ результатов может способствовать повышению эффективности существующих схем профилактики кибербуллинга как среди подростков, так и среди взрослых в популярных социальных сетях. Изучение личностных особенностей участников кибербуллинга позволит снизить онлайн-риски и повысить цифровую компетентность специалистов, подростков и их родителей.

Перспектива исследования

В дальнейшем мы будем разрабатывать тему психологии интернета, изучая индивидуально-психологические особенности пользователей популярных социальных сетей. Знание особенностей каждой роли и сопутствующих её исполнению психологических характеристик в каждой конкретной онлайн-ситуации позволит максимально эффективно справляться с кибербуллингом. Результаты анализа ролевых профилей могут быть использованы для своевременной диагностики групп риска.

В этом контексте особое внимание привлекает феномен девиантного поведения, в частности, цифрового самоповреждения, которое является одним из недавно выявленных видов неадаптивно-

го онлайн-поведения. Цифровое самоповреждение – это «анонимное размещение в интернете, отправка или иное распространение причиняющего себе вред контента» [14, р. 761]. При осуществлении цифрового самоповреждения один и тот же субъект может одновременно исполнять роли и жертвы, и агрессора.

Полученные данные можно использоваться в целях усовершенствования работы психологических служб и специализированных сайтов для профилактики кибербуллинга в транзитивном обществе молодого цифрового поколения.

Советы психолога тем, кто стал жертвой кибертравли

- Не стесняйтесь обратиться за помощью к людям, которым вы доверяете (ко взрослым, если Вы ребёнок).
- Не следует удалять оскорбительные сообщения. Вы можете не читать, но сохранить их в качестве доказательства травли.
- Не стоит отвечать на оскорбления. Ваши раздражённые ответы возбуждают агрессоров ещё больше и дают им чувство значимости и влияния. Помните: агрессия порождает агрессию.
- Заблокируйте отправителя оскорбительных сообщений.
- Сообщите о проблеме администрации сайта или модератору группы (чата и т. д.).
- Вы не можете контролировать действия тех, кто Вас травит, но Вы можете контролировать свою реакцию. Если они смогут вывести Вас из себя, они победили.

Нужно быть юридически грамотными, уметь себя защищать и знать, что закон на Вашей стороне. Обидчик не останется безнаказанным. Приводим статьи закона РФ, на которые можно ссылаться при атаках и травле в интернет-пространстве:

152.1. статья ГК РФ – Охрана изображения гражданина. Обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения

изобразительного искусства, в которых он изображён) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей.

163 статья УК РФ – Вымогательство, шантаж. Согласно 163 статье УК РФ, вымогательством считаются действия имущественного характера – требование передачи права на чужое имущество (самого имущества) под угрозой: применения насилия (как неопасного, так и опасного для жизни и здоровья); распространения сведений, которые могут причинить значительный вред интересам и правам потерпевшего или его близких; повреждения или уничтожения чужого имущества.

117 статья УК РФ – Истязание. К данному понятию относят информационное воздействие на психику: оскорбление, травлю, угрозы, если при этом прослеживается умысел обвиняемого на причинение потерпевшему психических страданий. Действия могут носить как регулярный, так и несистематический характер.

110 статья УК РФ – Доведение до самоубийства. Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Психологические рекомендации родителям и педагогам

Родители и педагоги должны повышать уровень цифровой компетентности как важнейшего навыка XXI в., обеспечивающего не только эффективность использования интернета, но и его безопасность [1, с. 68].

- Цифровую грамотность следует преподавать отдельным предметом (факультативом) в школьной программе, целью которой являлось бы обучение способам совладания с онлайн-рисками, в первую очередь киберагрессией.

- Необходимо разрабатывать специфические образовательные программы по повышению цифровой компетентности с опережающим эффектом и возможностями быстрой трансформации с учётом темпов развития новых технологий. Эффективность использования ИКТ в учебно-образовательном процессе предполагает высокий уровень цифровой компетентности у всех участников образовательного процесса.

- Родители и педагоги должны обучать активным и пассивным стратегиям совладания с кибербуллингом, таким как поиск социальной поддержки, дистанцирование и др.

- Родители создают правила и ограничения использования интернетом. Чрезмерное использование интернета следует рассматривать как отдельную онлайн-угрозу и чрезмерную информационную «нагрузку». Родители переживают достаточно обоснованные страхи, связанные с онлайн-рисками и их последствиями, например, дети могут стать жертвами сексуальных домогательств или жертвами киберагрессии в онлайн, страдают их социализация, дружба в реальном мире, они оставляют избыточную информацию о себе, режим медиа-многозначности оказывает негативное воздействие на их психику и познавательную деятельность.

- Родители должны постоянно проверять сайты, которые посещают их дети, его контакты, профили. Родители могут использовать технические ограничения в виде специальных программ, которые блокируют и фильтруют сайты или устанавливают ограничения во времени пользования интернет-ресурсами.

Общение на равных с продвинутыми в области интернет-технологий детьми и подростками возможно при условии владения достаточными «цифровыми» знаниями и умениями у родителей и педагогов, способных обеспечить безопасное использование интернет-ресурсов.

Статья поступила в редакцию 25.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г., Семенов А. Л., Уваров А. Ю. Российская школа и новые информационные технологии: взгляд в следующее десятилетие. М., 2010. 84 с.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
3. Воробьева К. А. Воздействие демонстрации в СМИ сцен насилия на развитие личности подростков // Воспитание школьников. 2019. №8. С. 37–43.
4. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122–128.
5. Кривцова С. В., Белевич А. А., Шапкина А. Н. Школьный буллинг: об опыте исследований распространённости буллинга в школах Германии, Австрии, России // Образовательная политика. 2016. Т. 3. № 73. С. 2–25.
6. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ формирования типов этнической идентичности подростков разных культурных сред // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 1. С. 84–94. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
7. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31.
8. Федунина Н. Ю. Представления о триаде «Преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 41. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Шумакова Е. В. Воспитательное пространство социальных сетей интернета // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 6. С. 39–40.
10. Barlinska J., Szuster A., Winiewski M. Cyberbullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy [Электронный ресурс] // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2013. № 23. URL: <https://doi.org/10.1002/casp.2137> (дата обращения: 22.06.2019).
11. Cassidi W., Jackson M. Sticks and stones can break my bones, but how can pixelshurt me? // School Psychology International. 2009. № 30. P. 83–402.
12. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents / A. DeSmet, S. Bastiaensens, K. Van Cleemput, K. Poels, H. Vandebosch, G. Cardon, I. De Bourdeaudhuij // Computers in Human Behavior. 2016. № 57. P. 398–415. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.051.
13. Edeberg G., Thorvaldsen S., Ronning J. A. The Impact of cyberbullying and cyber harassment on academic achievements // Digital Expectations and Experiences in Education. 2016. P. 183–204.
14. Patchin J. W., Hinduja S. Digital self-harm among adolescents // Journal of Adolescent Health. 2017. № 61(6). Pp. 761–766. DOI: 10.1016/j.jadohealth. 2017.06.012.
15. Sari S. V. Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. // Computers in Human Behavior. 2016. № 54. Pp. 555–559. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.053
16. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics // Journal of child Psychology and Psychiatry. 2004. № 45 (7). P. 1308–1316. DOI: 10.1111/ j.1469-7610.2004.00328.

REFERENCES

1. Asmolov A. G., Semenov A. L., Uvarov A. Yu. Rossiiskaya shkola i novye informatsionnye tekhnologii: vzglyad v sleduyushchee desyatiletie [Russian school and new information technologies: a look into the next decade]. Moscow, 2010. 84 p.
2. Bochaver A. A., Khlomov K. D. [Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 3, pp. 177–191.
3. Vorob'eva K. A. [Impact of media exposure of violent scenes on adolescent personality development]. In: *Vospitanie shkol'nikov* [Education of schoolchildren], 2019, no. 8, pp. 37–43.

4. Zintsova A. S. [Social prevention of cyber-bullying]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Social Sciences], 2014, no. 3 (35), pp. 122–128.
5. Krivtsova S. V., Belevich A. A., Shapkina A. N. [School bullying: on the experience of researching the prevalence of bullying in schools in Germany, Austria, Russia]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, vol. 3, no. 73, pp. 2–25.
6. Mishina M. M., Mursalyeva G. M. [Comparative analysis of the formation of types of ethnic identity in adolescents from different cultural environments]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2018, no. 1, pp. 84–94. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-1-84-93
7. Soldatova G. U., Yarmina A. N. [Cyber-bullying: features, role structure, parent-child relationships and strategies]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 3 (35), pp. 17–31.
8. Fedunina N. Yu. [Ideas about the triad “Persecutor – victim – observer” in cyber-bullying in the English language literature]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2015, vol. 8, no. 41. Available at: <http://psystudy.ru/num/2015v8n41/1143-fedunina41> (accessed: 06.10.2020).
9. Shumakova E. V. [Educational space of the Internet social networks]. In: *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa* [Professional education. Capital-city], 2011, no. 6, pp. 39–40.
10. Barlinska J., Szuster A., Winiewski M. Cyber-bullying among adolescent bystanders: Role of the communication medium, form of violence, and empathy. In: *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2013, no. 23. Available at: <https://doi.org/10.1002/casp.2137> (accessed: 22.06.2019).
11. Cassidi W., Jackson M. Sticks and stones can break my bones, but how can pixelshurt me? In: *School Psychology International*, 2009, no. 30, pp. 83–402.
12. DeSmet A., Bastiaenssens S., Van Cleemput K., Poels K., Vandebosch H., Cardon G., De Bourdeaudhuij I. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents. In: *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 57, pp. 398–415. DOI: 10.1016/j.chb.2015.12.051.
13. Edeberg G., Thorvaldsen S., Ronning J. A. The Impact of cyberbullying and cyber harassment on academic achievements. In: *Digital Expectations and Experiences in Education*, 2016, pp. 183–204.
14. Patchin J. W., Hinduja S. Digital self-harm among adolescents. In: *Journal of Adolescent Health*, 2017, no. 61 (6), pp. 761–766. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.06.012.
15. Sari S. V. Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor. In: *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 54, pp. 555–559. DOI: 10.1016/j.chb.2015.08.053
16. Ybarra M. L., Mitchell K. J. Online aggressor/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics. In: *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2004, no. 45 (7), pp. 1308–1316. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2004.00328.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Воробьева Ксения Андреевна – доцент кафедры психологии личности Российского государственного гуманитарного университета, Института психологии им. Л. С. Выготского;
e-mail: kseniaprivavera@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Mishina – Doctor of Psychology; Professor of General and Educational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Ksenia A. Vorobyeva – Assoc. Prof., the Department of Personality Psychology, Russian State University for the Humanities, Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky;
e-mail: kseniaprivavera@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 29–43.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43

FOR CITATION

Mishina M. M., Vorobyeva K. A. Psychological peculiarities of the personality of cyber-bulling participants in popular social networks. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 29–43.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-29-43

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК. 519.9. 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-44-53

ПРЕДИКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ УСЛОВИЯМИ ПРОЖИВАНИЯ В МЕГАПОЛИСЕ В ГРУППАХ МОЛОДЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Войтенко М. Ю., Дробышева Т. В.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление предикторов удовлетворённости условиями проживания в городе в двух группах родителей дошкольников – «коренных» и «некоренных» жителей мегаполиса.

Процедура и методы. Для изучения удовлетворённости молодых родителей условиями проживания в городе, социально-демографических, пространственно-временных характеристик семьи, применяли авторскую анкету. С целью выявления факторов удовлетворённости – городской идентичности и ценностных ориентаций родителей – использовали методики: «шкала идентификации с городом» М. Лалли и «ценностные ориентации» Е. Б. Фанталовой.

Результаты. Обнаружено, что высокий уровень удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в обеих группах респондентов зависит от уровня экономической самооценки и связи планов молодых родителей с жизнью в городе. Описаны различия в факторах удовлетворённости условиями проживания в городе у разных групп родителей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные об удовлетворённости родителей дошкольников будут анализироваться в контексте теоретической модели исследования факторов социально-психологического благополучия детей – жителей мегаполиса.

Ключевые слова: удовлетворённость условиями проживания в городе, городская идентичность, социально-психологическое благополучие, мегаполис, коренные и некоренные москвичи, молодые родители

PREDICTORS OF SATISFACTION WITH LIVING CONDITIONS IN A MEGALOPOLIS IN GROUPS OF YOUNG PARENTS

M. Voytenko, T. Drobysheva

Institute of Psychology of the Russian Academy of Science

13, Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the predictors of satisfaction with living conditions in the city in two groups of parents of preschool children – “indigenous” and “non-indigenous” residents of the megalopolis.

Methodology. To study the characteristics of parents and the family as a whole, the author's questionnaire was used, revealing the social, socio-demographic, socio-psychological characteristics of parents and the space-temporal characteristics of the family's residence in the megalopolis. To study the factors of satisfaction – the identity with the city and the parents' value orientations the method "Scale of identification with the city" by Lalli M. and the methodology "Value orientation" by E. B. Fantalova were used.

Results. It was found that the high level of satisfaction with living conditions in the megalopolis in both groups of respondents depends on the level of economic self-esteem and the relationship of young parents' plans with life in the city.

Differences in the determination of satisfaction of different groups of Muscovites are described.

Research implications. The data obtained about the satisfaction of preschoolers' parents will be analyzed in the context of the theoretical model of studying the factors of social-psychological well-being of the children living in the megalopolis.

Keywords: satisfaction with living conditions in the city, urban identity, socio-psychological well-being, megalopolis, indigenous and non-indigenous Muscovites, young parents

Введение

Привлекательность жизни в мегаполисе, в сравнении с другими городами, связана с теми возможностями, которые город предоставляет своим жителям. Речь идёт о разнообразии: мест трудоустройства и получения престижного образования как источников самореализации личности; объектов свободного времяпрепровождения – музеев, театров, торговых центров, развлекательных учреждений, обеспечивающих условия удовлетворения духовных, эстетических, материальных, социальных, витальных и других потребностей горожан. С полной уверенностью можно сказать, что в мегаполисе актуализируется проблема личностных самореализации и самоутверждения, что делает его особенно привлекательным для молодых людей.

По данным российских исследователей, различия в условиях социальной жизни в центральном городе (столице) и городах других регионов косвенно отражаются на отношении региональных жителей к «москвичам», а столичных жителей – на отношении к «приезжим» [11; 14]. Однако самочувствие среднестатистического горожанина в мегаполисе не зависит от внешних факторов и сравнения с другими городами. Оно связано с реализацией его интересов в повседневной жизни города, с

его идентичностью, системой ценностей, позволяющей выстроить приоритеты в жизненных планах, удовлетворённостью уровнем материального благосостояния. Городская идентичность усиливает в сознании жителей значимость тех возможностей, которые предоставляет им город [4; 12], выполняет функцию ресурса в ситуации совладания с неблагоприятными условиями городской жизни, повышая тем самым уровень жизнеспособности горожан [9].

Среди разных категорий жителей мегаполиса молодые семьи с маленькими детьми находятся в наиболее трудном положении. Высокая конкурентность в мегаполисе, сложные пространственно-временные условия жизни и работы молодых родителей (удалённость мест работы от дома, удлинённая продолжительность рабочего дня, особый график работы и т. п.) осложняют возможность успешно совмещать роли: специалиста-профессионала – на работе, родителя и супруга / супруги – дома. Особый темп и ритм жизни в мегаполисе, перегруженная информационная среда города, обезличенные навязанные коммуникации и т. п. выступают в качестве дополнительных стресс-факторов, усиливающих внутренних конфликт между потребностями и возможностями в реализации жизнен-

ных планов в сознании молодых родителей. С одной стороны, их неудовлетворённость условиями жизни в мегаполисе сказывается на психологическом климате семьи, отражается на субъективном благополучии детей [1]. С другой стороны, удовлетворённость молодых родителей условиями проживания в мегаполисе может выполнять функцию *ресурса жизнеспособности* молодой семьи [3; 5; 8]. Можно предположить, что родители дошкольников, удовлетворённые условиями проживания в мегаполисе, связывают своё будущее с этим городом, проявляют активность в преобразовании городской среды, более оптимистично воспринимают проблемы городской жизни.

По мнению специалистов, важным фактором психологического благополучия является время проживания в городе [2; 6; 19]. В частности, показано, что «приезжие» горожане и «коренные» жители отличаются по восприятию городской среды и удовлетворённости жизнью в городе, что отражается на их субъектной позиции в преобразовании городской среды [10].

Всё вышеизложенное позволило нам сформулировать *предположение (основную гипотезу)*: различия в удовлетворённости условиями проживания в городе в группах молодых родителей, с рождения проживающих в мегаполисе (далее – группа «коренных» жителей мегаполиса), и приехавших в город с целью получения образования или работы (далее – группа «некоренных» жителей) зависят от городской идентичности, системы ценностных ориентаций и удовлетворённости уровнем материального благосостояния.

Частные гипотезы:

1. В группе молодых родителей, «коренных» жителей мегаполиса, выраженность удовлетворённости условиями проживания в городе ниже, чем в группе «некоренных» жителей – родителей дошкольников.

2. Удовлетворённость условиями проживания в городе в группе «коренных» жителей города в большей степени за-

висит от ценностных ориентаций и городской идентичности. В то время как в группе респондентов – «некоренных» жителей мегаполиса удовлетворённость условиями жизни в городе зависит от удовлетворённости уровнем материального благополучия и городской идентичности респондентов.

Цель исследования – выявление предикторов удовлетворённости условиями проживания в городе в разных группах молодых родителей – «коренных» и «некоренных» жителей мегаполиса.

Задачи исследования:

1. Описать социально-психологические портреты «коренных» и «некоренных» жителей мегаполиса – родителей дошкольников; выполнить сравнительный анализ групп по выраженности социально- и экономико-психологических характеристик.

2. Выявить различия в удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в двух группах молодых родителей, принимавших участие в исследовании.

3. Проанализировать вклад предикторов – городской идентичности, ценностных ориентаций и удовлетворённости уровнем материального благосостояния – в удовлетворённость условиями проживания в городе в каждой из групп молодых родителей.

Объект исследования: предикторы удовлетворённости условиями проживания в городе в двух группах молодых родителей.

Предмет исследования – различия в предикторах удовлетворённости условиями проживания в группах «коренных» и «некоренных» жителей мегаполиса – родителей дошкольников.

Описание выборки: в исследовании принимали участие родители дошкольников, проживающие в двух административных округах г. Москвы (Юго-Западном и Западном). Из общей выборки исследования (около 100 семей) были отобраны методом стратифицированной рандомизации 62 семьи. В группу «коренные»

жители города» были отобраны родители из 30 семей, группу ««некоренные» жители» составили родители из 32 семей. Все семьи полные. Распределение по уровню образования родителей не обнаружило статистически значимых различий между двумя группами. Большинство (75%) из них имеют высшее образование. Однако количество детей в семье значимо ($p = 0,000$) различало две группы родителей. Семьи «коренных» жителей города в основном имели двух детей в семье (60%), семьи с одним ребёнком и многодетные были в равной степени представлены в этой выборке (по 20%). Семьи «некоренных» жителей города отличались многодетностью (44%). Более трети из них имели двух детей (34%), остальные – одного ребёнка (22%). В опросах принимали участие преимущественно мамы дошкольников, средний возраст – 30 лет.

Методы и методики, применяемые в исследовании. С целью изучения характеристик родителей и семьи в целом была разработана авторская анкета, ориентированная на выявление социальных (состав, размер семьи, число детей) и пространственно-временных характеристик проживания семьи в мегаполисе (продолжительность времени проживания в мегаполисе; расстояние от дома до работы, которое ежедневно преодолевают члены семьи; время, затрачиваемое на дорогу до дошкольного учреждения), социально-демографических характеристик родителей (возраст, сфера профессиональной деятельности, образовательный статус). Выявляли также социально-психологические характеристики родителей: удовлетворённость условиями проживания в мегаполисе (качественная и количественная оценка), уровень материального благосостояния семьи и удовлетворённость уровнем материального благосостояния семьи. Для изучения идентичности с городом использовали методику «Шкала идентификации с городом» М. Лалли [16]. Идентичность в данном опроснике рассматривается как продукт катего-

ризации и идентификации человека по городскому признаку, а измерения городской идентичности группируются в 5 блоков: внешняя ценность, общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости и целеполагание. В работе применяли методику «Ценностные ориентации» Е. Б. Фанталовой [13].

Методы статистического анализа. Статистический анализ полученных результатов проводился в программе SPSS 23.0. Выбранные методы статистической обработки соответствовали поставленным цели и задачам. Применяли описательную статистику, частотный, сравнительный (по t -критерию (для номинальных шкал) и критерию Манна-Уитни (для порядковых шкал)), корреляционный (по критерию Спирмена) и регрессионный анализы.

Результаты исследования

Сравнительный анализ социально-психологических портретов двух групп молодых родителей – жителей мегаполиса

Портреты родителей дошкольников основывались на выраженности показателей городской идентичности, структурах ценностных ориентаций и оценках субъективного экономического статуса семей.

Выраженность городской идентичности в двух группах оценивалась по 5 шкалам: внешняя ценность, общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости и целеполагание. Статистически значимые различия в двух группах (по кр. Манна-Уитни) выявлены по шкалам: общая привязанность ($p = 0,000$), связь с прошлым ($p = 0,000$) и восприятие близости ($p = 0,005$). Причём выраженность общей привязанности (переживание родственных чувств по отношению к своему городу, восприятие себя как жителя города, город как «мой дом», «как часть меня») в группе «коренных» жителей выше, чем в группе «некоренных» (ср. зн. = 4,4 и 3,8). Аналогичная ситуация сложилась и

относительно выраженности идентичности по шкалам: связь с прошлым и восприятие близости. Последняя отражает эмоциональную привязанность жителей к городу посредством переживания принадлежности, близости, важности города в повседневной жизни (ср. зн. = 4,02 и 3,63). Связь с прошлым города основывается на личном опыте жизни в городе (не могу представить своей жизни в другом городе, потому что здесь я получил слишком много; многие вещи в этом городе напоминают мне о моём прошлом и т. п.). Как и следовало ожидать, у «коренных» жителей города память о прошлом более выражена, чем у некоренных (ср. зн. = 3,89 и 2,89, $p = 0,000$).

Интересно, что по двум шкалам – «целесолагание» и «внешняя ценность» – статистически значимых различий не обнаружено, т. е. молодые родители в равной степени планируют своё будущее с этим городом и одинаково воспринимают преимущества проживания в нём.

Сравнительный анализ самооценок субъективного экономического статуса в двух группах респондентов (по кр. Манна-Уитни) не выявил значимых различий по шкале оценки уровня материального благополучия семьи ($p = 0,117$). Однако оценки удовлетворённости материальным благополучием в двух группах отличаются ($p = 0,009$). В группе «коренных» жителей столицы уровень удовлетворённости чуть выше среднего (ср. зн. = 4,42; ст. откл. = 1,7), в то время как в группе «некоренных» – средний (ср. зн. = 4,09; ст. откл. = 1,6).

Различия в удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в двух группах родителей дошкольников

Анализ различий в удовлетворённости молодых родителей условиями жизни в городе основывался на двух показателях: количественном (по 7-и балльной шкале) и качественном (ответы на открытый вопрос «Что нравится в городе проживания?»). Выявлены статистиче-

ски значимые различия (по t -критерию) в двух группах по уровню удовлетворённости городом – так, в группе некоренных москвичей удовлетворённость городом выше (ср. зн. = 4,39 и ср. зн. = 5,28, $p = 0,000$). Анализ качественных признаков удовлетворённости показал, что молодые родители – участники исследования, родившиеся в городе, более всего удовлетворены высоким уровнем качества жизни в мегаполисе, материальным обеспечением города (53% выборки). Они отмечали развитость городской инфраструктуры, благоустроенность территорий, наличие зон отдыха для семьи (32%). Им нравятся культурно-исторический центр города с его маленькими улочками (20%), городские достопримечательности (13%). Не меньшую удовлетворённость они испытывают, наблюдая за темпом развития городской структуры и предоставляемыми возможностями для саморазвития в городе (20%).

В группе «некоренных» жителей мегаполиса удовлетворённость условиями проживания основывалась на привлекательности внешнего облика города (28%) (архитектура, парки). Так же, как и респонденты из другой группы, они отмечали уровень развития инфраструктуры, наличие зон отдыха для семьи, благоустроенность территорий (26%), темп развития города и его возможности (20%), высокий уровень жизни, престижность, материальное обеспечение (23%).

Несмотря на то, что молодые родители из двух групп обнаружили сходство в предпочтениях объектов и явлений городской среды, вызывающих удовлетворённость условиями проживания в городе, нами обнаружены статистически значимые различия по выраженности этих предпочтений (по t -критерию). Так, «коренные» жители мегаполиса значительно чаще отмечают: высокий уровень жизни в городе ($p = 0,000$), культурно-исторические достопримечательности, центр города с его узкими улочками ($p = 0,000$). В сравнении с ними

«некоренные» горожане, принимавшие участие в исследовании, делали акцент на привлекательности внешнего облика города, красоте его архитектуры, парков ($p = 0,000$), удобстве транспортной системы ($p = 0,005$), наличии больших торговых центров ($p = 0,001$). Можно предположить, что выявленные различия определяются особенностями городской идентичности и ценностной структуры молодых родителей.

Предикторы удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в группах молодых родителей – «коренных» и «некоренных» жителей мегаполиса

Для выявления предикторов удовлетворённости городом в группах молодых родителей был проведён регрессионный анализ. Предварительный корреляционный анализ выявил совокупность характеристик, связанных между собой, которые были удалены из регрессионного анализа. В роли зависимой переменной выступила удовлетворённость условиями проживания в городе. В качестве независимых переменных – показатели субъективного экономического статуса (две шкалы), две субшкалы городской идентичности и ценностных ориентаций респондентов. Такие шкалы городской идентичности, как «Восприятие близости», «Общая привязанность» и «Связь с прошлым» не были включены в анализ, поскольку имели высокие показатели связи друг с другом [7].

В регрессионную модель ($KMK = 0,86$; $KMD = 0,75$; $F = 7,77$; $p = 0,000$) в группе «коренных» горожан вошли следующие переменные: самооценка уровня материального благосостояния семьи ($\beta = 0,61$; $t = 4,18$; $p = 0,001$); ориентации на ценности: активная деятельная жизнь ($\beta = -0,36$; $t = -2,47$; $p = 0,025$), любовь ($\beta = -0,59$; $t = -3,26$; $p = 0,005$), наличие хороших и верных друзей ($\beta = -0,41$; $t = -2,83$; $p = 0,012$), творчество ($\beta = 0,415$, $t = 3,25$; $p = 0,005$); оценки идентичности по субшкале «целеполагание» ($\beta = 0,78$;

$t = 3,88$; $p = 0,001$), т. е. 75% распределения удовлетворённости условиями жизни в мегаполисе объясняется влиянием данных переменных, выступающих в качестве предикторов. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольший вклад в данной группе продемонстрировали самооценки уровня материального благосостояния и связи с городом относительно планов на будущее. В отличие от ценностей они положительно связаны в модели и с уровнем удовлетворённости.

В группе «некоренных» жителей мегаполиса регрессионная модель ($KMK = 0,73$; $KMD = 0,54$; $F = 8,03$; $p = 0,01$) включала набор таких переменных, как: самооценка уровня материального благосостояния семьи ($\beta = 0,63$; $t = 4,05$; $p = 0,001$); показатели городской идентичности по субшкалам: «связь с прошлым» ($\beta = -0,49$; $t = -2,83$; $p = 0,010$) и «целеполагание» ($\beta = 0,64$; $t = 3,64$; $p = 0,002$). Таким образом, более половины распределения показателя удовлетворённости условиями проживания в городе объясняется влиянием самооценки материального благосостояния и оценками идентичности относительно планов на будущее и незначимостью связи с прошлым города.

Обсуждение результатов

Резюмируя, отметим, что «коренные» жители мегаполиса, принимавшие участие в исследовании, воспринимают город как часть себя. Их отличают тесная эмоциональная связь с ним, память о прошедших событиях, прежде всего связанных с детством, т. е. их городская идентичность не только ориентирована в будущее, но также укоренилась в прошлом города. «Некоренные» жители города, участники исследования, идентифицируют себя с городом, прежде всего, оценивая преимущества проживания в нём с целью удовлетворения потребностей в самореализации и саморазвитии.

Группа «коренных» москвичей – молодых родителей более удовлетворена уров-

нем своего материального благополучия. По всей видимости, здесь сказывается близость проживания их собственных родителей и других родственников, оказывающих им всестороннюю поддержку. Вызывает интерес тот факт, что в группе «некоренных» москвичей уровень удовлетворённости материальным положением средний, в то время как в этой группе много многодетных семей. Данный факт косвенно объясняется теми особенностями ценностной структуры респондентов, которую обнаружили в работе. Напомним, для этих родителей уверенность в себе выполняет такую же системообразующую функцию в ценностной системе, как и базовые ценности (семья, здоровье).

Всё вышеизложенное согласуется с выявленными нами особенностями восприятия городской среды в двух группах родителей дошкольников, проживающих в Москве. Если «коренные» жители мегаполиса ценят высокий уровень жизни в городе, его культурно-исторические достопримечательности, ностальгируют по поводу старой части города с его узкими улочками, то «некоренные» москвичи получают удовольствие от внешней красоты города – его архитектуры, парков, скверов. Для них важными являются удобство транспортной системы и наличие больших торговых центров.

Последующий анализ предикторов удовлетворённости проживанием в мегаполисе показал: высокий уровень удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в обеих группах респондентов зависит от уровня экономической самооценки и жизненных планов молодых родителей. Чем выше оценки своего экономического статуса и возможностей города, с которым они хотят связать своё будущее и будущее своих детей, тем выше удовлетворённость жизнью в городе. Особенности влияния предикторов в двух группах проявились, преимущественно, в их отрицательных связях с показателем удовлетворённости. Чем

меньше выражены в группе «коренных» жителей ценности просоциальной направленности (друзья, активная жизнь, любовь) и более выражена ценность творчества, тем выше их удовлетворённость городом. В группе «некоренных» горожан – чем меньше выражена идентичность с городом, основанная на его прошлом, и выше ориентация на будущее, тем больше удовлетворённость условиями жизни в мегаполисе.

Итак, в работе подтвердилась основная гипотеза о детерминации различий в удовлетворённости условиями проживания в городе в двух группах молодых родителей, принимавших участие в исследовании. Подтвердилась также гипотеза о различиях в выраженности удовлетворённости городом в группах «коренных» и «некоренных» москвичей. Она основывалась на понимании того, что коренные горожане в силу эмоциональной привязанности к городу, тесной психологической связи с ним, более требовательны к тем возможностям, которые предоставляет им мегаполис. Однако вторая частная гипотеза подтвердилась частично. Обнаружено, что в обеих группах удовлетворённость как показатель психологического благополучия зависит от того, насколько удовлетворены своим экономическим статусом молодые родители, и от того, видят ли они перспективу своей жизни в городе с точки зрения решения поставленных ими задач – профессиональной и личностной самореализации.

Заключение

Одним из психологических ресурсов жизнеспособности горожан исследователи рассматривают их удовлетворённость проживанием в городе [15; 17; 18]. Удовлетворённость молодых родителей – жителей мегаполиса, принимавших участие в нашем исследовании, различается в зависимости от времени проживания в городе, характера психологической связи с ним, ценностных оснований. Наиболее важными предикторами родителей до-

школьников являются их экономическая самооценка и готовность: остаться в этом городе, что бы ни случилось; связать с ним свои жизненные планы и будущее своих детей; позитивно воспринимать предстоящие изменения в городской жизни.

По нашему мнению, такая позиция родителей дошкольников – участников исследования позитивно отражается на психологическом, социально-психологическом благополучии их детей.

Статья поступила в редакцию 10.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю. Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления детей о городе проживания // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 169–189.
2. Дягилева Н. С., Журавлева Л. А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // Социология города. 2012. № 1. С. 46–61.
3. Куфтяк Е. В. Жизнеспособность семьи: теория и практика [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. № 5 (28). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 28.06.2020).
4. Литвина С. А., Богомаз С. А. Личностно-обусловленная оценка городской среды через конструкт реализуемости базисных ценностей // Социально-психологические исследования города. М., 2016. С. 125–145.
5. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи. Социально-психологическая парадигма. М., 2016. 640 с.
6. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб., 2011. 160 с.
7. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. СПб., 2006. 246 с.
8. Нестерова А. А. Семейные ресурсы как условие жизнеспособности семьи в кризисных ситуациях // Развитие личности. 2017. № 1. С. 156–173.
9. Покатиловская Е. Н., Шибаета Л. В. Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2 (14). С. 192–209.
10. Покатиловская Е. Н., Хохлова Н. И., Шибаета Л. В. Динамика семантики города как условие и результат самоопределения студентов в позиции субъекта городского сообщества // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 1. С. 271–290.
11. Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород, 2015. 344 с.
12. Стегний В. Н. Удовлетворенность молодежи различными сторонами городской жизни // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2016. № 3. С. 98–108.
13. Фанталова Е. Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара, 2001. 128 с.
14. Шкурко Т. А., Балакина А. А. Особенности отношений к другим людям жителей городов юга России, дифференцированных по территориально-пространственным параметрам проживания в городе // Российский психологический журнал. 2015. № 1. Т. 12. С. 91–99.
15. Felonneau M.-L. Love and loathing of the city: Urbanophilia and urbanophobia, topological identity and perceived incivilities // Journal of Environmental Psychology. 2004. Vol. 24. № 1. P. 43–52.
16. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. № 12 (4). P. 285–303.
17. Oishi S., Diener E., Diener E. The Optimum Level of Well-Being. Can People Be Too Happy? // Perspectives on Psychological Science. 2007. № 2. P. 346–360.
18. There's no place like home: The associations between residential attributes and family functioning [Электронный ресурс] / C. Thornock, L. Nelson, C. PorterCortney, A. Evans-Stout // Journal of Environmental Psychology. 2019. Vol. 64. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.011> (дата обращения: 28.06.2020).
19. Toruńczyk-Ruiza S., Martinović B. The bright and dark sides of length of residence in the neighbourhood: Consequences for local participation and openness to newcomers [Электронный ресурс] //

Journal of Environmental Psychology. 2020. Vol. 67. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101383> (дата обращения: 28.06.2020).

REFERENCES

1. Drobysheva T. V., Voitenko M. Yu. [Factors of socio-psychological well-being of an individual in a megalopolis: children]. In: *Institut psikhologii rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, no. 1 (5), pp. 169–189.
2. Dyagileva N. S., Zhuravleva L. A. [Urban identity: concept, structure, foundations of formation]. In: *Sotsiologiya goroda* [Sociology of the city], 2012, no. 1, pp. 46–61.
3. Kuftyak E. V. [Family vitality: theory and practice]. In: *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2014, no. 5 (28). Available at: <http://mprj.ru> (accessed: 06.28.2020).
4. Litvina S. A., Bogomaz S. A. [Personality-based assessment of the urban environment through the construct of basic values realizability]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya goroda* [Socio-psychological research of the city]. Moscow, 2016, pp. 125–145.
5. Makhnach A. V. *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i. Sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Human and family vitality. Socio-psychological paradigm]. Moscow, 2016. 640 p.
6. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. *Gorodskaya identichnost' zhatelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?* [Urban identity of an inhabitant of a modern megalopolis: a resource for personal well-being or a high-risk area?]. Saint Petersburg, 2011. 160 p.
7. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya* [Mathematical methods of psychological research]. Saint Petersburg, 2006. 246 p.
8. Nesterova A. A. [Family resources as a condition for family viability in crisis situations]. In: *Razvitie lichnosti* [Personal development], 2017, no. 1, pp. 156–173.
9. Pokatilovskaya E. N., Shibaeva L. V. [The image of the city of residence in the views of residents with different urban identities]. In: *Institut psikhologii RAN. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology RAS. Social and Economic Psychology], 2019, vol. 4, no. 2 (14), pp. 192–209.
10. Pokatilovskaya E. N., Khokhlova N. I., Shibaeva L. V. [The dynamics of the semantics of the city as a condition and result of self-determination of students in the position of the subject of the urban community]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University], 2019, no. 1, pp. 271–290.
11. Radina N. K. *Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noi identichnosti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii* [City in space and time: problems of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhny Novgorod, 2015. 344 p.
12. Stegnii V. N. [Satisfaction of young people with different aspects of urban life]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University], 2016, no. 3, pp. 98–108.
13. Fantalova E. B. *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnostics and therapy of internal conflict]. Samara, 2001. 128 p.
14. Shkurko T. A., Balakina A. A. [Features of attitudes towards other people of cities residents in southern Russia, differentiated by territorial and spatial parameters of residence in the city]. In: *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2015, vol. 12, no. 1, pp. 91–99.
15. Felonneau M.-L. Love and loathing of the city: Urbanophilia and urbanophobia, topological identity and perceived incivilities. In: *Journal of Environmental Psychology*, 2004, vol. 24, no. 1, pp. 43–52.
16. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. In: *Journal of Environmental Psychology*, 1992, no. 12 (4), pp. 285–303.
17. Oishi S., Diener E., Diener E. The Optimum Level of Well-Being. Can People Be Too Happy? In: *Perspectives on Psychological Science*, 2007, no. 2, pp. 346–360.
18. Thornock C., Nelson L., PorterCortney C., Evans-Stout A. There's no place like home: The associations between residential attributes and family functioning. In: *Journal of Environmental Psychology*, 2019, vol. 64. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.011> (accessed: 28.06.2020).
19. Toruńczyk-Ruiza S., Martinovič B. The bright and dark sides of length of residence in the neighbourhood: Consequences for local participation and openness to newcomers. In: *Journal of Environmental Psychology*, 2020, vol. 67. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.101383> (accessed: 28.06.2020).

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-013-00461 «Ценностно-аффективный компонент жизнеспособности разных групп горожан в условиях проживания в “кризисном городе” и “мегаполисе”».

ACKNOWLEDGMENTS

The study was supported by the RFBR. Project # 20-013-00461 "Value-affective component of the viability of different groups of citizens living in a "crisis city" and "megapolis"».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтенко Мария Юрьевна – соискатель лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН;
e-mail: m.voytenko@yandex.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria Yu. Voytenko – applicant, Institute of Psychology, Russian Academy of Science;
e-mail: m.voytenko@yandex.ru

Tatyana V. Drobysheva – Cand. Sci. (Psychology), senior research officer, Institute of Psychology, Russian Academy of Science;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Войтенко М. Ю., Дробышева Т. В. Предикторы удовлетворённости условиями проживания в мегаполисе в группах молодых родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 44–53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-44-53

FOR CITATION

Voytenko M. Yu., Drobysheva T. V. Predictors of satisfaction with living conditions in a megalopolis in groups of young parents. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 44–53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-44-53

УДК 159.9.072.433

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-54-62

СВЯЗЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СРЕДСТВ ПОЛУЧЕНИЯ КАЖДОДНЕВНОЙ ИНФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ

Заграничный А. И.*Саратовский национальный исследовательский государственный университет**имени Н. Г. Чернышевского**410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование связи средств получения каждодневной информации с социальной активностью молодёжи.

Процедура и методы. Авторами проведено эмпирическое исследование, в процессе которого респондентам предлагалось оценить частоту проявления различных форм социальной активности и частоту использования различных средств получения каждодневной информации при помощи разработанных шкальных анкет. На основе корреляционного анализа в работе представлена взаимосвязь форм социальной активности и различных источников каждодневной информации.

Результаты. В процессе исследования удалось выяснить, что различные группы средств получения каждодневной информации с точки зрения связей различаются по количеству форм социальной активности. Установлено, что проявление различных направлений социальной активности определяется не столько формой средства получения каждодневной информации, сколько содержанием и формируемой повесткой, которая, в свою очередь, может иметь определённую специфику в зависимости от формы средства получения каждодневной информации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты дополняют теоретическую картинку исследования факторов, влияющих на проявления социальной активности молодёжи. С практической точки зрения полученные результаты можно использовать в планировании и организации социальной работы с молодёжью.

Ключевые слова: социальная активность, средства получения каждодневной информации, СМИ, внешние факторы, формы социальной активности, социальная активность молодёжи

THE STUDY OF THE POSSIBILITIES OF USING THE MEANS OF OBTAINING ACCESSIBLE INFORMATION ABOUT YOUNG PEOPLE'S SOCIAL ACTIVITY

A. Zagranichniy*Saratov National Research State University Named after N. G. Chernyshevsky**83 Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the relationship of the means of obtaining everyday information with the social activity of young people.

Methodology. The author conducted an empirical study in which respondents were asked to evaluate the frequency of various forms of social activity and the frequency of using various means of obtaining everyday information using the developed school questionnaires. Based on the correlation

analysis, the paper presents a set of relationships between various forms of social activity and various groups of means of obtaining everyday information.

Results. In the course of the study, it was found out that different groups of means aimed at obtaining everyday information differ in the number of forms of social activity, in terms of connections. It is established that the manifestation of different areas of social activity is not so much the form of the means of obtaining daily information as content and shaping the agenda, which in turn may have certain specificity, depending on the form of the means of obtaining everyday information.

Research implications. The obtained results complement the theoretical picture of the study of factors affecting the manifestations of young people's social activity. From the practical point of view, the results obtained can be used in planning and organizing social work with young people.

Keywords: social activity; means of obtaining daily information; mass media; external factors; forms of social activity; social activity of youth

Введение

Изучение социальной активности личности остаётся важной задачей современной психологии. Процесс социальной активности является одним из основных механизмов преобразования среды и субъектов внутри этой среды. Особую актуальность изучение социальной активности приобретает в современных условиях, поскольку общество за счёт увеличения объёмов потребляемой информации и количества социальных контактов постоянно видоизменяет формы, специфику и объём социальной активности. На сегодняшний день акты социальной активности личности и малых групп способны оказывать влияние на международное пространство, направляя его внимание и активность на различные аспекты жизнедеятельности. Примером такого акта активности может служить популяризация экоактивизма и его успехи на международной арене в последние годы.

Таким образом, мы можем рассматривать социальную активность и как инструмент локальных преобразований личности и среды, во взаимодействии с которой личность находится, и как инструмент глобальных преобразований общества. Более конкретное определение приводит Р. М. Шамянов в совместных работах с М. В. Григорьевой и А. В. Григорьевым, указывая, что социальная активность личности и группы предполагает не только участие в

общественной жизни, но и, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам социальной жизнедеятельности, а также к самим себе, как субъектам социального бытия [13]. К. Г. Сохадзе, анализируя понятие социальной активности, приходит к следующим выводам: социальная активность – это сознательная и целенаправленная деятельность, мотивированная «социально-психологической, ценностной, профессиональной установкой субъекта». В российской исследовательской традиции социальная активность выступает как «интегральное понятие, проявляющееся как побудитель к деятельности и как устойчивое свойство личности» [12, с. 352]

Одним из главных направлений исследования социальной активности является поиск факторов, стимулирующих или ограничивающих тот или иной вид и форму социальной активности. Очевидно, что здесь уместно говорить о группах факторов, влияющих на социальную активность. В работе И. А. Ериной и Е. В. Крафт проводится историко-теоретический анализ раскрытия понятия «социальная активность». Учёные приходят к выводу, что в самом общем виде сходство между всеми взглядами на понятие «социальная активность» в том, что уровень активности человека как социального индивида предопределяет детерминированность социальной активности [5]. Установлено, что на социальную активность влияют как внутренние, так и

внешние факторы. Например, мировоззренческие и ситуативные факторы [7]. В своих исследованиях Е. Е. Бочарова, анализируя регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодёжи, приходит к тому, что специфический набор факторов, связанных с различными формами социальной активности, не однороден и имеет возрастные различия [3]. В своей работе, посвящённой анализу ценностно-смысловых факторов социальной активности молодёжи, И. В. Арндачук также отражает различия в наборе факторов, продуцирующих социальную активность, в зависимости от размера места проживания (малый город, город, мегаполис) [1]. М. В. Григорьева указывает на зависимость потребностно-мотивационных факторов социальной активности от условий социализации в разных странах [4]. Представитель другой научной школы А. Н. Серегин считает, что движущими факторами социальной активности выступают те потребности, удовлетворение которых имеет социальное значение и затрагивает общественные интересы и общезначимые задачи [11, с. 2]. Значимость специфической социальной реальности как одного из главных внешних факторов социальной активности выделяет в своей работе А. П. Зайко, обращая внимание на то, что отклик социальной реальности, в которой происходит процесс социальной активности, во многом предопределяет дальнейшее развитие этой активности [8]. Необходимо заметить что, по мнению Е. С. Балабановой, социальная активность – это неоднородное явление, психологические характеристики, уровень, формы проявления и мотивация которого имеют особенности в разных социальных группах [2]. Анализируя результаты исследований, посвящённых факторам социальной активности, мы видим, что исследователи сходятся в двух центральных вопросах. Во-первых, становится понятно, что на социальную активность влияют как внутренние, так

и внешние факторы. Во-вторых, определить детерминацию этих факторов достаточно затруднительно, поскольку они находятся в зависимости от различных социально-демографических условий. Среди внешних факторов центральная роль отводится среде, её особенностям, организации и реакции на социальную активность. Мы считаем, что с точки зрения внешних факторов важно также исследование связи социальной активности и используемых средств получения каждодневной информации, поскольку именно этот фактор является ключевым для формирования социальной повестки, общих взглядов и осведомлённости личности. Следовательно, именно этот параметр будет основным с точки зрения определения направления социальной активности.

Важность и влияние средств массовой информации изучались в работах А. И. Заграничного, где было отмечено, что между уровнем влияния средств массовой информации и факторами социальной активности существует значимая связь [6]. В исследовании Д. А. Ильченко, В. П. Майковой, посвящённом влиянию средств массовой информации и интернета на формирование общественного сознания в современной России, указывается, что средства массовой информации сегодня – это один из центральных факторов формирования гражданской позиции [10]. М. А. Зейтунян в своих исследованиях достаточно давно предприняла попытку определения места средств массовой информации в процессе социализации молодёжи и пришла к тому, что средства массовой информации являются значимым фактором социализации молодёжи [9]. Учитывая современные тенденции, мы предполагаем, что влияние средств массовой информации увеличилось в силу возросшей доступности и объёмов информации. Всё это говорит нам о важности исследования связи частоты использования средств получения каждодневной информации и частоты

проявления разных форм социальной активности у молодёжи. В этом ключе становится важным разделить средства получения каждодневной информации на группы и более подробно проанализировать связь каждой из групп с различными видами социальной активности. Очевидно, что различные группы средств получения каждодневной информации имеют разные возможности, уровень доступности и зачастую преследуют разные цели. В этом ключе мы можем ожидать появления определённого специфического набора связей между формами социальной активности личности и различными группами источников получения каждодневной информации.

Описание исследования

В этой связи наиболее ценную выборку нам даст социальная группа «молодёжь», поскольку в этой социальной группе средства получения каждодневной информации представлены наиболее широко – молодёжь использует как традиционные средства получения каждодневной информации (телевизор, радио и т. д.), так и более современные (социальные сети, интернет).

Цель исследования: изучить взаимосвязь частоты использования различных средств получения каждодневной информации и интенсивности проявления различных форм социальной активности.

Процесс исследования предполагает следующие этапы. В процессе экспертной оценки были выделены основные формы социальной активности: альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная. Коллективом авторов (Р. М. Шамионов, М. В. Григорьева, Е. Е. Бочарова, И. В. Арендачук, Н. В. Усова, М. А. Кленова, А. А. Шаров, А. И. Заграничный и др.) была разработана и предложена респон-

дентам шкальная анкета оценки частоты проявления различных форм социальной активности. В анкете предлагались подробное описание форм социальной активности и возможность оценки частоты проявления той или иной формы социальной активности по пятибалльной шкале, где: 1 – «практически никогда не участвую в социальной активности данной формы»; 2 – «редко участвую в социальной активности данной формы»; 3 – «иногда участвую в социальной активности данной формы»; 4 – «довольно часто участвую в социальной активности данной формы»; 5 – «постоянно участвую в социальной активности данной формы». Затем мы выделили основные группы средств получения каждодневной информации: телевидение, радио, средства массовой информации в интернете (новостные агрегаторы, порталы, сайты и т. д.), значимые другие (друзья, знакомые, коллеги т. д.), родители и другие представители старшего поколения, социальные сети, печатные средства массовой информации (газеты, журналы, буклеты и т. д.), представители различных социальных групп (политических партий, коммерческих и общественных организаций). На основании выделенных групп средств получения каждодневной информации мы разработали анкету, в которой попросили респондентов оценить, как часто они используют то или иное средство получения каждодневной информации по пятибалльной шкале, где: 1 – «практически никогда»; 2 – «редко»; 3 – «иногда»; 4 – «довольно часто»; 5 – «постоянно». В процессе исследования мы использовали опросный метод очного анкетирования. Далее на основе подсчёта коэффициентов корреляции мы выделили специфический набор связи различных видов социальной активности с группами средств получения каждодневной информации. Выборка составила 192 респондента в возрасте от 15 до 24 лет (средний возраст 17 лет), с разными социальными статусами: школьник, студент, молодой специалист. Исследование проводилось на базе

различных образовательных учреждений: средней школы и двух высших учебных заведений, в которых обучаются студенты по разным направлениям, а именно по психолого-педагогическому и техническому.

Результаты исследования

Результаты корреляционного анализа (табл. 1) указывают на специфические наборы связей между различными группами получения ежедневной информации и формами социальной активности.

Таблица 1 / Table 1

Корреляционная матрица частоты использования групп получения ежедневной информации и различных форм социальной активности /
Correlation matrix of the frequency of using the groups of obtaining daily information and various forms of social activity

	теле- виде- ние	ра- дио	интернет СМИ	значим. другие	значимые старшие	соц. сети	печатные СМИ	представ. групп
альтруистическая	0,231	0,178	0,054	0,121	0,296	0,143	0,105	0,116
досуговая	-0,165	0,051	0,161	0,137	-0,036	0,219	0,148	0,093
социально-политическая	0,151	0,137	0,057	0,177	0,278	0,054	0,033	0,252
интернет-сетевая	0,092	0,077	0,250	0,283	0,123	0,314	0,049	0,105
гражданская	0,238	0,272	0,017	0,204	0,316	0,033	0,099	0,313
социально-экономическая	0,094	0,189	-0,005	0,205	0,051	0,175	-0,022	0,140
образовательно-разви- вающая	0,014	0,144	0,045	0,117	0,175	-0,036	0,101	0,118
духовная	-0,052	0,066	0,008	0,018	0,102	-0,089	0,208	0,056
религиозная	0,182	0,164	0,045	0,136	0,231	-0,024	0,099	0,023
протестная	-0,069	0,141	-0,002	0,203	0,061	0,088	0,095	0,087
радикально-протестная	-0,104	0,030	-0,059	0,080	0,030	0,088	0,081	0,078
субкультурная	-0,113	0,074	0,095	0,101	-0,029	0,138	-0,055	0,126

Рассмотрим полученные результаты подробнее.

Частота использования телевидения имеет прямую значимую связь с такими формами социальной активности, как альтруистическая активность ($r = 0,231$; $p < 0,01$), социально-политическая активность ($r = 0,151$; $p < 0,05$), гражданская активность ($r = 0,238$; $p < 0,01$), религиозная активность ($r = 0,182$; $p < 0,01$). Такой подбор форм активности с установленной связью может объясняться общей политикой телевидения, направленной на побуждение к продуктивным, социально важным формам активности.

Частота использования радио имеет прямую значимую связь с такими формами социальной активности, как альтруистическая активность ($r = 0,178$; $p < 0,05$), гражданская активность ($r = 0,271$; $p < 0,01$), социально-экономическая активность ($r = 0,188$; $p < 0,05$), образовательная активность ($r = 0,144$; $p < 0,05$), религиозная активность ($r = 0,164$; $p < 0,05$), протестная активность ($r = 0,141$; $p < 0,05$). Здесь мы наблюдаем наибольшее разнообразие форм социальной активности с установленной связью среди остальных групп средств получения ежедневной информации. Таким

образом, мы можем предположить, что радио за счёт охвата, популярности и разнообразия содержания связано с бо́льшим количеством форм социальной активности, чем другие средства массовой информации, но побудительная сила этой связи требует дополнительного изучения.

Интенсивность обращения к средствам массовой информации в интернете прямо и значимо связана с такими формами социальной активности, как досуговая активность ($r = 0,161$; $p < 0,05$) и интернет-сетевая активность ($r = 0,249$; $p < 0,01$). Связь между интернет-сетевой активностью и средствами массовой информации в интернете очевидна, поскольку такой вид активности априори связан с использованием ресурсов интернета, в том числе и новостного характера. Следовательно, мы понимаем, что новостная повестка и предоставление информации средствами массовой информации в интернете в основном связаны с досуговой деятельностью и используются больше для развлечения и времяпрепровождения, чем для формирования или участия в активности другого рода.

Частота получения информации от значимых других имеет прямую значимую связь со следующими видами активности: социально-политическая активность ($r = 0,177$; $p < 0,05$), интернет-сетевая активность ($r = 0,282$; $p < 0,01$), гражданская активность ($r = 0,203$; $p < 0,01$), социально-экономическая активность ($r = 0,205$; $p < 0,01$), протестная активность ($r = 0,202$; $p < 0,01$). Такой набор форм социальной активности, имеющий значимую связь с данной группой, может объясняться тем, что социальные агенты, окружающие личность в первую очередь, воспринимаются ею, как ресурс для группового взаимодействия. Следовательно, мы имеем значимые связи с теми формами социальной активности, которые наиболее вероятно предполагают коллективное взаимодействие.

Интенсивность получения информации от родителей и других представителей старшего поколения значимо связана с альтруистической активностью ($r = 0,295$; $p < 0,01$), социально-политической активностью ($r = 0,278$; $p < 0,01$), гражданской активностью ($r = 0,316$; $p < 0,01$), образовательной активностью ($r = 0,174$; $p < 0,05$), религиозной активностью ($r = 0,231$; $p < 0,01$). Родители и другие представители старшего поколения оказываются наиболее значимой группой получения каждодневной информации. Данная группа имеет наибольшее количество социально значимых форм социальной активности. Это может быть связано как со спецификой выборки, так и с функциями родителей, как социальной группы. С одной стороны, понятно, что для молодёжи как социальной группы родители и другие представители старшего поколения являются значимой социальной группой, которая зачастую пользуется доверием и авторитетом. С другой стороны, понятно, что в социальные функции родителей и других представителей старшего поколения как группы входит необходимость воспитания, т.е. ретрансляции традиционных, общественно важных ценностей. Это мы можем наблюдать в наборе форм социальной активности, имеющих значимую связь с данной группой. Все формы активности в данном наборе мы можем отнести к достаточно традиционным, общественно полезным и важным формам.

Количество обращений к социальным сетям имеет прямую значимую связь с такими видами активности, как альтруистическая активность ($r = 0,143$; $p < 0,05$), досуговая активность ($r = 0,219$; $p < 0,01$), интернет-сетевая активность ($r = 0,314$; $p < 0,01$), социально-экономическая активность ($r = 0,175$; $p < 0,05$). Связь социальных сетей как группы средств получения каждодневной информации с интернет-сетевой активностью, также как и в случае со средствами массовой информации в интернете, очевидна. Однако

в сравнении, казалось бы, с близкой группой мы видим, что у данной группы диапазон значимых форм социальной активности шире. Социальные сети не только используют в рамках досуговой деятельности, но и продуцируют ряд других видов активности.

Частота использования печатных средств массовой информации имеет прямую положительную связь с такими формами социальной активности, как досуговая активность ($r = 0,148$; $p < 0,05$) и духовная активность ($r = 0,208$; $p < 0,01$). Данная группа средств получения ежедневной информации, как мы можем наблюдать, заняла конкретную социальную нишу у молодёжи, связанную с проявлением досуговой и духовной активности. Под духовной активностью мы понимаем восполнение своих культурных и эстетических потребностей.

Интенсивность получения информации от представителей различных социальных групп прямо и значимо связана с такими видами активности, как социально-политическая активность ($r = 0,251$; $p < 0,01$), гражданская активность ($r = 0,312$; $p < 0,01$), социально-экономическая активность ($r = 0,140$; $p < 0,05$). Поскольку к группе «представители различных социальных групп» респонденты не относят друзей, знакомых и т. д., мы предполагаем, что в данном случае речь идёт о людях, целенаправленно занимающихся созданием определённой формы социальной активности путём распространения соответствующей информации. Например, политическая или гражданская агитация. Это и объясняет подобный набор форм социальной активности. Каждая из представленных

форм предполагает включённость, вовлечение и коллективное взаимодействие.

Выводы

1. С точки зрения используемых средств получения ежедневной информации наиболее значимыми являются референтная группа (друзья, знакомые, коллеги), а также родители и другие представители старшего поколения. Эти две группы имеют наибольшее количество взаимосвязей с различными формами социальной активности, с одной стороны, а формы социальной активности, связанные с этими группами, имеют наибольшую социальную значимость – с другой. Это означает, что из всех источников ежедневной информации для молодёжи наиболее ценным является коммуникация с другими людьми. Именно в общении молодёжь формирует свою социальную позицию и социальную активность.

2. Проявление социальной активности определяется не столько формой получения ежедневной информации (СМИ, люди), сколько спецификой каждого источника информации, проявляющейся в его содержательной направленности.

Полученные данные более подробно раскрывают картину факторов, влияющих на проявление социальной активности. Учитывая сформулированные выводы, мы можем предположить, что для организации социальной работы с молодёжью, важным оказывается не столько правильный выбор канала повседневной коммуникации, сколько содержание и цели этой коммуникации.

Статья поступила в редакцию 28.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендачук И. В. Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 4. С. 346–358.
2. Балабанова Е. С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 210–223.
3. Бочарова Е. Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной ак-

- тивности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 4. С. 333–345.
4. Григорьева М. В. Потребностно-мотивационные факторы социальной активности личности в разных условиях социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 11. С. 35–41.
  5. Ерина И. А., Крафт Е. В. Феномен «социальная активность» с точки зрения и позиции отечественных учёных // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–1. С. 453–456.
  6. Заграничный А. И. Влияние средств массовой информации на ситуативные и мировоззренческие факторы социальной активности // Страховские чтения. 2018. № 26. С. 82–92.
  7. Заграничный А. И. Ситуативные и мировоззренческие факторы социально-политической активности молодёжи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9. С. 67–71.
  8. Зайко А. П. Факторы формирования социальной активности современных студентов колледжей // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С. 96–102.
  9. Зейтунян М. А. Проблема социализации молодежи в информационном обществе: теоретическое осмысление // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 2. С. 65–71.
  10. Ильченко Д. А., Майкова В. П. Влияние СМИ и Интернета на формирование общественного сознания в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4. С. 17–25.
  11. Серегин А. Н. Методика исследования социальной активности студенческой молодежи // Социология и общество: пути взаимодействия: тезисы докладов и выступлений на III Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2008. С. 11–19.
  12. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 3. С. 348–363.
  13. Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Григорьев А. В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 1. С. 18–34.

REFERENCES

1. Arendachuk I. V. [Value-semantic factors of social activity of young people in different conditions of life]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology], 2018, no. 4, pp. 346–358.
2. Balabanova E. S. [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2018, no. 3, pp. 210–223.
3. Bocharova E. E. [Regulatory and worldview factors of various forms of social activity of youth]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Bulletin of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology], 2018, no. 4, pp. 333–345.
4. Grigoreva M. V. [Necessity-motivational factors of social activity of an individual in different conditions of socialization]. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 11, pp. 35–41.
5. Erina I. A., Kraft E. V. [The phenomenon of “social activity” from the point of view and position of domestic scientists]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2018, no. 59–1, pp. 453–456.
6. Zagranichnyi A. I. [Influence of mass media on situational and worldview factors of social activity]. In: *Strakhovskie chteniya* [Strakhov's readings], 2018, no. 26, pp. 82–92.
7. Zagranichnyi A. I. [Situational and ideological factors of the socio-political activity of youth]. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 9, pp. 67–71.
8. Zaiko A. P. [Factors of modern college students' social activity formation]. In: *Diskussiya* [Discussion], 2015, no. 6 (58), pp. 96–102.

9. Zeitunyan M. A. [The problem of socialization of youth in the information society: theoretical comprehension]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology], 2010, no. 2, pp. 65–71.
10. Il'chenko D. A., Maikova V. P. [The influence of the media and the Internet on the formation of public consciousness in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 4, pp. 17–25.
11. Seregin A. N. [Methodology for researching the social activity of student youth]. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeistviya: tezisy dokladov i vystuplenii na III Vserossiiskom sotsiologicheskom kongresse* [Sociology and society: ways of interaction: abstracts of reports and speeches at the III All-Russian Sociological Congress]. Moscow, 2008, pp. 11–19.
12. Sokhadze K. G. [Social Activity of Russian Youth: Scope and Constraints]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples], 2017, no. 3, pp. 348–363.
13. Shamionov R. M., Grigor'eva M. V., Grigor'ev A. V. [Volitional qualities as predictors of the significance of students]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 18–34.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00298 «Психологические механизмы и факторы социальной активности молодежи».

ACKNOWLEDGMENTS

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian science Foundation, project No. 18-18-00298 “Psychological mechanisms and factors of social activity of young people”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Заграничный Антон Игоревич – младший научный сотрудник Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского;
e-mail: zagr.93@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton I. Zagranichniy – junior researcher, Saratov National Research State University, named after N. G. Chernyshevsky;
e-mail: zagr.93@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Заграничный А. И. Связь используемых средств получения каждодневной информации и социальной активности молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 54–62.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-54-62

FOR CITATION

Zagranichniy A. I. The study of the possibilities of using the means of obtaining accessible information about young people's social activity. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 54–62.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-54-62

УДК: 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-63-72

ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ И ИХ АДАПТАЦИЯ К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В СООТВЕТСТВИИ С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ПО ГРУППАМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ КОМФОРТНОСТИ

Козьмина И. С.

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проведение анализа психологической адаптации первокурсников к процессу обучения в высшем учебном заведении на примере Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт».

Процедура и методы. Автором проанализированы и обобщены результаты психологических тестов студентов первого курса. При проведении исследований использовались диагностические проекционные методики, опросники практической психодиагностики.

Результаты. На основе полученных результатов расписана последовательность работы психолога во время социально-адаптационной практики. Автор определил показатели личностного адаптивного и коммуникативного потенциала у студентов в начале и конце первого учебного семестра и выявил их изменения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработаны базовые тренинги для формирования личностных характеристик первокурсников, необходимых для успешного обучения и освоения студенческой среды вуза и в дальнейшей профессиональной карьере.

Ключевые слова: психологическая адаптация, личностные характеристики, принадлежность к типам профессий, направленность на работу в команде и личный интерес, коммуникативный потенциал, неотреагированная агрессия, астеническое состояние, депрессия, тревога

ESTIMATE OF THE PSYCHOLOGICAL STATE OF FIRST YEAR STUDENTS AND THEIR ADAPTATION TO THE LEARNING PROCESS AT THE UNIVERSITY IN ACCORDANCE WITH THEIR DISTRIBUTION INTO GROUPS OF PSYCHOLOGICAL COMFORT LEVEL

I. Kozmina

National Research University «NRU«MPEI»
14 Krasnokazarmennaya ul., Moscow, 111250, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the first year students' psychological adaptation to the learning process at a higher educational establishment using the example of National Research University "MPEI".

Methodology. The author analyzed and summarized the results of psychological tests of freshmen. During the research diagnostic projection techniques and forms of practice psychodiagnostic were used.

Results. On the base of the obtained results, the progression of the psychologist's work during social adaptation practice was described. The author determined the indicators of personal adaptive and

communicative potential of students and compared their changes at the beginning and at the end of the first academic semester.

Practical implications. Basic trainings have been developed for the formation of personal characteristics of freshmen, necessary for the successful learning and absorption of the student environment of the university and in the future professional career.

Keywords: psychological adaptation, personal characteristics, belonging to types of professions, orientation on teamwork and personal interest, communicative potential, unreacted aggression, as-thenic condition, depression, anxiety

Введение

Актуальность исследования проблемы психологической адаптации первокурсников связана с их неподготовленностью к образу жизни с новыми потребностями, возникшими при изменении социально-экономического статуса и поведения как личностей [2]. Следовательно, вопросы социальной и психологической адаптации неразделимы и являются основным направлением исследования методик при разработке и проведении тренингов, способствующих успешному вливанию первокурсников в социально-психологическую среду университета и принятию себя в роли студента высшего учебного заведения [1].

Целью исследования стали выявление и анализ личностных характеристик каждого студента, основанные на диагностических методиках и тестах психологического диагностирования для дальнейшего разбиения первокурсников на адаптационные подгруппы и разработка под каждую из них соответствующего тренинга.

Цель была конкретизирована в следующих задачах исследования:

- подобрать диагностические методики и тесты для выявления студентов группы риска, пограничной группы и группы первокурсников, комфортно контактирующих с окружающим социумом;
- оценить психологический (личностный, адаптивный и коммуникативный) потенциал студентов на базе проведённой диагностики тестов и по итогам оценки разделить их на группы разного уровня психологического риска;

– разработать адаптационные тренинги под определённый запрос каждой из групп психологического риска.

Полная психологическая адаптация первокурсников является основным и очень важным условием формирования качественных социально-психологических условий в образовательной среде вуза для современного обучения и полноценного их развития как личностей.

Вопросы социальной адаптации подробно представлены в работах Уэйд Э. Пикрена и Александры Резерфорд [12] как одна из важных и сложнейших проблем психологии – это процесс и результат активного приспособления индивида к условиям социальной среды.

Методика оценки психологического потенциала и психологической адаптированности первокурсников

Психологи работают постоянно, а усиленная и направленная подготовка к работе с первокурсниками начинается ещё до начала нового учебного года, когда они приступают к обучению кураторов необходимым навыкам проведения тестирований, результаты которых потом будут ими профессионально обработаны.

С целью определения студентов в группы различных уровней риска, во время социально-адаптационной практики к ним было применено шесть диагностических методик и тестов:

- 1) тест «Дерево» [9, с. 222];
- 2) методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда «Опросник СПА» [6, с. 457];

3) методика «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е. А. Климова [6, с. 569];

4) многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина [6, с. 549];

5) методика диагностики направленности личности Б. Басса (ориентационная анкета) [6, с. 563];

6) тест «Несуществующее животное» [6, с. 110].

Кроме тестирования, кураторы, психологи и наставники из числа студентов старших курсов проводят наблюдение за первокурсниками во время посвящения. Свои наблюдения о поведении, их личностных качествах и умении работать в команде заносят в соответствующие анкеты. Результаты наблюдений и данные тестирования, необходимые для выявления студентов группы риска, пограничной группы и группы первокурсников, комфортно контактирующих с окружающим социумом, для проведения с ними соответствующих тренингов, под свой запрос во время социально-адаптационной практики.

Тестом «Дерево» Г. В. Старшенбаума у первокурсников определяются уровень протестной оппозиционности и независимости суждений, контакта с окружающим миром, экстраверсии, депрессии и тревоги и характеризуются чувства, сексуальность, инстинкты и отношение к самому себе. Такие качества у первокурсников, как самооценка, тенденция к деятельности и рефлексии, заинтересованность в информации, уверенность, любознательность, эмоциональная незрелость, замкнутость, рациональность и демонстративность, а также уровень тревоги интерпретировались по проективному тесту «Несуществующее животное». Психологический потенциал студентов был оценён психологами на базе проведённых проекционных тестов, и по итогам данной оценки они были разделены на группы разного уровня психоло-

гического риска для дальнейшей работы [6]. Тестируемые 60 студентов были разделены на 3 группы по психологической подготовленности к обучению в «НИУ «МЭИ». По результатам проведённых проективных тестирований составлена статистика процентного соотношения студентов с наличием качеств состояний психологического риска к общему числу студентов в полученных группах (рис. 1).

Самый высокий показатель уровня тревоги 87% наблюдается у студентов в группе «Риска», а самый низкий в «Рабочей» группе – 11%, а показатель уверенности в себе наоборот 11% и 67%.

Для правильного и осознанного выбора первокурсниками направления обучения и профессиональной деятельности, соответствующего уровню знаний, интеллектуальным возможностям [4] и принадлежности к различным типам профессий проводится тестирование по методике «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е. А. Климова. Протестированная группа первокурсников из 60 человек в «НИУ «МЭИ» показала, какому из пяти типов соответствует каждый студент (рис. 2):

1) «человек – природа» больше ориентирован на профессии, связанные с растениеводством, животноводством и лесным хозяйством – 1%;

2) «человек – техника» больше ориентирован на технические профессии – 59%;

3) «человек – человек» больше ориентирован на профессии, связанные с общением людей, – 15%;

4) «человек – знак» больше ориентирован на профессии, связанные с цифровыми и буквенными знаками, – 22%;

5) «человек – художественный образ» больше ориентирован на творческие профессии – 3% [6].

Далее проводилась психодиагностика по методике диагностики направленности личности Б. Басса (ориентационная анкета), выявляющей направленность первокурсников на работу в команде и личный интерес:

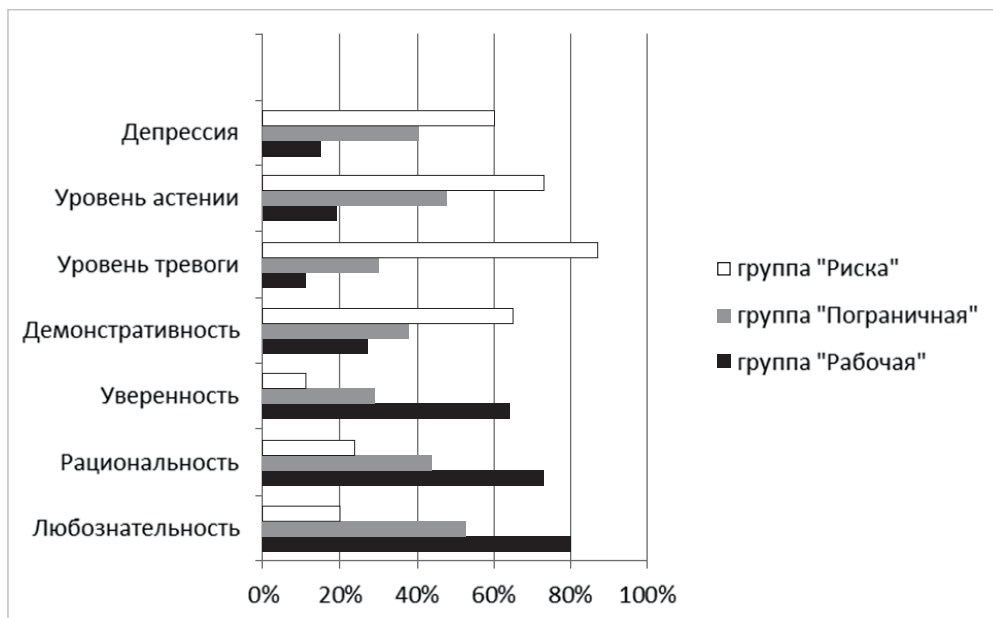

Рис. 1 / Fig. 1. Сравнение показателей качеств состояний психологического риска по группам разбиения к общему числу студентов в них / Comparison of the quality indicators of psychological risk states by partition groups to the total number of students in them

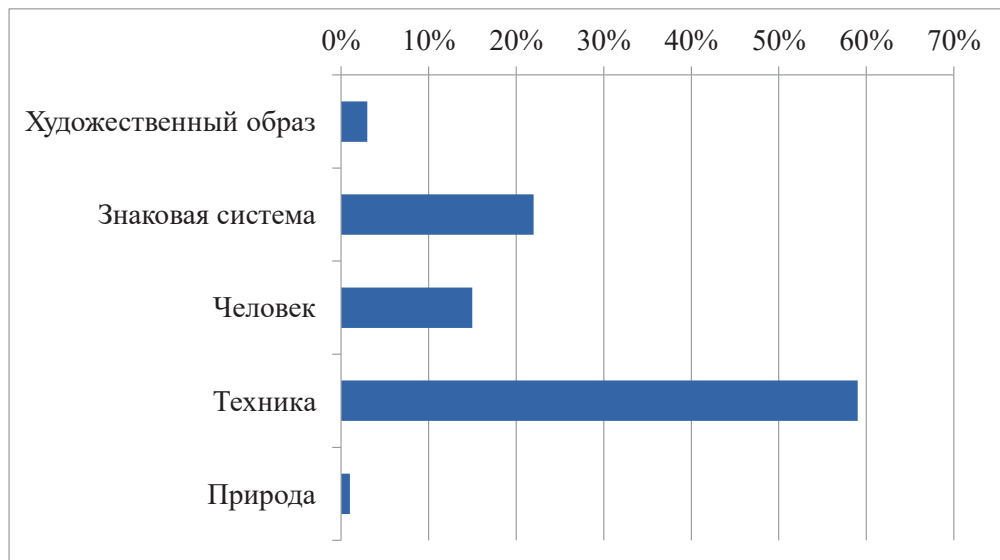

Рис. 2 / Fig. 2. Принадлежность первокурсников к различным типам профессий по методике Е. А. Климова / Belonging of first-year students to various types of professions according to the method of E. A. Klimov

1. Студенты группы «Я – направленность на себя» ориентированы на обязательное вознаграждение и могут характеризоваться агрессивностью, властностью, склонностью к соперничеству, раздражительностью, тревожностью, интровертированностью в достижении нового статуса.

2. Студенты группы «О – направленность на общение» ориентированы на совместную деятельность, эмоциональную привязанность и стремление поддерживать отношения с людьми и оказывать им помощь, часто в ущерб выполнения поставленной задачи.

3. Студенты группы «Д – направленность на дело» ориентированы на деловое сотрудничество, качественное выполнение работы и отстаивание собственного мнения для решения деловых проблем [6].

Инструментом для контроля адаптивности первокурсников к вузовской

среде в первый семестр обучения были выбраны многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина и методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса – Даймонд.

По результатам тестирования методикой «Адаптивность» (МЛО-АМ) были выявлены показатели личностного адаптивного и коммуникативного потенциала у студентов, затем сопоставлены их изменения в начале и конце первого учебного семестра, и проведена оценка идентичности с социальным окружением, самооценки, комфортности и чувства безопасности студентов в образовательной среде высшего учебного заведения на примере «НИУ “МЭИ”» [8].

Результаты тестирований (рис. 3) демонстрируют рост личностного адаптивного потенциала у первокурсников за первый семестр с 63% до 87%.

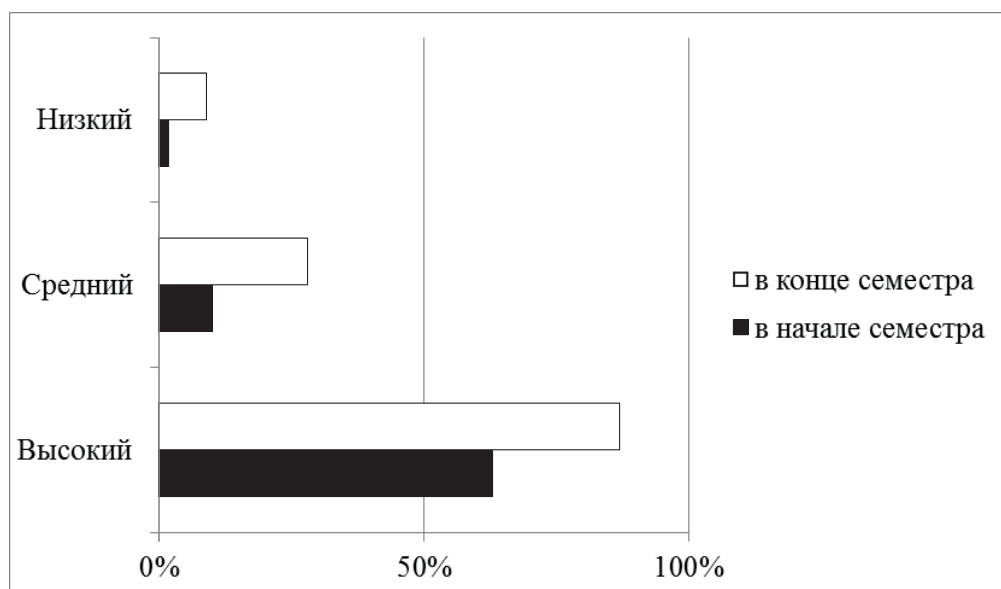

Рис. 3 / Fig. 3. Диаграммы показателей личностного адаптивного потенциала у первокурсников «НИУ “МЭИ”» в начале и конце первого учебного семестра / Diagrams of indicators of personal adaptive potential in first-year students of «NRU «MPEI» at the beginning and end of the first academic semester

Результаты сравнительного анализа основных показателей социально-психологической адаптации первокурсников «НИУ “МЭИ”» в начале и конце семестра по методике «Шкала социаль-

но-психологической адаптированности» К. Роджерса, Р. Даймонда (рис. 4) отражают своё значительное улучшение за период адаптационной практики [7].

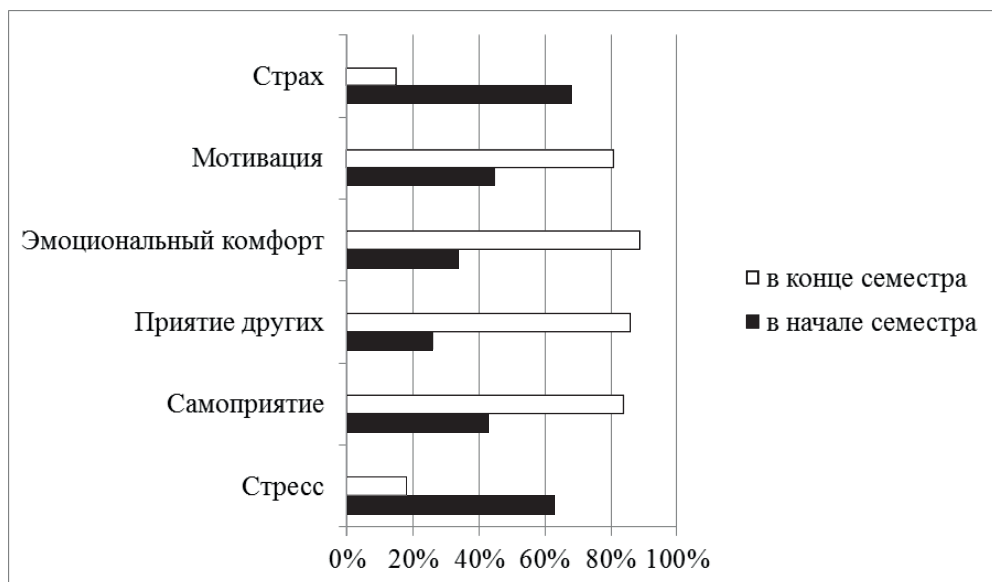

Рис. 4 / Fig. 4. Сравнение основных показателей социально-психологической адаптации первокурсников «НИУ “МЭИ”» в начале и конце семестра / Comparison of the main indicators of social and psychological adaptation of first-year students of «NRU“MPE”I» at the beginning and end of the semester

Показатели «Эмоциональный комфорт» и «Приятие других» наиболее сильно изменились у студентов с 34% до 89% за первый семестр обучения, за счёт успешного прохождения социально-адаптационной практики при интенсивной работе психологов с первокурсниками [3].

Это способствовало успешному вливанию первокурсников в социально-психологическую среду университета и приятию себя в роли студента высшего учебного заведения, являющемуся важным показателем качества психологического здоровья личности и её адекватной самооценки [10].

Описание программ тренингов, разработанных для повышения психологической адаптированности первокурсников

По результатам тестирования студентов разбивают на три группы, в которых потом проводятся под определенный запрос тренинги.

Первая группа студентов «Рабочая» (студенты с высокими психологическими показателями личностных качеств). Для них был подготовлен тренинг «Создание работоспособной команды и обучение работе в команде, развитие креативности» (табл. 1), направленный на установление контакта в общении, понимание своего состояния и состояния других людей, со-

переживание им, а также на передачу, приём информации и развитие креативности.

Он повышает уровень открытости, доверия, эмоциональной свободы и сплоченности в группе, позволяющие успешнее работать и двигаться вперед, учит

умению слушать и воспринимать другого человека, во всех его вербальных и невербальных проявлениях, улавливать смысл его высказываний, а также воспринимать свои реакции в ответ на то, что говорят окружающие.

Таблица 1 / Table 1

Программа тренинга «Создание работоспособной команды и обучение работе в команде, развитие креативности» / Training program «Creating a workable team and learning how to work in a team, developing creativity»

Содержание		Время, мин.
Блок № 1	1-й день	
	Гимнастика	5 мин.
	Правила тренинга (обратная связь)	10 мин.
	Знакомство (обратная связь)	10 мин.
	Работа с ожиданиями участников	10 мин.
	перерыв – 5 мин	
	Упражнение 1 «Глупости» (обратная связь)	5 мин.
	Упражнение 2 «Самореклама» (обратная связь)	10 мин.
	Упражнение 3 «Действие с предметом» (обратная связь)	10 мин.
	Упражнение 4 «Угадай цвет» (обратная связь)	15 мин.
	Упражнение 5 «Подбодри» (обратная связь)	10 мин.
Блок № 2	2-й день	
	Упражнение 6 «Здороваемся» (обратная связь)	5 мин.
	Упражнение 7 «Примета» (обратная связь)	10 мин.
	Упражнение 8 «Приятно сказать» (обратная связь)	5 мин.
	Упражнение 9 «Счет до десяти» (обратная связь)	20 мин.
	перерыв – 5 мин	
	Упражнение 10 «Мусорное ведро» (обратная связь)	20 мин.
	Упражнение 11 «Групповое рисование» (обратная связь)	20 мин.
	Упражнение 12 «Хвастовство» (обратная связь)	10 мин.
Блок № 3	3-й день	
	Упражнение 13 «Ожидание и самочувствие» (обратная связь)	10 мин.
	Упражнение 14 «Рукопожатие» (обратная связь)	5 мин.
	Упражнение 15 «Базар» (обратная связь)	15 мин.
	перерыв – 5 мин	
	Упражнение 16 «Чемодан» (обратная связь)	20 мин.
	Упражнение 17 «Скульптура» (обратная связь)	20 мин.
Обратная связь	По всему тренингу за 1, 2, 3 дни	10 мин.

Вторая группа студентов «Пограничная» (студенты с неотреагированной агрессией, с астеническими состояниями, со слабыми признаками депрес-

сии). Для них был разработан тренинг «Отреагирование скрытой агрессии и приобретение ресурсного состояния», направленный на диагностику коммуни-

кативных умений участников, выявление наличия внутренних барьеров и лидерских качеств у членов группы и блокировок чувств, скрытой агрессии [5].

Он закладывает первые навыки уверенности в себе, привлекает внимание участников друг к другу, заставив их «всматриваться» друг в друга, повышает уровень эмпатии, восприятия реакций, возникающих в ответ на то, как коммуницирует человек. Во время тренинга проводится анализ актуальных социально-перцептивных аспектов общения, проблем групповых и межличностных ожиданий, поднимается вопрос «что я есть для себя и других» и отрабатываются уверенное поведение, рефлексия и эмпатия. Структура разработанного тренинга соответствует базовой (табл. 1), но при его проведении частично используются трансовые методики, что свидетельствует о его психотерапевтическом направлении по проработке блокировок чувств и скрытой агрессии. После работы в течение семестра со студентами второй группы их показатель личностного адаптивного потенциала и коммуникативные умения увеличились в 2,8 раза.

Третья группа студентов «Риска» (студенты с неотреагированной агрессией, с нарушениями личных границ, с сильными признаками депрессии, тревоги, с отсутствием опоры). Для них был разработан тренинг «Отреагирование скрытой агрессии и избавление от депрессии и тревоги», направленный на преодоление волнения, тревоги, смущения и стереотипов поведения, выявление мышечного блока, связанного с основной проблемой участника, и развитие рефлексии, на тестирование проблем самооценки, выявление симптомов депрессии [11].

Он закладывает осознание напряжения, ассоциирующегося с чувством гнева или ярости, позволяет через расслабление мышц снять негативные эмоции и дать возможность управлять своими чувствами, учит снятию эмоционального напряжения и проработке затаённых обид,

принятию себя, повышению самооценки. Во время тренинга проводится работа с отреагированием сопротивления, с выявлением причин депрессии и выводом в ресурсное состояние. Структура разработанного тренинга соответствует базовой (табл. 1), но при его проведении широко используются трансовые методики и психотерапевтические упражнения для отреагирования сопротивления, агрессии и блокировок, что свидетельствует о психотерапевтическом характере проводимой групповой терапии. После работы в течение семестра со студентами третьей группы их показатель личностного адаптивного потенциала и коммуникативные умения увеличились в 4,5 раза.

В течение всего первого учебного семестра с первокурсниками проводятся не только тренинги на определение и развитие личностных характеристик и креативности, умения работать в команде, выявление лидеров, но и отдельные упражнения на отреагирование скрытой агрессии и избавление от депрессии и тревоги со студентами, относящимися к третьей группе [8].

Проведённый анализ позволяет выделить и наметить некоторые наиболее перспективные области поиска и решения проблемы психологической адаптации первокурсников:

- составление, изучение, и детализация психологического портрета первокурсника для дальнейшей работы по определению его психологического потенциала и адаптивности;
- многостороннее изучение базовых отношений личности в коллективе и вопросов лидерства в группах;
- исследование механизмов повышения психологических показателей личностных качеств первокурсников, являющихся базовыми показателями запросов при разработке тренингов;
- изучение методик определения и отреагирования скрытой агрессии и избавление от депрессии и тревоги при дальнейшей разработке оптимальных

психотерапевтических упражнений для студентов с признаками астении, с нарушениями личных границ, с сильными признаками депрессии, тревоги и отсутствием опоры.

Заключение

Дополнительно авторы рассматривают возможность разработки новых программ для тренингов, которые будут использоваться при работе с первокурсниками помимо адаптационной практики.

В качестве основных выводов можем сформулировать следующее.

– Важным направлением работы с первокурсниками является раскрытие их адаптационных ресурсов, представляющих уровень образования, социальный и демографический статусы и социально-психологические характеристики личности, отвечающие за способность владеть ситуацией и за воспитание активной жизненной позиции.

– Психологические особенности индивида могут меняться в сторону улучшения показателей за счёт увеличения психологического потенциала и адаптивности при правильно организованной и постоянной психологической работе с ним.

– Адаптационная способность у всех первокурсников в вузе разная и зависит от личностных психологических осо-

бенностей индивида, от возможности адекватной регуляции функционального состояния организма в новых для него условиях жизни и деятельности при увеличении интенсивности воздействия психогенных факторов университетской среды.

– В качестве механизмов воздействия на показатели психологической адаптивности можно рассматривать специально разработанные под конкретные запросы психологические и психотерапевтические тренинги.

– Социальными (социально-психологическими) критериями успешной адаптации можно считать умения работать в команде, выявление лидеров, эмоциональный комфорт, принятие других, мотивацию к обучению в выбранном вузе.

– Психологическими критериями успешной адаптации можно считать повышение показателей открытости, доверия, эмоциональной свободы, наличие личных границ и снижение признаков астении, депрессии и тревоги.

От успешной психологической адаптации первокурсника к обучению в вузе в первом семестре во многом зависят дальнейшие профессиональная карьера и личностное развитие будущего профессионала.

Статья поступила в редакцию 29.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И. А. Понятие адаптации с точки зрения психологии [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 22 (208).
2. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
3. Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология: учебное пособие. М., 2017. 526 с.
4. Григорьева М. В., Шамяионов А. Д. Психологическое содержание профессиональных намерений педагогов-психологов на этапе обучения в вузе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 10. С. 32–35.
5. Маклаков А. Г. Общая психология: учебник для вузов. СПб., 2005. 583 с.
6. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 2017. 672 с.
7. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности: учеб.-науч. изд. СПб., 2002. 352 с.
8. Садовникова Н. О., Чернуха Н. С. Психологические особенности адаптации студентов первого курса [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19100> (дата обращения: 23.05.2019).
9. Старшенбаум Г. В. Суицидология и кризисная психотерапия. М., 2018. 375 с.

10. Хилько М. Е., Ткачева М. С. Возрастная психология: краткий курс лекций. М., 2016. 200 с.
11. Hall, D. Michael, Communication magic (formerly the secrets of magic). Wales, 2006. 334 p.
12. Pickren W. E., Rutherford A. A., History of modern psychology in context. Hoboken, New Jersey, 2010. 380 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov I. A. [The concept of adaptation from the point of view of psychology]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2018, no. 22 (208).
2. Antsyferova L. I. [Personality in difficult living conditions: rethinking, transformation and psychological protection]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3–18.
3. Bolotova A. K., Molchanova O. N. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology and developmental psychology]. Moscow, 2017, 526 p.
4. Grigor'eva M. V., Shamionov A. D. [The psychological content of the professional intentions of educational psychologists at the stage of study at the university]. In: *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)* [University Bulletin (State University of Management)], 2011, no. 10, pp. 32–35.
5. Maklakov A. G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Saint Petersburg, 2005, 583 p.
6. Raigorodskii D. Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara, 2017. 672 p.
7. Rean A. A., Kudashov A. R., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of personality adaptation]. Saint Petersburg, 2002. 352 p.
8. Sadovnikova N. O., Chernukha N. S. [Psychological features of adaptation of first-year students]. In: *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik* [International student scientific bulletin], 2018, no. 5. Available at: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19100> (accessed: 05.23.2019).
9. Starshenbaum G. V. *Suitsidologiya i krizisnaya psikhoterapiya* [Suicidology and crisis psychotherapy]. Moscow, 2018. 375 p.
10. Khil'ko M. E., Tkacheva M. S. *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology]. Moscow, 2016. 200 p.
11. Hall, D. Michael, Communication magic (formerly the secrets of magic). Wales, 2006. 334 p.
12. Pickren W. E., Rutherford A. A. History of modern psychology in context. Hoboken, New Jersey, 2010. 380 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьмина Ирина Сергеевна – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ электротехники Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»;

e-mail: kozminais@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Kozmina – Cand. Sci. (Engineering), Assoc. Prof., the Department of theoretical fundamentals of electrical engineering, National Research University "Moscow Power Engineering Institute";

e-mail: kozminais@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьмина И. С. Оценка психологического состояния первокурсников и их адаптация к процессу обучения в вузе в соответствии с распределением по группам психологического уровня комфортности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 63–72.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-63-72

FOR CITATION

Kozmina I. S. Estimate of the psychological state of first year students and their adaptation to the learning process at the university in accordance with their distribution into groups of psychological comfort level. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 63–72.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-63-72

УДК 159.9.072.432

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ПАРТНЁРОМ И ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ОТНОШЕНИЙ В НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

Позняков В. П., Панфилова Ю. М.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить роль ценностных ориентаций и личностных характеристик по пятифакторной модели личности как факторов ориентации во взаимодействии с партнёром и перспективности отношений в незарегистрированном браке.

Процедура и методы. Теоретическим основанием является ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности. Для исследования ценностных ориентаций использовалась методика «Опросник ценностей» Ш. Шварца, для исследования личностных характеристик применялась 50-пунктовая форма 5-факторного опросника Л. Голдберга (редакция К. В. Сугоняева), полустандартизированное интервью использовалось для выявления значимых социально-демографических характеристик партнёра, а также для определения выраженности показателей перспективности отношений, и авторский опросник – для изучения ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке.

Результаты. Проанализирован феномен перспективности отношений, и ключевым личностным фактором перспективности отношений в незарегистрированном браке выявлена личностная характеристика добросердечности. Установлено, что субъектно-ценностная ориентация во взаимодействии способствует перспективности отношений, а социально-ресурсная препятствует перспективности отношений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Итоги исследования могут использоваться практическими психологами в области семейного консультирования, а также могут быть полезны для формирования программ в сфере семейной политики для укрепления семейных ценностей молодёжи.

Ключевые слова: незарегистрированный брак, партнёр, отношение к партнёру, взаимодействие, ориентация во взаимодействии, перспективность отношений

PERSONAL ORIENTATION FACTORS IN INTERACTION WITH THE PARTNER AND RELATIONS PERSPECTIVE IN AN UNREGISTERED MARRIAGE

V. Poznyakov, Y. Panfilova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences

13-1 Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation.

Abstract

Aim. To determine the role of value orientations and personal characteristics by a five-factor model of personality as orientation factors in interaction with a partner and the prospect of relations in an unregistered marriage.

Methodology. The theoretical basis is the resource-value approach to the social interaction analysis of joint life activity subjects. To study value orientations the method of "Value questionnaire" by Sh. Schwartz was used, to study personal characteristics the 50-point form from the "5-factor questionnaire" by L. Goldberg (edited by K.V. Sugonyayev) was used. The half-standardized interview was used to study the valuable social-demographic characteristics of the partner and to define the intensity of indices for relations perspective. The authors' questionnaire was used to study the orientation in interaction with the partner in an unregistered marriage.

Results. The phenomenon of relations promising nature is analyzed, the key personality factor of it in an unregistered marriage is the personal characteristic of kind-heartedness. It is established that the subject-value orientation in the interaction contributes to the prospects of relations, and the social-resource orientation inhibits the prospects of relations.

Research implications. The results of the study can be used by practical psychologists in the field of family counseling, and can also be useful for creating programs in the field of family policy to strengthen the family values of young people.

Keywords: unregistered marriage, partner, attitude to partner, interaction, orientation in interaction, perspective

Постановка проблемы

Актуальность нашего исследования обусловлена широкой распространённостью незарегистрированных браков как в России, так и в других странах. Статистика свидетельствует, что в 2002 г. 9,8% брачных союзов в России не были зарегистрированы в органах ЗАГС, в то время как в 2010 г. уже 13% супружеских пар состояли в незарегистрированном браке [18]. К 2015 г. в России 12,5% всех супружеских союзов являлись незарегистрированными¹, а среди европейского населения к 2015 г. 15% молодых людей в возрасте от 20 до 29 лет жили в незарегистрированном браке². Зарубежными исследователями отмечается, что большинство молодых людей, регистрирующих брак, вначале вступали в незарегистрированный брак со своим брачным партнёром, однако в то же время большинство незарегистрированных союзов не

приводят к регистрации брака и распадаются [25]. Зарубежные психологи выделяют два типа незарегистрированных союзов: сожительство, в котором партнёры имеют нацеленность на регистрацию брака, и сожительство, в котором партнёры не определились с чёткими целями союза. При втором типе сожительства наблюдается более высокий риск распада отношений, в сравнении с первым [26]. Однако социально-психологические факторы, способствующие переходу к семейным отношениям у партнёров в незарегистрированном браке и способствующие перспективности отношений в незарегистрированном браке, исследованы не были.

Теоретические основания и концептуальные представления

Урбанизация XX в. и промышленная индустриализация XIX в., нравственное преобразование, обусловленное широким женским эмансипаторским движением, охватившим большинство индустриальных стран XIX в., привели к изменениям в патриархальном укладе семьи [3]. В связи с появившейся у женщин возможностью финансовой автономии, партнёры в брачном союзе могут сами выбирать, как организовать свой совместный быт, вести

¹ Федеральная служба государственной статистики: Микрореперис населения 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/microperepis.html (дата обращения: 12.05.2020).

² Corselli-Nordblad L., Gereoffy A. Marriage and birth statistics – new ways of living together in the EU. Eurostat Source: Statistics Explained. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained> (дата обращения: 20.01.2020).

общее хозяйство, определить, иметь ли общий или раздельный бюджет. Многие авторы подчёркивают присутствие экономической составляющей в отношениях между людьми. А. Б. Купрейченко в своих работах по исследованию доверия и недоверия как социально-психологического феномена выделяет инструментальный (инструментально-деловой, практически-действенный), а также эмоционально-экспрессивный (эмоционально-исповедальный) типы дружбы. При этом отмечается, что даже в сфере эмоционально-близких отношений значимыми становятся не только эмоциональные факторы, но и факторы статуса, мотивации, власти [9, с. 168]. М. Дойч считал естественным рыночный подход в отношениях между двумя людьми [23], а А. Г. Харчев отмечает, что социальное содержание брака включает в себя как экономическую, так и психологическую стороны [21].

В незарегистрированных браках как в отношениях, близких к семейным, также можно выделить как экономическую, так и психологическую стороны отношений. Проявление каждой из сторон мы считаем возможным рассмотреть через отношение к партнёру в незарегистрированном браке. В то же время встаёт вопрос о форме выражения отношения и того, как измерить отношение к партнёру в незарегистрированном браке. В. Н. Мясищев отмечает, что истинное отношение может проявляться в условиях свободного взаимодействия, однако в условиях зависимости одного человека от другого, внешняя форма взаимодействия не всегда отвечает внутреннему содержанию отношений [12, с. 115]. В. П. Позняков и Т. С. Вавакина в исследованиях психологии делового партнёрства в самом общем виде выделяют в качестве основных принципов взаимодействия – прагматичность и нравственность [2; 15; 16].

Т. С. Вавакиной и В. П. Позняковым был разработан ресурсно-ценностный подход, по которому существенными ха-

рактеристиками взаимодействия между его участниками является содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придаёт этому взаимодействию конкретный и определённый смысл. Как основание типологии психологического отношения к деловому партнёрству авторы ресурсно-ценностного подхода выделили экономико-ресурсную, социально-ресурсную, субъектно-ценностную ориентации. Экономико-ресурсная ориентация связана с экономически-значимой стороной отношений, где партнёр нацелен на получение финансовой или другой материальной выгоды от взаимодействия с партнёром. Социально-ресурсная ориентация выражает стремление партнёра повысить свой социальный статус, приобщиться к более высоким слоям общества через отношения с партнёром. Субъектно-ценностная ориентация заключается в восприятии партнёра как субъекта, обладающего собственными интересами, стремлениями, потребностями, а цели взаимодействия не содержат стремления получить какую-либо выгоду или использовать партнёра для повышения социального статуса. При этом субъектно-ценностная ориентация характеризуется чуткостью к нуждам партнёра, доброжелательностью и приверженностью общечеловеческим ценностям. Авторы подчёркивают конструктивность использования ресурсно-ценностного подхода для анализа психологических отношений и социального взаимодействия в самых разных сферах совместной жизнедеятельности [15].

В нашем исследовании мы применяем ресурсно-ценностный подход к исследованию интимно-личностных отношений, а именно, отношений в незарегистрированном браке. Дополнительно к указанным ориентациям нами вводится эгоцентрично-ресурсная ориентация во взаимодействии, для характеристики отношения к партнёру, связанного с

удовлетворением насущных, зачастую неосознаваемых эмоциональных потребностей в отношениях незарегистрированного брака. Другими словами, эгоцентрично-ресурсная ориентация предполагает фокус партнёра на самом себе и своих потребностях, которые носят гедонистический характер и которые связаны с получением эмоционального удовольствия и эмоциональных ресурсов от отношений в незарегистрированном браке. Данная ориентация во взаимодействии с партнёром предусматривает

поиск выгоды, не связанной с материальными ресурсами, однако может включать стремление повысить свою самооценку за счёт партнёра, получить сексуальное удовольствие, что говорит о том, что данная ориентация основана на принципе взаимодействия «прагматичность».

Теоретическое соотнесение ориентаций во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке с точки зрения принципов взаимодействия, основанных на прагматичности или нравственности, представлено на рис. 1.

Рис. 1 / Fig. 1. Характеристика ориентаций во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке с точки зрения принципа взаимодействия / Orientation in interaction with the partner characteristics in terms of interaction principles

Таким образом, мы считаем, что экономико-ресурсная, социально-ресурсная, эгоцентрично-ресурсная ориентации соответствуют принципу взаимодействия прагматичности, а субъектно-ценностная – принципу взаимодействия нравственности.

Важным вопросом в отношениях незарегистрированного брака выступает перспективность этих отношений.

Непосредственное значение слова «перспективный», – «предусматривающий будущее развитие»¹, а психологический смысл понятия временной перспективы можно сформулировать как совокупность представлений индивидуума о сво-

¹ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma311202.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 03.06.2020).

ём психологическом прошлом и будущем, единовременно существующих в данный момент времени¹.

Таким образом, в отношениях незарегистрированного брака перспективность отношений показывает направление развития отношений незарегистрированно-го брака к семейным отношениям.

По нашему мнению, понятие перспективности в отношениях незарегистрированного брака раскрывается через нацеленность на регистрацию брака с партнёром, удовлетворённость отношениями и готовность к переходу к семейным отношениям.

Мы полагаем, что существует связь между ориентациями во взаимодействии с партнёром и перспективностью отношений в незарегистрированном браке, которая поможет спрогнозировать будущее данных отношений [17].

Замысел исследования

Цель исследования – определить роль ценностных ориентаций и личностных характеристик по пятифакторной модели личности как факторов ориентации во взаимодействии с партнёром и перспективности отношений в незарегистрированном браке.

Выбор факторов обусловлен их ключевым значением для формирования мотивов, выборов личности и принятия решений о поведении в различных ситуациях [1; 4; 5; 8; 19; 22].

Объект – выборка исследования включала 144 человека, из них 72 мужчины и 72 женщины в возрасте 18–35 лет, состоящие в незарегистрированном браке. Респонденты ранее не были замужем или женаты, не имеют детей, проживают в Москве или Московской области, имеют гетеросексуальную ориентацию.

Предметом исследования являются факторы ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что ценностные ориентации и личностные характеристики пятифакторной модели личности являются факторами ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке. Дополнительной гипотезой выступает гипотеза о том, что существуют личностные факторы перспективности отношений в незарегистрированном браке.

Эмпирические задачи исследования:

1) определить, являются ли ценностные ориентации фактором ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке;

2) определить, выступают ли личностные характеристики пятифакторной модели личности как фактор ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке;

3) проанализировать показатели перспективности отношений в незарегистрированном браке и провести анализ взаимосвязей ориентаций во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке с перспективностью отношений;

4) выявить личностные факторы перспективности отношений в незарегистрированном браке.

Методический инструментарий: в рамках исследования были применены следующие методики: полустандартизированное интервью для выявления значимых социально-демографических характеристик партнёра, а также для определения выраженности показателей перспективности в отношениях; «Профиль личности» Ш. Шварца для выявления ведущих ценностных ориентаций партнёра [6]; 50-ти пунктовая форма 5-ти факторного опросника Л. Голдберга [7] для выявления личностных характеристик партнёра; авторский опросник для изучения ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке.

¹ Общая психология: словарь / под ред. А. В. Петровского. М., 2005. 250 с.

Результаты исследования

Анализ личностных факторов ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке

Анализ личностных факторов ориентации во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке проводился с использованием линейного множественного регрессионного анализа обранным пошаговым методом [13, с. 248].

Анализ выполнен для всей выборки респондентов ($N = 144$). Для каждой из ориентаций проводился поиск личностных характеристик и ценностных ориентаций как предикторов, имеющих статистическую значимость. По результатам множественного линейного регрессионного анализа выявлены следующие предикторы для зависимой переменной «экономико-ресурсная ориентация» ($R^2 = 0,11$; $F = 2,67$; $p \leq 0,05$): личностные характеристики экстраверсии ($\beta = -0,19$, $p \leq 0,05$), открытости опыту ($\beta = 0,20$, $p \leq 0,05$), ценностная ориентация самостоятельности ($\beta = -0,16$, $p \leq 0,1$).

Значение коэффициента регрессии у личностной характеристики «экстраверсия» – отрицательное, что позволяет интерпретировать данный фактор как интроверсия. Интроверты склонны к размышлениям, анализу происходящей действительности, в том числе их размышления могут затрагивать обеспокоенность своим финансовым положением и его укреплением за счёт ресурсов партнёра. Открытость опыту подразумевает интерес и готовность получать новый опыт, однако в то же время лёгкое отношение к жизни и пренебрежение делами, требующими серьёзные отношения, может способствовать стремлению жить за счёт других, в том числе получать выгоду от отношений с партнёром. Отрицательная корреляция с ценностной ориентацией самостоятельности может свидетельствовать о несамостоятельности и склонности к зависимому поведению, в частности к

использованию партнёра для получения материальных и других ресурсов.

Выявлен вклад следующих факторов социально-ресурсной ориентации во взаимодействие ($R^2 = 0,13$; $F = 2,4$; $p \leq 0,05$): личностная черта добросердечности ($\beta = -0,25$, $p \leq 0,05$), ценностные ориентации безопасности ($\beta = 0,27$, $p \leq 0,01$), универсализма ($\beta = -0,25$, $p \leq 0,05$), власти ($\beta = -0,20$, $p \leq 0,05$). Отрицательная корреляция социально-ресурсной ориентации с личностной чертой добросердечности говорит об обособленности в поведении, игнорировании интересов партнёра. Ценностная ориентация безопасности подразумевает стремление к стабильности и защищённости, а социально-ресурсная ориентация во взаимодействии может способствовать появлению ощущения защиты и стабильности, которую даёт социальный статус партнёра. Отрицательная корреляция с ценностной ориентацией универсализма, высокая значимость которой связана с пониманием, терпимостью и защитой благополучия всех людей, может говорить о заботе партнёра исключительно о своих интересах. Отрицательная корреляция с ценностной ориентацией власти может говорить не о важности ощущения собственного могущества, а о важности получения защиты, социальных привилегий и других благ, которые даёт статус партнёра, что близко по значению данной ценности к ценностной ориентации безопасности.

Вклад факторов эгоцентрично-ресурсной ориентации во взаимодействие следующий ($R^2 = 0,12$; $F = 2,4$; $p \leq 0,05$): ценностные ориентации традиций ($\beta = 0,22$, $p \leq 0,05$), безопасности ($\beta = 0,20$, $p \leq 0,05$), достижения ($\beta = -0,18$, $p \leq 0,1$) и гедонизма ($\beta = 0,15$, $p \leq 0,1$). Ценностная ориентация безопасности подразумевает потребность в защите, стабильности, что часто выражается через повышенную тревожность и может являться прямым признаком эгоцентризма. Ценностная ориентация традиций связана с поддержанием идей, обычаев, которые существуют в

культуре, группе, приверженностью традиционным способам поведения. Однако партнёры, которым свойственна эгоцентрично-ресурсная ориентация, могут разделять искаженные культурные нормы и устои в реализации своих интересов (например, рассматривать в качестве культурной нормы – неоформленные отношения, проявление эгоцентризма в отношениях с партнёром) или же приписывать ответственность за свои действия или бездействие во взаимоотношении с партнёром групповым нормам и ценностям, например, не регистрировать брак в связи с негативным мнением своей семьи о партнере.

Ценностная ориентация достижения на уровне тенденции отрицательно коррелирует с эгоцентрично-ресурсной ориентацией, что говорит о легкомысленности и безответственности во взглядах на жизнь, а отношения с партнёром при этом могут рассматриваться как некоторый необременительный опыт. Ценностная ориентация гедонизма выступает фактором эгоцентрично-ресурсной ориентации на уровне тенденции. Гедонизм связан с желанием получить удовольствие от жизни, чувственное наслаждение, в отношениях с партнёром это может выражаться в получении сексуального удовольствия, использования партнёра для удовлетворения бытовых потребностей и т. д. как основных целей отношений.

Личностные характеристики, выступающие фактором эгоцентрично-ресурсной ориентации во взаимодействии с партнёром, не выявлены.

Найдены следующие факторы субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии ($R^2 = 0,12$; $F = 2,3$; $p \leq 0,05$): личностные черты добросердечности ($\beta = 0,23$, $p \leq 0,05$), открытости опыту ($\beta = -0,23$, $p \leq 0,05$), ценностные ориентации традиций ($\beta = -0,18$, $p \leq 0,05$) и универсализма ($\beta = 0,27$, $p \leq 0,05$). Личностная характеристика добросердечности во многом объясняет внимательность к нуждам партнёра, ценность личности партнёра.

Отрицательная корреляция субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии с личностной характеристикой открытости опыту позволяет говорить о предпочтении партнёрами, разделяющими данную ориентацию, постоянства и надёжности в жизни и отношениях с партнёром, рациональности в принятии решения, настойчивости в воплощении своих жизненных целей. Отрицательная корреляция субъектно-ценностной ориентации с ценностной ориентацией традиции может говорить о готовности партнёров пренебречь устоями и нормами группы, что в целом характерно для людей, выбирающих отношения незафиксированного брака, однако также может иметь место пренебрежение запретами или неодобрением (например, со стороны семьи) ради отношений с конкретным партнёром. Ценность универсализма как фактора субъектно-ценностной ориентации выражается в понимании, терпимости к своему окружению, заботе о благополучии всех людей, что подчёркивает коллективистский характер субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии.

Анализ перспективности отношений незарегистрированного брака

Характеризовать показатели перспективности отношений по всей выборке можно через описательную статистику её показателей по всей выборке респондентов: удовлетворённость отношениями (сред. знач. 8,43; станд. откл. 1,64), желание иметь совместных детей (сред. знач. 7,43; станд. откл. 1,52), нацеленность на брак с партнёром (сред. знач. 7,90; станд. откл. 2,32).

Значения показателя «удовлетворённость отношениями» несколько выше значений показателей «желание иметь детей» и «нацеленность на брак с партнёром», что говорит о том, что партнёры, удовлетворённые своими отношениями с партнёром, не всегда готовы заводить совместных детей и регистрировать брак.

Для того чтобы понять, можно ли отнести данные предполагаемые показатели перспективности, был проведён интеркорреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. По результатам данного анализа выявлена интеркорреляционная связь между удовлетворенностью отношениями и нацеленностью на брак ($\beta = 0,46, p \leq 0,01$), желанием иметь совместных детей и нацеленностью на брак ($\beta = 0,46, p \leq 0,01$),

Это подтверждает то, что выбранные показатели можно отнести к единому феномену, который мы называем перспективностью отношений в незарегистрированном браке. При этом удовлетворённость отношениями с партнёром коррелирует только с одним из двух других показателей перспективности отношений, а именно с нацеленностью на заключение брака с партнёром, и не коррелирует с другим – желанием иметь совместных детей. Эти данные подтверждают вывод о том, что удовлетворённость отношениями с партнёром не является однозначным свидетельством перспективности отношений, т. е. стремления создать в будущем полноценную семью.

Были рассмотрены также корреляции показателей перспективности отношений в незарегистрированном браке с ориентациями во взаимодействии с партнёром в незарегистрированном браке с использованием коэффициента корреляции Спирмена, что позволило выявить следующие взаимосвязи: социально-ресурсная ориентация отрицательно коррелирует с желанием иметь детей ($\beta = -0,17, p \leq 0,05$) и нацеленностью на заключение брака с партнёром ($\beta = -0,14, p \leq 0,1$), субъектно-ценностная ориентация коррелирует с желанием иметь детей ($\beta = 0,16, p \leq 0,1$) и нацеленностью на заключение брака с партнёром ($\beta = 0,15, p \leq 0,1$).

Интересно, что «удовлетворённость отношениями» не обнаружила связей с ориентациями, в связи с чем можно предположить, что партнёр может быть удовлетворён отношениями при любой ори-

ентации, если характер реальных (или воспринимаемых) отношений удовлетворяет потребности, связанные с его ориентацией во взаимодействии.

Положительная корреляция на уровне тенденции ($p \leq 0,1$) между показателями перспективности отношений «желание иметь детей» и «нацеленность на заключение брака с партнёром» и субъектно-ценностной ориентацией указывает на связь субъектно-ценностной ориентации с двумя из трех показателями перспективности отношений в незарегистрированном браке на уровне тенденции, а отрицательная корреляция показателя «желание иметь детей» с социально-ресурсной ориентацией на уровне $p \leq 0,05$, а также отрицательная корреляция социально-ресурсной ориентации с показателем «нацеленность на брак» на уровне $p \leq 0,1$ (уровень статистической тенденции) говорит о том, что социально-ресурсная ориентация во взаимодействии не способствует перспективности отношений в незарегистрированном браке.

Регрессионный анализ личностных характеристик и ценностных ориентаций как факторов перспективности отношений незарегистрированного брака позволил выделить следующие зависимости. Факторы нацеленности на регистрацию брака: ($R^2 = 0,19, F = 4,82, p = 0,00$) добросердечность $\beta = 2,01, p \leq 0,05$; самостоятельность $\beta = 2,97, p \leq 0,01$. Предикторами желаний иметь совместных детей выступили: ($R^2 = 0,11, F = 2,20, p \leq 0,05$) добросердечность $\beta = 2,21, p \leq 0,05$; достижения $\beta = 2,27, p \leq 0,05$; власть $\beta = -2,63, p \leq 0,01$. Предикторами удовлетворённости в отношениях являются следующие личностные факторы: ($R^2 = 0,12, F = 2,35, p \leq 0,05$) добросердечность $\beta = 2,26, p \leq 0,05$; традиции $\beta = 2,68, p \leq 0,01$.

Таким образом, мы видим, что личностная характеристика добросердечности выступила сквозным фактором для всех трёх показателей перспективности отношений незарегистрированного брака, что говорит о центральной

роли позитивного отношения к другим людям, доброте и отзывчивости как фактора перспективности отношений незарегистрированного брака. Кроме того, можно сказать, что нацеленность на заключение брака с партнёром имеет природу ориентированности на социальные нормы и связана не только с доброжелательностью, но и со зрелой, независимой жизненной позицией (ценность самостоятельности), а желание иметь детей связано с отказом от амбиций власти, но при этом обусловлено стремлением к достижениям личного успеха в жизни, в соответствии с социальными стандартами.

Обсуждение результатов

Экономико-ресурсная ориентация во взаимодействии характеризуется легкомысленностью и безответственностью (корреляция с личностной характеристикой открытости опыту), несамостоятельностью (отрицательная корреляция с ценностной ориентацией самостоятельности), но в то же время закрытостью и озабоченностью своими мыслями и переживаниями (отрицательная корреляция с личностной характеристикой экстраверсии). Подобные характеристики демонстрируют личностную незрелость и повышенную тревожность, а отношения с партнёром рассматриваются не просто как ресурс, а как способ существования. Содержание данной ориентации может характеризоваться фразой Э. Фромма: «Человеческие ценности определяются теперь экономическими ценностями» [24, p. 55].

Эгоцентрично-ресурсная ориентация во взаимодействии характеризуется отсутствием целенаправленности в действиях (отрицательная корреляция с ценностной ориентацией достижения) и жизнью ради сиюминутного удовольствия (корреляция с ценностной ориентацией гедонизма). Ценностная ориентация безопасности выступает фактором одновременно социально-ресурсной и эгоцентрично-ресурсной ориентаций во

взаимодействии. Отмечается, что при нарушении психологической безопасности повышается уровень тревожности и превалирует негативный психический фон [11; 20]. Отмечается также, что эгоцентризм является одной из характеристик молодёжи, и одним из его проявлений выступает неудовлетворённая потребность в безопасности, что затрудняет личностный рост и выступает барьером развития [14]. В связи с чем можно сделать вывод, что неудовлетворённая потребность в безопасности взаимосвязана с эгоцентризмом, повышенной тревожностью и общей неудовлетворённостью жизнью, выражается в эгоцентрично-ресурсной и социально-ресурсной ориентациях, потребности в эмоциональных, чувственных, социальных ресурсах в отношениях незарегистрированного брака и препятствует эмоциональной близости с партнёром.

Возникает вопрос о ценностной ориентации традиций, которая коррелирует с эгоцентрично-ресурсной ориентацией во взаимодействии и отрицательно коррелирует с субъектно-ценностной ориентацией во взаимодействии. Такая парадоксальная роль ценности традиций может объясняться широтой вариаций в восприятии ценности традиций в современном мире. Для партнёров, выбирающих отношения в незарегистрированном браке, неоформленный союз может представляться традиционной формой отношений (например, при ориентированности на европейские ценности, где сожителство является распространённым явлением). В эгоцентрично-ресурсной ориентации выраженность ценности традиций может проявляться в значимости мнения семьи о партнёре и о регистрации или нерегистрации брака с партнёром.

Обобщая личностные факторы ресурсных ориентаций (экономико-ресурсная, социально-ресурсная, эгоцентрично-ресурсная), можно заключить, что выраженность данных ориентаций

говорит о недостаточной степени удовлетворения базовых личностных потребностей (реальных или воспринимаемых) в безопасности, материальной независимости. Абрахам Маслоу, создатель теории самоактуализации личности, отмечает, что для появления потребности в любви требуется осознание удовлетворения большего количества потребностей, чем для появления потребности в безопасности, а также то, что для появления высших потребностей, требуются более благоприятные внешние условия [10, с. 110]. Несмотря на повышение уровня жизни (цифровизация, обеспеченность связью, доступ к разнообразным товарам и услугам), нестабильная экономическая ситуация и другие вызовы жизни в нашей стране способствуют тому, что у многих людей появляется беспокойство о своей безопасности и благополучии, что приводит к предпочтению «экономических» ценностей, «человеческим».

Субъектно-ценностная ориентация во взаимодействии коррелирует с коллективистскими ценностями добросердечности, универсализма, а также личностной характеристикой открытости опыту, что свидетельствует об устоявшихся интересах партнёра в отношениях и готовности партнёра выстраивать отношения, основанные на эмоциональной близости и любви.

Ценность добросердечности выступает фактором не только субъектно-ценностной ориентации, но и фактором перспективности отношений (корреляции с показателями перспективности отношений). Можно предположить, что более высокий уровень значений показателей субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии и перспективности отношений у наших респондентов говорит об их психологической «ресурсности» и готовности отдавать эти ресурсы в отношениях. В то время как партнёры, у которых наблюдаются ресурсные ориентации во взаимодействии и низкая перспективность отношений (например,

при социально-ресурсной ориентации, которая отрицательно коррелирует с перспективностью отношений), не способны делиться ресурсами с другими людьми, по причине их недостатка для обеспечения своих потребностей. Ещё одним подтверждением важного значения личностной характеристики добросердечности для перспективности отношений является то, что субъектно-ценностная ориентация во взаимодействии (коррелирующая с добросердечностью) способствует перспективности отношений в незарегистрированном браке, в то время как социально-ресурсная ориентация (отрицательно коррелирующая с ней) препятствует перспективности отношений.

Заключение

Доминирование прагматичного принципа взаимодействия с партнёром имеет природу, связанную с неудовлетворённостью базовых потребностей личности (социально-ресурсная и эгоцентрично-ресурсная ориентации во взаимодействии коррелируют с ценностной ориентацией безопасности, экономико-ресурсная ориентация во взаимодействии отрицательно коррелирует с ценностной ориентацией самостоятельности). В то время как при доминировании нравственного принципа взаимодействия, проявляющегося в субъектно-ценностной ориентации во взаимодействии, превалирует стремление к сотрудничеству, устойчивости интересов в отношениях, пониманию и уважению интересов партнёра (корреляция с личностной характеристикой добросердечности, ценностной ориентацией универсализма, отрицательная корреляция с личностной чертой открытости опыту), что говорит о потребности партнёров в любви, эмоциональной близости. Чем выше субъектно-ценностная ориентация во взаимодействии, тем выше перспективность отношений, а чем выше социально-ресурсная ориентация, тем ниже перспективность отношений в

незарегистрированном браке. Ключевым фактором перспективности отношений в незарегистрированном браке является личностная характеристика добросердечности. Удовлетворённость отношениями не обязательно говорит о перспективности отношений, так как партнёры, удовлетворённые своими отношениями с партнёром, не всегда готовы заводить совместных детей и регистрировать брак с партнёром.

Полученные данные позволяют понять психологические факторы отношения к партнёру и перспективности незареги-

стрированного брака. Результаты исследования могут быть полезны мужчинам и женщинам, состоящим в незарегистрированном браке, для прогнозирования будущего развития их отношений с партнёром. Итоги исследования могут использоваться практическими психологами в области семейного консультирования, а также могут быть полезны для формирования программ в сфере семейной политики для укрепления семейных ценностей молодёжи.

Статья поступила в редакцию 18.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева В. Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 5. С. 63–70.
2. Вавакина Т. С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 219 с.
3. Голод С. И. Современная семья: патриархальность, женская эмансипация, «кризис» моногамии // Экономика Северо-Запада: Проблемы и перспективы развития. 2007. № 1 (31). С. 37–39.
4. Горская Г. Б., Зияева Е. Р. Личностные черты большой пятерки как фактор конструктивности преодоления спортсменами стрессовых ситуаций // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. 2014. Т. 16. С. 47–54.
5. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в Российском обществе. М., 2016. 333 с.
6. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 72 с.
7. Князев Г. Г., Митрофанова Л. Г., Бочарова В. А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «маркеры факторов “большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
8. Кузнецова Ю. Н. Ценностные детерминанты содержания принимаемых личностью решений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 20 с.
9. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008. 571 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2009. 352 с.
11. Месропян Г. М. Тревожность в системе психологической безопасности личности // Психология, социология и педагогика. 2016. № 3 (54). С. 59–66.
12. Мясичев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. 1960. Т. 2. С. 112–127.
13. Наследов Д. А. Математические методы психологического исследования. СПб., 2012. 390 с.
14. Осипова Н. Н., Зайцева В. М. Барьеры психической адаптации человека в постиндустриальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 4 (4). С. 27–35.
15. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 3–11.
16. Позняков В. П., Вавакина Т. С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М., 2016. 320 с.
17. Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Направленность во взаимодействии с партнёром, как фактор перспективности отношений в незарегистрированном браке // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: сборник научных трудов, посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясичева. Владимир, М., 2018. С. 183–188.

18. Саралиева З. Х., Блонин В. А., Егорова Н. Ю. Жизненные миры современной российской семьи: монография. Н. Новгород, 2015. 264 с.
19. Соина И. А. Динамика ценностных ориентаций личности в её изменяющемся социально-психологическом пространстве (на примере учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 27 с.
20. Урываев В. А., Тарасова А. А. Субъективное благополучие в структуре личностных черт // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3 (17). С. 91–93.
21. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд. М., 1979. 367 с.
22. Шерковин Ю. А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психологический журнал. 1982. Т. 3 № 3. С. 135–145.
23. Deutsch M. A Theory of cooperation and competition // Human Relations. 1949. Vol. 2. P. 129–152.
24. Fromm E. The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love. New York, 1956. 133 p.
25. Kuo J. C.-L., Raley R. K. Diverging patterns of union transition among cohabitators by race/ethnicity and education: Trends and marital intentions in the United States // Demography. 2016. Vol. 53 (4). P. 921–935.
26. Willoughby B. J., Carroll J. S., Busby D. M. The different effects of «living together». Determining and comparing types of cohabiting couples // Journal of Social and Personal Relationships. 2012. Vol. 29. P. 397–419.

REFERENCES

1. Alekseeva V. G. [Value orientation as a factor in functioning and development of personality]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1984, vol. 5, no. 5, pp. 63–70.
2. Vavakina T. S. *Tipy psikhologicheskogo otnosheniya rossiiskikh predprinimatelei k delovomu partnerstvu: diss. ... kand. psikhol. nauk* [Types of psychological attitude of Russian entrepreneurs to business partnership: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2011. 219 p.
3. Golod S. I. [The modern family: patriarchy, female emancipation, the “crisis” of monogamy]. In: *Ekonomika Severo-Zapada: Problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: Problems and Development Prospects], 2007, no. 1 (31), pp. 37–39.
4. Gorskaya G. B., Ziyaeva E. R. [Personal traits of the big five as a factor of constructiveness in overcoming stressful situations by athletes]. In: *Aktual'nye voprosy fizicheskoi kul'tury i sporta* [Topical issues of physical culture and sports], 2014, vol. 16, pp. 47–54.
5. Zhuravleva N. A. *Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v Rossiiskom obshchestve* [Dynamics of personal value orientations in Russian society]. Moscow, 2016. 333 p.
6. Karandashev V. N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz technique for studying personality values: concept and methodological guidance]. Saint Petersburg, 2004. 72 p.
7. Knyazev G. G., Mitrofanova L. G., Bocharova V. A. [Validation of the Russian-language version of the L. Goldberg questionnaire “markers of the “big five” factors”]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2010, vol. 31, no. 5, pp. 100–110.
8. Kuznetsova Yu. N. *Tsennostnye determinanty sodержaniya prinimaemykh lichnost'yu reshenii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Value determinants of the content of decisions made by an individual: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2007. 20 p.
9. Kupreichenko A. B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [The psychology of trust and distrust]. Moscow, 2008. 571 p.
10. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Saint Petersburg, 2009. 352 p.
11. Mesropyan G. M. [Anxiety in the system of psychological safety of a person]. In: *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, Sociology and Pedagogy], 2016, no. 3 (54), pp. 59–66.
12. Myasishchev V. N. [The main problems and current state of the psychology of human relationships]. In: *Psikhologicheskaya nauka v SSSR* [Psychological Science in the USSR], 1960, vol. 2, pp. 112–127.
13. Nasledov D. A. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya* [Mathematical methods of psychological research]. Saint Petersburg, 2012. 390 p.
14. Osipova N. N., Zaitseva V. M. [Barriers to human mental adaptation in the post-industrial space]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2015, no. 4 (4), pp. 27–35.

15. Poznyakov V. P., Vavakina T. S. [Business partnership as a type of social interaction: a resource-value approach]. In: *Chelovecheskii faktor problemy psikhologii i ergonomiki* [The human factor problems of psychology and ergonomics], 2014, no. 2 (69), pp. 3–11.
16. Poznyakov V. P., Vavakina T. S. *Psikhologiya delovogo partnerstva: teoriya i empiricheskie issledovaniya* [The Psychology of Business Partnership: Theory and Empirical Research]. Moscow, 2016. 320 p.
17. Poznyakov V. P., Panfilova Yu. M. [Orientation in interaction with the partner, as a factor in the prospects of relations in an unregistered marriage]. In: *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii otnosheniya cheloveka k zhiznedeatel'nosti* [The current state and prospects for the development of the psychology of a person]. Vladimir, Moscow, 2018, pp. 183–188.
18. Saralieva Z. Kh., Blonin V. A., Egorova N. Yu. *Zhiznennye miry sovremennoi rossiiskoi sem'i* [The life worlds of the modern Russian family]. Nizhny Novgorod, 2015. 264 p.
19. Soina I. A. *Dinamika tsennostnykh orientatsii lichnosti v ee izmenyayushchemsya sotsial'no-psikhologicheskoy prostranstve (na primere uchashchikhsya srednikh shkol i srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedenii): avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [The dynamics of value orientations of a person in the changing socio-psychological space (on the example of students of secondary schools and secondary specialized educational institutions): abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2011. 27 p.
20. Uryvaev V. A., Tarasova A. A. [Subjective well-being in the structure of personality traits]. In: *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University. Humanities Series], 2011, no. 3 (17), pp. 91–93.
21. Kharchev A. G. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow, 1979. 367 p.
22. Sherkovin Yu. A. [The problem of value orientations and mass information processes]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1982, vol. 3, no. 3, pp. 135–145.
23. Deutsch M. A Theory of cooperation and competition. In: *Human Relations*, 1949, vol. 2, pp. 129–152.
24. Fromm E. *The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love*. New York, 1956. 133 p.
25. Kuo J. C.-L., Raley R. K. Diverging patterns of union transition among cohabitators by race/ethnicity and education: Trends and marital intentions in the United States. In: *Demography*, 2016, vol. 53 (4), pp. 921–935.
26. Willoughby B. J., Carroll J. S., Busby D. M. The different effects of «living together». Determining and comparing types of cohabiting couples. In: *Journal of Social and Personal Relationships*, 2012, vol. 29, pp. 397–419.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО № 0159-2020-0006 «Социально-культурная обусловленность становления и развития российской психологии, историческая детерминация личности и формирования менталитета народа».

ACKNOWLEDGMENTS

The work was performed in accordance with the state task of FANO No. 0159-2020-0006 “Socio-cultural conditionality of the formation and development of Russian psychology, historical determination of the individual and the formation of the mentality of the people”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Позняков Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН;

e-mail: pozn_v@mail.ru

Панфилова Юлия Михайловна – аспирант Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН;

e-mail: panfilova-julia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir P. Poznyakov – Dr. Sci. (Psychology), prof., main research officer, laboratory of history of psychology and historical psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: pozn_v@mail.ru

Yulia M. Panfilova – Postgraduate student, laboratory of social and economical psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: panfilova-julia@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Позняков В. П., Панфилова Ю. М. Личностные факторы ориентации во взаимодействии с партнёром и перспективности отношений в незарегистрированном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 73–86.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86

FOR CITATION

Poznyakov V. P., Panfilova Y. M. Personal orientation factors in interaction with partner and relations perspective in an unregistered marriage. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 73–86.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-73-86

УДК 159.922

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-87-95

СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВОЗРАСТА

Эйдельман А. Б.*Институт психологии Российской академии наук**129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить основания субъективного оценивания собственного возраста и возраста других людей в онтогенезе. В качестве таких оснований рассматриваются временные (темпоральные) и социальные сравнения.

Процедура и методы. В данном эмпирическом исследовании приняли участие 145 жителей Москвы и Московской области 3-х возрастных групп: 20-30 лет, 40-50 лет, 60-70 лет. Методический комплекс исследования включал в себя: авторскую анкету социо-демографических данных, уточняющий опросник субъективного возраста (разработанный на основе методики «Subjective age»), проективную методику «30 фотографий».

Результаты. В статье представлена возрастная специфика собственного эмоционального возраста и оценок, на сколько лет выглядит другой человек. Установлено, что с возрастом роль социальных сравнений в процессе оценивания возраста другого увеличивается, что повышает точность оценок. Опора на темпоральные основания с возрастом снижает точность самооценки эмоционального возраста. Выявлено, что респонденты всех возрастных групп более точны в оценке возраста сверстников, чем в оценке возраста людей других возрастных категорий. Подтверждены предположения о различии в основаниях оценивания своего и чужого возраста и об изменении этих оснований в онтогенезе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные данные расширяют представления о механизмах субъективного возраста и оценивания возраста других людей. Они также могут быть использованы в психотерапии и психологическом консультировании в качестве ресурса для достижения полноценного функционирования личности.

Ключевые слова: субъективный возраст, эмоциональный субъективный возраст, темпоральные сравнения, социальные сравнения, психологическое благополучие, полноценное функционирование

SOCIAL AND TEMPORARY FOUNDATIONS OF SUBJECTIVE AGE

A. Eydelman*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences**13 Yaroslavskaya ul., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the basis of a subjective assessment of one's own age and the age of other people in ontogenesis. Temporal and social comparisons are considered to be such foundations,

Methodology. This empirical study involved 145 residents of Moscow and Moscow region of 3 age groups: 20-30 years old, 40-50 years old, 60-70 years old. The methodological complex of the research included: the author's questionnaire of socio-demographic data, specifying the questionnaire

of subjective age (developed on the basis of the "Subjective age" methodology), and the projective methodology "30 photos".

Results. *The* article presents the age specificity of one's own emotional age and estimates of how old another person looks like. It is established that with increasing age, the role of social comparisons in the process of assessing the age of other people rises, which increases the accuracy of estimates. Reliance on temporal foundations decreases the accuracy of the emotional age self-esteem. It was revealed that the respondents of all age groups are more accurate in assessing the age of peers than in assessing the age of people of other age categories. The assumption that there is certain difference in the bases for evaluating one's own and other person's age and a change in these bases in ontogenesis is confirmed.

Research implications. The data obtained expand the understanding of the mechanisms of subjective age and the estimation of the age of other people. They can also be used in psychotherapy and psychological counseling as a resource to achieve the full functioning of the personality.

Keywords: subjective age, emotional subjective age, temporary comparisons, social comparisons, psychological well-being, full functioning

Введение

Возраст как временная характеристика развития человека представляет особый интерес для исследования. Уникальность данной характеристики заключается в возможности выступать в исследованиях в качестве независимой переменной, и при этом выявлять различия между людьми одной категории. К тому же возраст – понятие многогранное. Учёные разных научных сфер рассматривают различные виды и аспекты возраста: хронологический, психологический, социальный, физиологический и др. Наиболее важным для психологии является изучение субъективного возраста человека, под которым понимается самовосприятие своего возраста [4; 11]. При этом субъективный возраст включает в себя оценку самочувствия (биологический субъективный возраст), внешности (эмоциональный субъективный возраст), действий (социальный субъективный возраст) и интересов (интеллектуальный субъективный возраст) [4; 10].

Ранее в наших работах мы установили, что субъективный возраст имеет свои особенности в зависимости от хронологического возраста, а также взаимосвязан, например, в молодом возрасте с удовлетворённостью собой и своей жизнью, в частности, было установлено, что наибольшей связностью с психологическим благополучием обладает оценка

своих действий, т. е. субъективный социальный возраст [3].

Несмотря на то, что в последнее время появляется всё больше исследований субъективного возраста, его динамики, особенностей в разных группах, его влияния на полноценное функционирование личности и др., на настоящий момент недостаточно изучен вопрос механизмов оценивания своего возраста, а также возраста других людей. В изучении процесса восприятия и оценки своего возраста и возраста другого человека важным аспектом является определение оснований для подобной оценки, и, согласно зарубежным исследованиям, в качестве таких оснований выступают временные (темпоральные) и социальные сравнения [8].

Социальные сравнения подразумевают опору на социальные маркеры возраста и сравнения себя с другими, в то время как временные – на сравнения с собственными представлениями в разные периоды жизни.

Ранее были представлены аргументы, что в феномене субъективного возраста ведущую роль играют темпоральные сравнения, т. е. оценка строится на основе своих собственных изменений во времени [8]. При этом социальные сравнения также играют важную роль в данном феномене, так как установлена связь субъективного возраста с такими социальными

факторами, как важные события в жизни, социальный статус, наличие и состав семьи, уровень образования и др. [4].

Мы предполагаем, что механизмами субъективного возраста в разные возрастные периоды могут быть и временные, и социальные сравнения. При этом в оценке собственного возраста и в оценке возраста другого человека ведущую роль могут играть разные основания (сравнения).

В исследовании приняли участие 145 психически здоровых людей, проживающих в Москве и Московской области (ближайшее Подмоскovie) в возрасте 20-70 лет. Из них 39 мужчин (27%) и 106 женщины (73%). Участники были разделены на три группы по возрастному критерию: 1) 20-30 лет – 51 человек (14 мужчин и 37 женщин); 2) 40-50 лет – 47 человек (9 мужчин и 38 женщин); 3) 60-70 лет – 47 человек (16 мужчин и 31 женщина).

Методы

Для проверки выдвинутого предположения нами были использованы уточняющий опросник субъективного возраста [5] и специально разработанная методика по оценке восприятия возраста других людей разных возрастных групп «30 фотографий», которая представляет собой 30 изображений мужчин и женщин разных возрастов (по 10 фотографий на каждый возрастной период: 20-30 лет, 40-50 лет, 60-70 лет).

Для оценки субъективного возраста респондентов использовался уточняющий опросник, разработанный на основе опросника «Subjective age» [7, p. 10]. Результаты исследования, опубликованные ранее, показали, что данная методика позволяет более точно измерить общий субъективный возраст респондентов, а также каждый из его компонентов (биологический, эмоциональный, социальный и интеллектуальный субъективные возраста) [5, с. 32]. Методика представляет собой перечень из 24 вопросов закрытого типа, описывающих различные ситуации самооощущения в области био-

логического, эмоционального, социального и интеллектуального возрастов. Оценка результатов производится путём вычисления разницы между хронологическим возрастом респондента и его субъективной оценкой. Для возможности сравнения результатов респондентов разных возрастных групп также высчитывается доля этой разницы относительно собственного хронологического возраста ((ХВ-СВ)/ХВ, где ХВ – хронологический возраст, СВ – субъективный возраст).

Так как в оценке других людей по фото преобладает оценка внешности, далее мы будем говорить только об одном компоненте субъективного возраста – эмоциональном субъективном возрасте.

Результаты изучения субъективного эмоционального возраста в различных возрастных группах опубликованы в более ранних работах [5; 6]. В данной работе будут представлены данные эмоционального субъективного возраста респондентов в сравнении с оценками эмоционального возраста других людей по фотографиям.

Для анализа роли социальных и темпоральных составляющих субъективного возраста респондентам предлагалось оценить возраст людей, изображённых на фотографиях. Фотографии были подобраны в соответствии с возрастными категориями респондентов (по 10 фотографий людей 20-30, 40-50 и 60-70 лет). При анализе выявлялось соответствие хронологического возраста героев фотографий и оценки их возраста респондентами.

В результате предъявления респондентам 30-ти фотографий, разбитых на возрастные группы (10 – 20-30 лет; 10 – 40-50 лет; 10 – 60-70 лет), были получены данные, представленные в таблице 1.

Из таблицы 1 мы видим, что молодые люди (20-30 лет) склонны немного занижать свой эмоциональный возраст и при этом значительно больше отклоняются в оценке внешности сверстников в сторону завышения. Сравнительный анализ с использованием критерия Уилкоксона (для

Таблица 1 / Table 1

Оценка собственного эмоционального возраста и эмоционального возраста сверстников по фото на разных этапах онтогенеза / Assessment of one's own emotional age and emotional age of peers by photos at different stages of ontogenesis

Респонденты					Люди на фотографиях (оценка сверстников)				
Группа	ХВ (Med)	СЭВ (Med)	Разница ХВ-СЭВ	Доля ХВ-СЭВ	Группа	ХВ (Med)	ЭВ (Med)	Разница ХВ-СЭВ	Доля ХВ-СЭВ
20-30 лет	26	25	1	0,04	20-30 лет	22,5	24,3	-1,8	-0,08
40-50 лет	43	37,4	5,6	0,13	40-50 лет	43,5	42,4	1,1	0,03
60-70 лет	64	53	11	0,17	60-70 лет	61,5	60,6	0,9	0,01

ХВ – хронологический возраст

СЭВ – субъективный эмоциональный возраст

зависимых выборок) показал значимость различий на уровне $p = 0,006$.

При этом респонденты 40-50 и 60-70 лет демонстрируют большую точность в оценке возраста своих сверстников, чем в субъективной оценке собственной внешности ($p = 0,000$; $p = 0,000$). Это подтверждает результаты более раннего исследования субъективного возраста [3, с. 29]. Выявленные различия могут быть связаны с тем, что субъективная оценка собственной внеш-

ности – стремление выглядеть моложе – становится субъективным внутренним ресурсом регуляции собственной жизнедеятельности, своеобразным копингом в совладании с появлением изменений и проблем в середине взрослости и у пожилых людей. Оценка же других людей того же возраста не содержит оценок собственных возможностей и установок социальной привлекательности, что сказывается на значительно более точных оценках других.

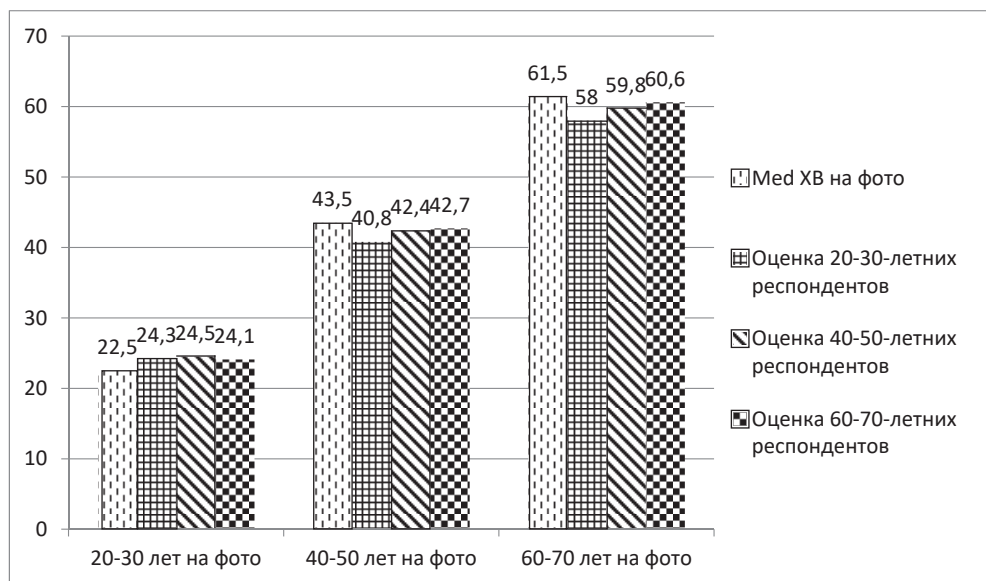

Рис. 1 / Fig. 1. Оценки эмоционального возраста других людей по фото в разных возрастах / Estimates of the emotional age of other people in the photo at different ages

Из рисунка 1 мы также видим, что респонденты всех возрастных групп оценивают людей молодого возраста (20-30 лет) на более старший возраст (1,5-2 года), чем их хронологический возраст, а людей других возрастных групп (40-50 лет и 60-70 лет) на более молодой возраст (1-3 года и 1,5-3,5 года соответственно).

Наиболее точные оценки относятся к фото людей своего возраста. Несмотря на то, что разница субъективных оценок возраста другого человека и оценки собственного субъективного эмоционального возраста значимо различны, для всех возрастов наблюдается тенденция оценивать старше людей 20-30 лет и моложе 40-50 и особенно 60-70 лет. Такая динамика отражает общий феномен, где перелом оценок собственного возраста в сторону их снижения начинается с 23-25 лет [9, р. 40]. Наши данные показывают, что эта же тенденция фиксируется при оценке возраста других людей.

Согласно полученным данным молодые люди наименее точны в оценке

эмоционального возраста других людей разных возрастных групп. Поскольку молодые люди, оценивая своих сверстников, взрослых и пожилых, скорее наделяют эти оценки социальными имплицитными представлениями о возрасте и его внешних маркерах, то следует предположить, что временные сравнения своего эмоционального возраста, основанные на сравнении самого же себя во времени (темпоральные), и социальные сравнения представлений о поколениях взрослых и пожилых, сильно отличны и более точны.

Таким образом, можно говорить о том, что молодые люди при оценке других людей преимущественно опираются на временные сравнения и при оценке людей старше себя имеют трудности вследствие отсутствия жизненного опыта, поэтому на передний план выступают социальные сравнения.

Для полноты картины рассмотрим оценку эмоционального возраста других людей в сравнении с собственным субъективным эмоциональным возрастом.

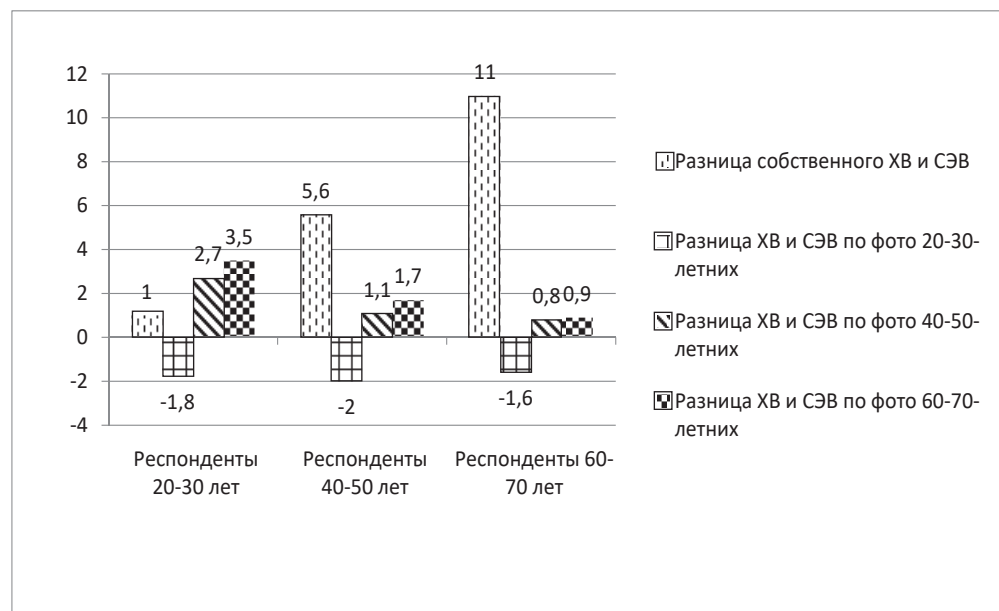

Рис. 2 / Fig. 2. Особенности оценки эмоционального возраста себя и других в разные возрастные периоды / Assessment features of the emotional age of oneself and the others at different age periods

Из рисунка 2 видно, что молодые люди (20-30 лет) наиболее точны из всех возрастных групп в оценке собственного эмоционального возраста (занижают на 1 год) и при этом наименее точны в оценке эмоционального возраста людей среднего и старшего возраста (занижают на 2,7 и 3,5 лет соответственно). Полученные результаты говорят о том, что молодые люди более сконцентрированы на себе, чем на других и, опираясь на темпоральные сравнения самого себя во времени, достигают большей точности в оценке эмоционального возраста.

Пожилые люди, наоборот, больше других возрастных групп занижают свой собственный эмоциональный возраст (на 11 лет), при этом более точны в оценке возраста людей всех возрастов (завышают молодежь на 1,6 года, занижают на 0,8 и 0,9 лет эмоциональный возраст людей более старшего возраста соответственно). С возрастом они приобретают большой жизненный опыт, который позволяет на основе социальных сравнений более точно определять эмоциональный возраст других людей. К тому же стремление вы-

глядеть моложе является ресурсом для сохранения благополучия и механизмом защиты от внешних и внутренних условий старения, снижающих их жизнеспособность. Другое исследование процесса оценивания возраста человека по фотографии также установило, что пожилые люди более точны в оценке возраста другого, чем люди младшего и среднего возрастов [2].

Полученные данные подтверждают наше предположение об увеличении с возрастом значимости социальных сравнений в оценке возраста других людей.

Интересным фактом является то, что респонденты всех возрастных групп оценивают молодых людей на более старший возраст, чем есть на самом деле. Это может свидетельствовать о некой тенденции современного общества наделять молодёжь более взрослыми чертами в результате завышенных ожиданий к ним.

Анализируя представления респондентов разных возрастов о возрасте других, мы выявили существенные различия между молодыми людьми, людьми среднего и пожилого возрастов, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Показатели уровня значимости различий в оценке возраста другого по фотографии между тремя возрастными группами / Indicators of the significance level of differences in the assessment of the age of the other person by photos between the three age groups

Группы	Оценка фото 20-30 лет	Оценка фото 40-50 лет	Оценка фото 60-70 лет
	U	U	U
	P	P	P
20-30 лет	1103	769	716
40-50 лет	0,730	0,005	0,001
20-30 лет	1011	666	631
60-70 лет	0,622	0,002	0,001
40-50 лет	875	929	856
60-70 лет	0,349	0,622	0,275

Согласно полученным результатам (табл. 2), молодые люди (20-30 лет) значимо чаще отклоняются в оценке людей старше себя, чем люди 40-50 и 60-70

лет, а учитывая данные из рисунка 1, мы можем утверждать, что молодые люди значимо чаще занижают возраст людям 40-50 и 60-70 лет, чем люди среднего и

пожилого возрастов. В исследованиях Д. В. Погонцевой была установлена схожая тенденция относительно восприятия возраста других людей девушками (18-25 лет): оценка девушек до 40 на более старший возраст, а женщин старше 40 лет на более молодой возраст [1, с. 16].

Значимых различий в оценке возраста молодых людей в разных возрастных группах нет. Люди среднего возраста (40-50 лет) в оценках возраста других людей наиболее приближены к людям старшего возраста.

Выводы

Данная работа позволила нам приблизиться к пониманию специфики оснований процесса оценивания своего возраста и возраста других людей на разных этапах онтогенеза. Было установлено, что в разные возрастные периоды на передний план выступают различные основания для оценивания своего эмоционального возраста и того, на сколько лет выглядят другие люди, а именно: оценка своего субъективного возраста и возраста других людей меняется в процессе онтогенеза, а также процесс оценивания своего и чужого возрастов имеет свою специфику в различные возрастные периоды.

При оценке собственного эмоционального возраста во всех группах преобладают темпоральные сравнения, что с увеличением возраста снижает точность самооценки, но при оценке того, на сколько лет выглядят другие люди, с увеличением собственного возраста усиливается роль социальных сравнений, что позволяет повысить точность такой оценки. При этом молодые люди наименее точны в оценке возраста других людей, так как имеют меньше жизненного опыта, а пожилые люди, наоборот, наиболее точны в определении возраста других людей.

Точность в оценках возраста других людей (относительно оценки своего возраста) достигается посредством ис-

ключения из неё таких лично значимых параметров, как желание быть более привлекательным, социально активным, имеющим перспективное будущее и т.д. Эти параметры, неразрывно связанные с оценкой собственного возраста, сильно снижают её точность и с возрастом всё больше отклоняют субъективный возраст от хронологического в сторону занижения.

Интересным является тот факт, что люди всех возрастных категорий в оценке возраста других людей более точны в оценке своих сверстников, чем людей иных возрастных групп. Это говорит о том, что в процессе оценивания возраста сверстников участвуют темпоральные основания (соотнесение с собой), что также повышает точность оценки.

Плюс ко всему было установлено, что респонденты всех возрастов склонны завышать возраст 20-30-летних людей. Это говорит о тенденции современного общества приписывать молодёжи более взрослые черты в результате высоких требований к ней.

Таким образом, предположение о том, что в процессе оценивания собственного и возраста и возраста другого в разные возрастные периоды ведущую роль играют различные основания, подтвердилось, а именно: в самооценивании на первый план выходят временные сравнения, а при оценивании возраста другого – социальные.

С научной точки зрения полученные данные расширяют представления о механизмах субъективного возраста и оценивания возраста других людей. В свою очередь, эти данные могут быть использованы как ресурс в психотерапии и психологическом консультировании по вопросам достижения полноценного функционирования, а также повышения и сохранения психологического благополучия на разных этапах онтогенеза.

Статья поступила в редакцию 24.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Погонцева Д. В. Роль возраста при оценке внешнего облика человека // Психолог. 2018. № 6. С. 14–20.
2. Катунова И. Д., Рыбакова Т. А. Определение возраста человека по фотоизображениям // Юный ученый. 2018. № 2 (16). С. 144–148.
3. Сергиенко Е. А. Когнитивная иллюзия возраста // Психология зрелости и старения. 2012. № 4 (60). С. 5–32.
4. Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/853-sergienko30.html> (дата обращения: 12.03.2020).
5. Эйдельман А. Б. Особенности субъективного возраста и психологического благополучия в молодом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 30–35.
6. Эйдельман А. Б. Субъективный возраст как ресурс психологического здоровья человека // Психология – наука будущего: материалы VII Международной конференции молодых учёных, Москва, 14–15 ноября 2017 г., / под ред. А. Л. Журавлёва, Е. А. Сергиенко. М., 2017. С. 957–960.
7. Barak B. Age identity: A cross-cultural global approach // International journal of behavioral development. 2009. Vol. 33. № 1. P. 2–11.
8. Braman A. C. What is subjective age and who does one determine it: the role of social and temporal comparisons. Dissertation presented to the Graduate School of Arts and Sciences of Washington University. SaitLouis, Missouri, 2002. 63 p.
9. Galambos N. L., Albreacht A. K., Jansson S. M. Dating, sex, and substance use predict increases in adolescents' subjective age across two years // International journal of behavioral development. 2009. Vol. 33 (1). P. 32–41.
10. Kastenbaum R., Derbin V. The ages of me: toward personal and interpersonal definitions of functional aging // Aging and human development. 1972. Vol. 3. № 2. P. 197–211.
11. Uotinen V., Rantanen T. Change in subjective age among older people over an eight-year follow up: Getting older and feeling younger? // Experimental Age Research. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 381–393.

REFERENCES

1. Pogontseva D. V. [The role of age in assessing the appearance of a person]. In: *Psikholog* [Psychologist], 2018, no. 6, pp. 14–20.
2. Katunova I. D. [Determination of a person]. In: *Yunyi uchenyi* [Young scientist], 2018, no. 2 (16), pp. 144–148.
3. Sergienko E. A. [Cognitive illusion of age]. In: *Psikhologiya zrelosti i stareniya* [The psychology of maturity and aging], 2012, no. 4 (60), pp. 5–32.
4. Sergienko E. A. [Subjective and chronological age of the individual]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013, vol. 6, no. 30. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/853-sergienko30.html> (accessed: 03.12.2020).
5. Eidel'man A. B. [Features of subjective age and psychological well-being at a young age]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2019, no. 2, pp. 30–35.
6. Eidel'man A. B. [Subjective age as a resource of human psychological health]. In: *Psikhologiya – nauka budushchego: materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh, Moskva, 14–15 noyabrya 2017 g.* [Psychology is the Science of the Future: materials of the VII International Conference of Young Scientists “Psychology is the Science of the Future”, Moscow, November 14–15, 2017]. Moscow, 2017, pp. 957–960.
7. Barak B. Age identity: A cross-cultural global approach. In: *International journal of behavioral development*, 2009, vol. 33, no. 1, pp. 2–11.
8. Braman A. C. What is subjective age and who does one determine it: the role of social and temporal comparisons. Dissertation presented to the Graduate School of Arts and Sciences of Washington University. SaitLouis, Missouri, 2002. 63 p.
9. Galambos N. L., Albreacht A. K., Jansson S. M. Dating, sex, and substance use predict increases in adolescents' subjective age across two years. In: *International journal of behavioral development*, 2009, vol. 33 (1), pp. 32–41.

10. Kastenbaum R., Derbin V. The ages of me: toward personal and interpersonal definitions of functional aging. In: *Aging and human development*, 1972, vol. 3, no 2, pp. 197–211.
11. Uotinen V., Rantanen T. Change in subjective age among older people over an eight-year follow up: Getting older and feeling younger? In: *Experimental Age Research*, 2006, vol. 32, no. 4, pp. 381–393.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №17-29-02155 «Субъективные факторы психологического здоровья в современном обществе».

ACKNOWLEDGMENTS

The work is carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the research project № 17-29-02155 «Subjective factors of psychological health in modern society».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эйдельман Александра Борисовна – аспирант лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН;
e-mail: eydelman94@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra B. Eydelman – postgraduate student of the Laboratory of psychology of the subject development in normal and post-traumatic conditions, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: eydelman94@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Эйдельман А. Б. Социальные и темпоральные основания субъективного возраста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 87–95.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-87-95

FOR CITATION

Eydelman A. B. Social and temporary foundations of subjective age. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 87–95.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-87-95

РАЗДЕЛ III.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-96-107

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО КЛАССА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Андреева А. Д., Лисичкина А. Г.

*Психологический институт Российской академии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Целью работы является изучение социально-психологической среды школьного класса в условиях высоких требований к освоению образовательной программы.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались социометрический тест, сочинение «Моя школа» и методика диагностики эмоционального отношения к учению, методика определения самооценки и уровня притязаний.

Результаты. В ходе исследования было показано, что форма организации учебной деятельности может выступать значимым регулятором межличностных отношений школьников даже при отсутствии целенаправленных воспитательных воздействий по формированию коллектива. Сформулированы выводы, что социометрическая структура современного школьного класса обусловлена содержанием учебно-воспитательного процесса и отражает приоритетные направления педагогического воздействия в конкретных образовательных условиях.

Теоретическая и/или практическая значимость. В исследовании получены новые данные об особенностях межличностных отношений школьников в образовательном пространстве современного цифрового общества.

Ключевые слова: социально-психологическая среда, учебная деятельность, социометрический статус, самооценка, уровень притязаний, отношение к учению, социальная ситуация развития

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ENVIRONMENT OF MODERN SCHOOL CLASS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF DIGITAL SOCIETY

A. Andreeva, A. Lisichkina

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education
9, Mokhovaya ul., str. 4, Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the social and psychological environment of the school class under conditions of high educational requirements.

© CC BY Андреева А. Д., Лисичкина А. Г., 2020.

Methodology. In conducting the research, the sociometric test, the composition «My school» and the method of diagnosing emotional attitude to learning, the method of determining self-esteem and the level of claims were used.

Results. The study showed that the way in which educational activities are organized can be a significant regulator of interpersonal relations among schoolchildren, even in the absence of targeted educational efforts to form a community. The conclusions that the sociometric structure of a modern school class is conditioned by the content of the teaching and educational process and reflects the priorities of pedagogical intervention in specific educational settings are formulated.

Research implications. The study obtained new data on the peculiarities of interpersonal relations among schoolchildren in the educational space of modern digital society.

Keywords: socio-psychological environment, educational activities, sociometric status, self-esteem, level of claims, attitude towards studying, social situation of development

Введение

Социально-психологическая среда группы определяется особенностями межличностного взаимодействия и личностными качествами её членов. Применительно к школьному классу эти особенности можно конкретизировать в групповых социометрических показателях и таких личностных параметрах, как отношение к учению, самооценка и уровень притязаний в сфере взаимоотношений учащихся.

Межличностное взаимодействие в школьном коллективе относится к числу традиционных и хорошо проработанных проблем в отечественной психологической науке. Классические работы, раскрывающие понятие коллектива, его роль и место в структуре социалистического общества, принадлежат А. С. Макаренко, Т. Е. Конниковой, Л. И. Новиковой [6; 8; 11]. Они рассматривали жизнедеятельность коллектива не только с позиции эффективности его деятельности, но и как источник нравственного развития личности. Давая определение понятию коллектива, А. С. Макаренко писал: «Коллектив является частью советского общества, органически связанной со всеми другими коллективами. На нём лежит первая ответственность перед обществом, он несёт на себе первый долг перед всей страной, только через коллектив каждый его член входит в общество ... В таком случае каждому школьнику станут понятны и интересы коллектива, и понятия долга и чести» [8, с. 47–48].

В трудах отечественных педагогов и психологов большое внимание уделялось проблемам динамики развития детских коллективов, внутригрупповой дифференциации и лидерства. В работах подчёркивалась ведущая роль детского коллектива в формировании направленности личностей детей, их адаптации к нормам и правилам группы, принятии идеи приоритета коллектива над личностью и индивидуальностью. Так, например, С. С. Моложавый выделял пять ступеней развития личности ребёнка, от нулевой, индивидуалистической, до высшей, характеризующейся умением подчиняться правилам коллектива и действовать совместно с другими участниками группы [10]. А. Б. Залкинд уделял особое внимание подростковому возрасту, в котором необходимо формировать определённые социально-идеологические установки [4]. А. Л. Шнирман полагал, что изучение коллектива и его влияния на личность есть основной путь психологического исследования «социальной детерминации личности» [13]. Каждый ученик должен занимать определённое место в коллективе и иметь возможность проявлять свою активность и самостоятельность. Именно в коллективе создаются наилучшие условия для развития таких личностных качеств, как настойчивость, уверенность, требовательность к себе. Особое место принадлежит социально-психологическим исследованиям детского коллектива, проблем взаимоотношений в группе,

групповой сплочённости, межгрупповых отношений в условиях учебной деятельности, социализации детей в современном мире [2; 3; 5; 6; 9].

Сегодня отечественная система образования практически отказалась от какой-либо целенаправленной работы по формированию детского коллектива. Он больше не рассматривается как система педагогических условий для воспитания социально ценных личностных качеств. Современное российское образование выдвигает в качестве одной из приоритетных задач воспитание конкурентоспособной личности, которая сможет успешно адаптироваться на рынке труда. Умения конкурировать, соперничать, бороться и побеждать становятся социально ценными качествами личности современного человека, задающими вектор воспитательных и образовательных усилий родителей и педагогов. В этой связи правомерно задать вопрос, можно ли считать сегодняшний школьный класс коллективом? Насколько благополучным оказывается межличностное взаимодействие подростков в образовательной среде современной школы, в которой категория коллектива существует только в качестве привычных словосочетаний «коллектив класса», «коллектив учителей»?

Гипотеза исследования. Мы предположили, что при отсутствии целенаправленной воспитательной работы по формированию коллектива структура и качество межличностного взаимодействия в школьном классе обусловлены той социальной ситуацией развития, которая складывается в конкретных условиях учебной деятельности.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие младшие подростки, обучающиеся в 5–6 классах общеобразовательной школы № 91 г. Москвы, всего 97 человек (всего 5 классов).

Московская школа № 91 традиционно занимает особое положение среди учеб-

ных заведений города. Она была основана в 1936 г. на базе 5-ой Московской гимназии, а с 1963 г. получила статус экспериментального общеобразовательного учреждения Академии педагогических наук СССР. Содержание образовательной среды школы определяется многолетним опытом реализации программы развивающего обучения, основанной на положениях культурно-исторической концепции Л. С. Выготского. Важнейшим принципом организации обучения является понимание того, что совместная деятельность представляет собой основной социокультурный механизм развития и выступает как исходная форма обучения ребёнка. Учебный процесс реализуется в формате взаимодействия обучающихся в коллективно-распределённой учебной среде как системе организации совместной деятельности детей и педагога, обеспечивающей усвоение обобщённых способов решения некоторых классов задач. Учебная деятельность носит квазиисследовательский характер и организуется как учебное сотрудничество с одноклассниками и педагогом, направленное на поддержку познавательной инициативы школьников.

Следует отметить, что ныне действующий ФГОС также предполагает подобные формы учебной работы, однако в традиционной системе обучения они выступают не в качестве образовательного принципа, а как одно из условий формирования коммуникативных компетенций школьников. Такая организация учебного процесса может оказывать влияние на структуру межличностных отношений в классе, однако это предположение требует специального исследования.

Для определения *социально-психологической структуры классов* использовался социометрический тест в модификации Я. Л. Коломинского [5].

Самооценка и уровень притязаний изучались с помощью шкалы Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан [12].

Для изучения *отношения учащихся к школе и учению* применены сочинение на тему «Моя школа» и методика диагностики эмоционального отношения к учению (А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан) [12].

Полученные материалы обработаны с помощью статистического пакета SPSS 23.0: методов описательной статистики, непараметрического U-критерия различий Манна-Уитни для оценки межгрупповых различий, методов дескриптивной статистики (t-критерий Стьюдента), контент-анализа индивидуальных высказываний респондентов и специализированной программы «SociometryPro».

Результаты исследования и обсуждение

Анализ детских сочинений на тему «Моя школа» позволил получить общее представление об **эмоциональном самочувствии учащихся** в образовательной среде, доминирующей учебной мотивации, особенностях социальных контактов учащихся: с друзьями и одноклассни-

ками, с учителями и другими взрослыми в школе, с другими учащимися. Всего было получено 206 высказываний респондентов, в среднем каждый ребёнок в своём сочинении затрагивал две стороны школьной жизни (по две темы). Соответственно, общее количество высказываний школьников по всем категориям превышает 100%.

При обработке данных всё содержание сочинений распределялось по трём категориям: внешняя обстановка и дисциплина, учение и учитель, внеурочная и общественная жизнь (рис. 1).

Мы видим, что основным содержанием школьной жизни современного ребёнка оказывается сам процесс учения, о чём свидетельствует максимальное число высказываний об учителях, учебных предметах, своём отношении к ним (различия с остальными категориями статистически достоверны при $p \leq 0,01$). Это, на наш взгляд, отражает современный регламент отношений ответственности семьи и государства. Нынешнее рефор-

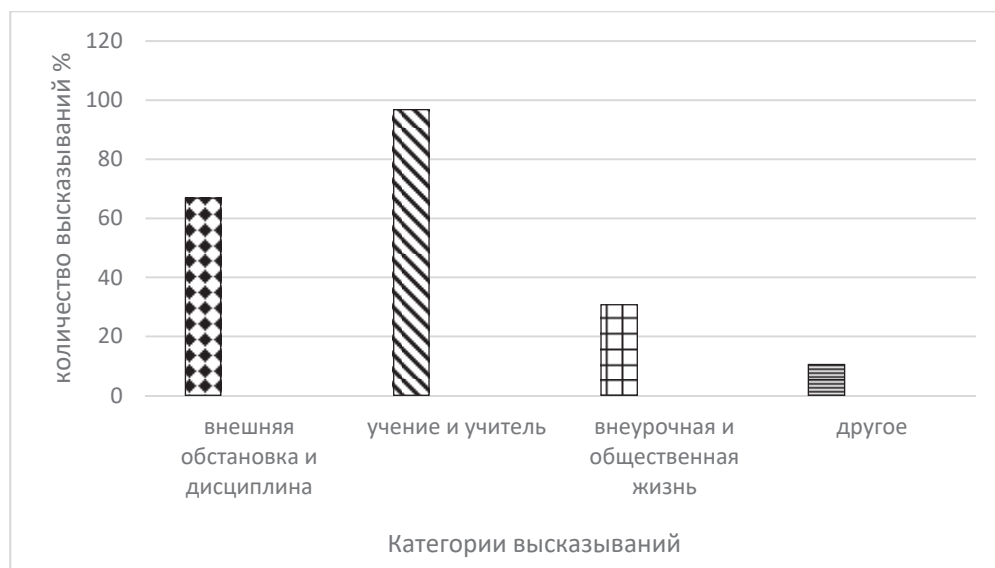

Рис. 1 / Fig. 1. Количество высказываний учащихся о различных аспектах школьной жизни (в процентах от общего числа высказываний) / The number of statements made by students about various aspects of school life (as a percentage of the total number of statements)

мирование российского образования предполагает, что основную ответственность за воспитание и образование детей несёт его семья, а школа помогает родителям учить ребёнка, раскрывать его способности, развивать индивидуальность. Соответственно, главную социальную функцию школы сегодня видят в предоставлении качественных образовательных услуг [1].

Заметно меньшее число учащихся придаёт значение внешней обстановке школы, её оснащённости современными средствами обучения, дисциплинарным требованиям, которые оцениваются преимущественно негативно. Дети говорят о том, что в школе запрещают бегать и выходить на переменах на улицу, что им остаётся только «болтать и играть в телефоны». Очевидно, что дисциплинарные требования современной школы, во многом связанные с обеспечением безопасности образовательной среды, не способствуют межличностному общению детей, не создают условия для совместных подвижных игр, общих мероприятий на улице.

Наименьшее значение дети придают внеурочной и общественной жизни школы, реализуя возрастную потребность в общении со сверстниками за рамками учебной деятельности. Коммуникационная среда современных подростков уже не ограничивается классом, школой или двором, меньшее значение имеют гендерные и возрастные границы. Дети говорят о том, что можно дружить с ребятами из других классов, «все достаточно добрые и не оскорбляют», «не делятся на мальчиков и девочек». Сегодня информационная среда стала ведущим фактором социальной ситуации развития ребёнка, что нашло отражение и в высказываниях наших респондентов: «Очень расстраивает, что все дети в школе на переменах сидят в телефонах».

Таким образом, очевидно, что в свободном описании наши респонденты рассматривают школу прежде всего с точки зрения её основной социальной функ-

ции – образовательной. Межличностные отношения в классе оказываются вторичными, поверхностными, обусловленными не столько общими делами и интересами, сколько комфортностью общения.

Перейдём к анализу **социометрической структуры классов**, участвовавших в исследовании. Социометрический метод анализа взаимоотношений в группе школьников является традиционным и надёжным инструментом психологических исследований [5; 14; 15].

Для выявления объективной структуры межличностных отношений учащихся и определения положения каждого ребёнка в статусных структурах (формальных и неформальных) класса был использован социометрический тест в модификации Я. Л. Коломинского [5]. Школьникам предлагались 4 вопроса, позволяющих выявить предпочтения по четырём критериям: общему, деловому (учебному), эмоциональному и интимно-личностному (по одному вопросу на каждый критерий). В качестве ответов необходимо было указать фамилии выбираемых одноклассников, в каждом ответе должно содержаться не более пяти фамилий. В зависимости от полученных ребёнком выборов определяется, к какой статусной категории в целостной структуре класса он относится: к «звёздам» (5 и более выборов); «предпочитаемым» (3–4 выбора); «принятым» (1–2 выбора); «непринятым» (0 выборов).

При обработке данных, полученных в отдельных классах, обнаружилось количественное сходство в распределении учащихся по социометрическим статусам, а различия между классами не достигают статистической значимости. Мы предположили, что социометрическая структура группы определяется содержанием деятельности, для осуществления которой она создана, в данном случае – учебной деятельности. Правомерность такого предположения подтверждается аналогичными результатами, представленными в ставших уже классическими

работах Я. Л. Коломинского, также изучавшего социометрию именно школьных классов. Это дало нам основание выделить общие группы испытуемых,

относящихся к тому или иному социометрическому статусу [5]. Данные о распределении испытуемых по указанным категориям представлены на рисунке 2.

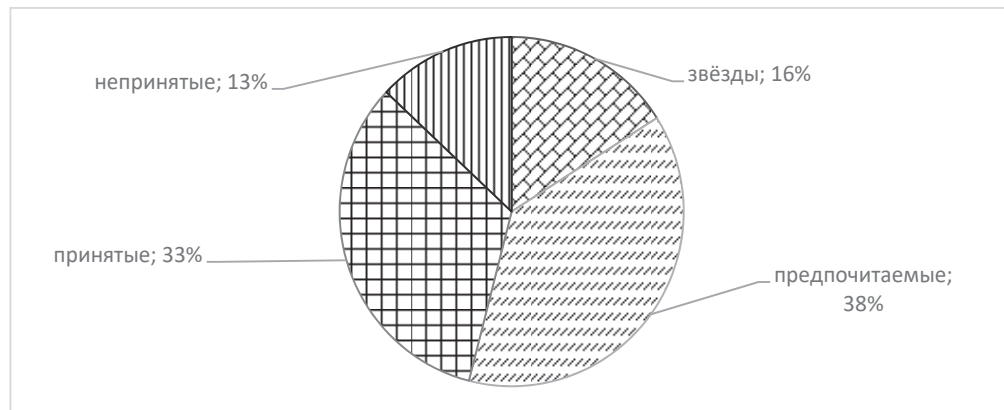

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение учащихся по социометрическим статусам в современной школе (в процентах) / Distribution of students by sociometric status in a modern school (as a percentage)

Социометрическая структура современного школьного класса характеризуется выделением двух больших групп детей – «предпочитаемых» и просто «принятых», и двух меньших по численности –

«звёзд» и «непринятых». Примечательно, что, по данным Я. Л. Коломинского, распределение по этим группам подростков советской школы было очень близким к сегодняшнему (рис. 3) [5].

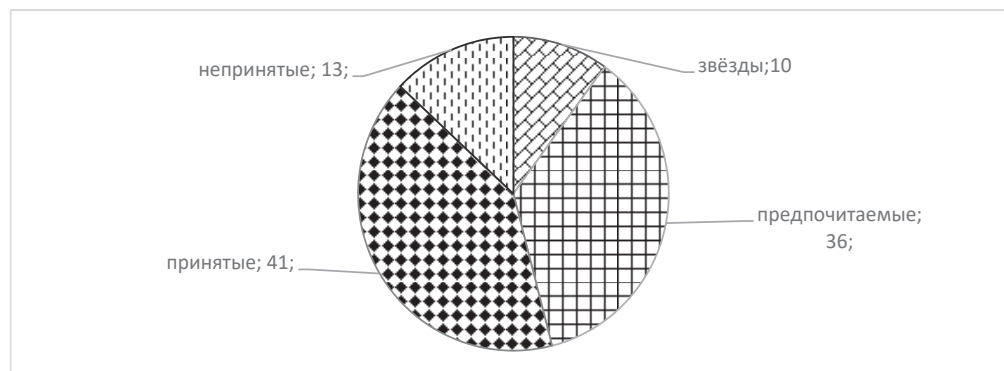

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение учащихся по социометрическим статусам в советской школе (в процентах) / Distribution of students by sociometric status in Soviet schools (as a percentage)

Источник: составлено авторами по данным Я. Л. Коломинского [5].

Мы предположили, что такая устойчивость социометрической структуры школьного класса, оказавшейся толерантной даже к кардинально изменившимся

социокультурным условиям развития ребёнка, характерна, по-видимому, лишь для тех детских групп, в которых не проводится целенаправленная работа по

формированию коллектива. В литературе имеются данные о влиянии специально организованного воспитательного процесса на формирование структуры классного коллектива. Так, например, в работе Т. Е. Конниковой показано влияние активного педагогического воздействия, направленного на формирование гуманистических отношений, на социометрическую структуру класса: в нём не стало звёзд и изолированных членов коллектива, каждый подросток получил от 2 до 4 выборов [6]. Нельзя, однако, не признать, что эта структура межличностных отношений создана искусственно, в соответствии с собственными представлениями автора исследования о параметрах и критериях советского коллектива. Сохранится ли эта структура в дальнейшем, по завершении педагогического эксперимента? Насколько продуктивной и эффективной в совместных делах окажется группа, в которой нет явных лидеров? К сожалению,

идеологическая направленность советских педагогических работ не предполагала эмпирической проверки устойчивости сформированных качеств коллективизма, что создавало иллюзию управляемости социально-психологических процессов.

Обратимся теперь к данным о личностных особенностях наших испытуемых – их самооценке, уровню притязаний и отношению к учению.

Для изучения **самооценки и уровня притязаний** в сфере межличностных отношений мы использовали данные, полученные при помощи модифицированного варианта методики Дембо-Рубинштейн [12]. Наибольший интерес для нас представляли показатели по шкалам, связанным с учебной деятельностью и школьной жизнью детей: «умный», «сообразительный», «общительный», «товарищ», «ученик». На рисунке 4 представлены данные об уровне самооценки младших подростков по всей выборке.

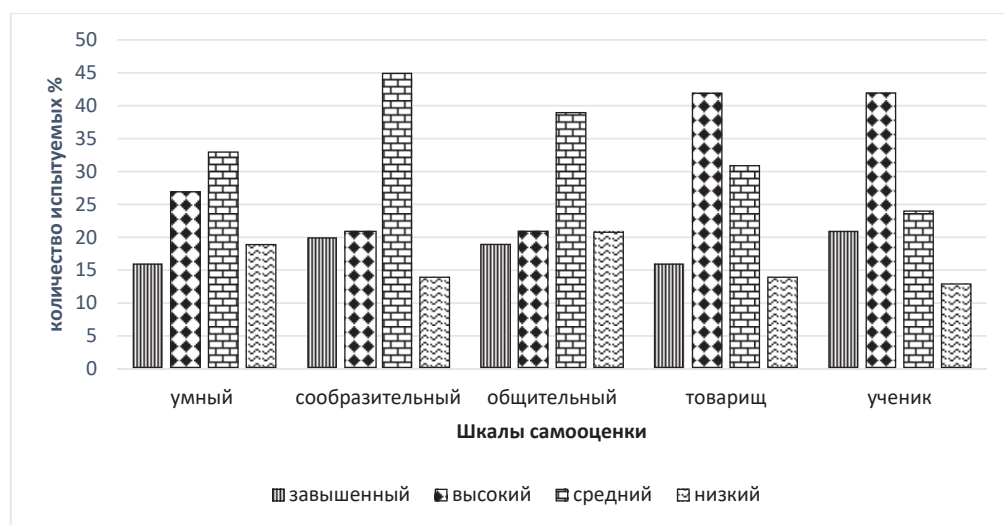

Рис. 4 / Fig. 4. Показатели уровня самооценки младших подростков (в процентах) / Indicators of the level of self-esteem of younger adolescents (as a percentage)

Мы видим, что у наших испытуемых преобладает средний уровень самооценки по шкалам «умный» (значимость на уровне тенденции), «сообразительный» ($p \leq 0,001$), «общительный» ($p \leq 0,01$), и

высокий уровень по шкалам «товарищ» ($p \leq 0,05$) и «ученик» ($p \leq 0,01$). Мы предполагаем, что высокая оценка своих ролевых качеств (товарищ и ученик) свидетельствует об их значимости в системе

социальных ценностей подростков, обучающихся в системе коллективно-распределённой учебной деятельности. Такие, не менее важные для учебной деятельности качества, как «умный», «сообразительный» и «общительный», получают систематическую внешнюю оценку со стороны педагогов, поэтому самооце-

ниваются детьми более адекватно. В целом свыше половины наших испытуемых имеют благополучные высокий и средний уровни самооценки, продуктивные для личностного развития.

На следующем рисунке 5 представлены данные об уровне притязаний наших испытуемых.

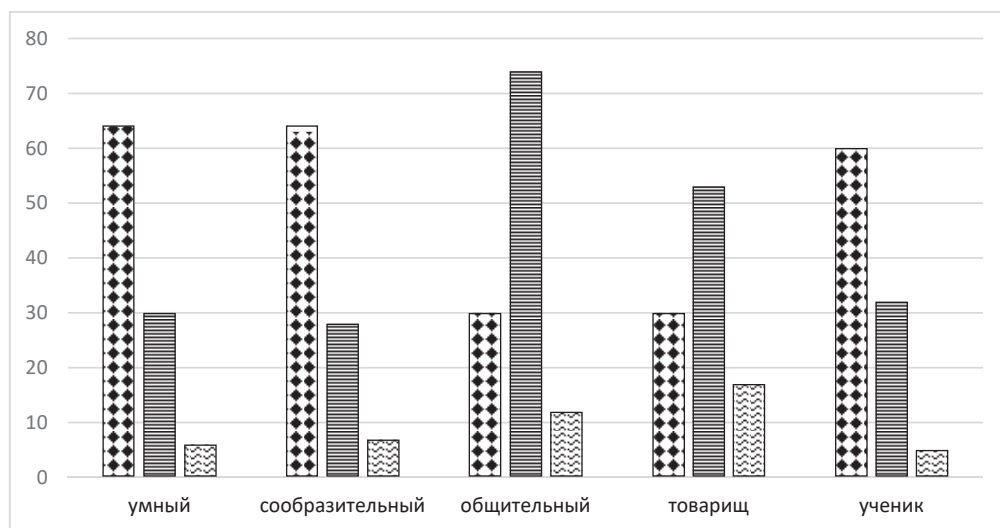

Рис. 5 / Fig. 5. Показатели уровня притязаний младших подростков (в процентах) / Indicators of the level of claims of younger teenagers (as a percentage)

Представленные данные отчётливо свидетельствуют о том, что свыше половины испытуемых хотели бы оказаться умнее, сообразительнее и стать лучшими, нежели сейчас, учениками. В то же время собственные качества личности, связанные с межличностными отношениями в классе, вполне устраивают большинство наших испытуемых: стать более общительными или дружелюбными стремятся лишь 30% из них. Иными словами, большинство детей имеют высокие притязания в сферах, непосредственно связанных с учебной успешностью, и вполне удовлетворены своими коммуникативными умениями. Мы считаем данный результат отражением социальной ситуации развития учащихся школы, реализующей программу развивающего обучения, предъявляющую достаточно высокие

требования, прежде всего, к учебным компетентностям школьников, а не к качеству межличностного взаимодействия.

Перейдём к анализу данных об **отношении младших подростков к учению**, исследовавшемся с помощью методики диагностики эмоционального отношения к учению, которая позволяет определить уровни познавательной активности, тревожности и негативных эмоциональных переживаний, связанных со школой [12]. Данные представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, у наших испытуемых наблюдается позитивное отношение к учению, о чём свидетельствует преобладание высокого и среднего уровней познавательной активности. Однако высокий и средний уровни тревожности и негативных переживаний более чем у половины учащихся говорят об амби-

Таблица 1 / Table 1

Уровни познавательной активности, тревожности и негативных эмоциональных переживаний у младших подростков (в процентах) / Levels of cognitive activity, anxiety, and negative emotional experiences in younger adolescents (as a percentage)

N = 97	уровни	познавательная активность	тревожность	негативные переживания
	высокий	33	22	38
	средний	47	55	52
	низкий	20	23	10

валентном характере учебной мотивации и неудовлетворённости значимых потребностей, связанных с процессом и результатами учебной деятельности. Представленные выше показатели уровней притязаний и самооценки являются отражением именно такого, двойственного, отношения школьников к обучению в условиях повышенных требований к усвоению образовательной программы, предъявляемых к учащимся в школе выступившей базой нашего исследования.

При организации исследования мы выдвинули гипотезу о том, что структура и качество межличностного взаимодействия в школьном классе обусловлены конкретным содержанием и требованиями образовательного процесса. Обобщая полученные в исследовании данные, проанализируем, имеется ли взаимосвязь социометрического статуса учащихся с их отношением к учению в условиях коллективно-распределённой учебной среды. В таблице 2 представлены корреляционные

данные по социометрическому статусу и уровню познавательной активности.

Из таблицы видно, что дети с благоприятным социометрическим статусом («звёзды» и «предпочитаемые») значимо чаще имеют высокий уровень познавательной активности, чем дети с низким социометрическим статусом («принятые» и «непринятые»), большая часть которых демонстрирует низкий уровень познавательной активности. В отношении учащихся со средним уровнем познавательной активности различий по социометрическому статусу не выявлено, а свыше 40% детей с низким уровнем познавательной активности имеют и низкий социометрический статус. Полученные данные подтверждают предположение о том, что требования образовательной среды выступают значимой ценностью в условиях обучения по программе повышенной сложности, а школьники, результаты учебной деятельности которых соответствуют этим требованиям, имеют

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь социометрического статуса учащихся и уровня познавательной активности (в процентах) / Relationship between the sociometric status of students and the level of cognitive activity (in percent)

Уровни познавательной активности	Статусные категории		Значимость различий
	«звёзды» + «предпочитаемые»	«принятые» + «непринятые»	
Высокий	57,4	8,7	$p \leq 0,05$
Средний	42,6	50	-
Низкий	-	41,3	$P \leq 0,01$

благоприятный социометрический статус. Эти дети рассматриваются другими учениками как привлекательные партнёры по совместной учебной работе, которая строится в формате коллективно-распределённой деятельности. Напомним также, что свыше 60% наших испытуемых продемонстрировали высокий уровень притязаний в отношении таких качеств, как «умный», «сообразительный» и «ученик», что соответствует высокой ценности школьной успешности.

Полученные в исследовании результаты не противоречат имеющимся в литературе данным об особенностях личностного и социального развития учащихся в условиях развивающего обучения и коллективно-распределённой учебной деятельности [3; 7].

Выводы

1. Проведённое исследование показало, что принцип коллективно-распределённой учебной деятельности оказывает влияние на структуру межличностного взаимодействия школьников, однако не меняет индивидуалистичной природы самих процессов познания и учения. Академическая успешность рассматривается в современном цифровом обществе как личное достижение ребёнка и не выдвигается в качестве коллективной цели, стремление к которой могло бы изменить социометрическую структуру класса. Отсутствие общей цели деятельности не позволяет определить современный школьный коллектив как коллектив в его традиционном для отечественной науки понимании.

2. Современные младшие подростки рассматривают школу, прежде всего, с точки зрения её основной социальной функции – образовательной.

Межличностные отношения в классе оказываются вторичными, поверхностными, обусловленными не столько общими делами и интересами, сколько комфортностью общения.

3. Социометрическая структура школьного класса обусловлена содержанием учебно-воспитательного процесса и отражает приоритетные направления педагогического воздействия в конкретных социокультурных и образовательных условиях.

4. Образовательная ситуация, при которой школа предъявляет высокие требования к учебным компетентностям школьников, а не к качеству межличностного взаимодействия, в большей степени способствует формированию у детей высоких притязаний в отношении личностных качеств, непосредственно связанных с учебной успешностью (ум, сообразительность, учёба), нежели коммуникативных умений.

5. Отношение к учению большинства учащихся носит амбивалентный характер, при котором высокий уровень познавательной активности сочетается с высоким и средним уровнем негативных эмоциональных переживаний, свидетельствующем о неудовлетворённости значимых потребностей, связанных с процессом и результатами учебной деятельности.

6. Результаты исследования позволяют говорить о том, что образовательная среда современной школы с высоким уровнем требований к усвоению учебной программы создаёт особую социальную ситуацию развития, определяющую, содержание и структуру социально-психологической среды школьного класса.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. Д., Данилова Е. Е., Дубровина И. В. Современная образовательная среда ребёнка: семья и школа. М., 2019. 264 с.
2. Деркач А. А., Цымбаленко С. Б. Детство и Взрослый мир в структуре и системном определении Общества // Мир психологии. 2015. № 1. С. 12–28.

3. Долганов Д. Н. Взаимосвязь межличностных отношений с учебной и внеучебной деятельностью // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 6. С. 48–53.
4. Залкид А. Б. Основные вопросы педологии. М., 1930. 264 с.
5. Коломинский Я. Л. Психология детского коллектива. Система личных взаимоотношений. Минск, 1984. 239 с.
6. Конникова Т. Е. Отношения между детьми в школьном коллективе // Социальная психология личности. Л., 1974. С. 32–43.
7. Котина Н. Н. Социальное развитие младшего подростка в совместно-распределённой учебной деятельности // Казанский педагогический журнал. 2016. № 43. С. 171–176.
8. Макаренко А. С. Сочинения. Т. 1. М., 1957. 753 с.
9. Марцинковская Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М., 2015. 247 с.
10. Моложавый С. С. Программа изучения поведения ребёнка или детского коллектива. М., 1924. 31 с.
11. Новикова Л. И. Детский коллектив и подросток. М., 1979. 32 с.
12. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М., 2007. 56 с.
13. Шнирман А. Л. Принципы и методы изучения личности школьника / сост. А. Г. Ковалев. Т. 232. Л., 1962. 290 с.
14. Cillessen A. H. N., Bukowski W. M. Sociometric perspectives // Handbook of Peer Interactions, Relationships, and Groups. New York, 2019. 748 p.
15. García Bacete, Francisco J. and Cillessen, Antonius H. N. An Adjusted Probability Method for the Identification of Sociometric Status in Classrooms // Front. Psychol. 2017. Vol. 8. P. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01836

REFERENCES

1. Andreeva A. D., Danilova E. E., Dubrovina I. V. *Sovremennaya obrazovatel'naya sreda rebenka: sem'ya i shkola* [The modern educational environment of the child: family and school]. Moscow, 2019. 264 p.
2. Derkach A. A., Tsymbalenko S. B. [Childhood and the Adult World in the structure and systemic definition of Society]. In: *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2015, no. 1, pp. 12–28.
3. Dolganov D. N. [The relationship of interpersonal relationships with educational and extracurricular activities]. In: *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* [Scientific review: Humanities research], 2017, no. 6, pp. 48–53.
4. Zalkid A. B. *Osnovnye voprosy pedologii* [The main issues of Pedology]. Moscow, 1930. 264 p.
5. Kolominskii Ya. L. *Psikhologiya detskogo kolektiva. Sistema lichnykh vzaimootnoshenii* [The psychology of the children collective. The system of personal relations]. Minsk, 1984. 239 p.
6. Konnikova T. E. [The relationship between children in the school collective]. In: *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. Leningrad, 1974, pp. 32–43.
7. Kotina N. N. [Social development of a younger adolescent in collaboratively distributed learning activities]. In: *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan pedagogical journal], 2016, no. 43, pp. 171–176.
8. Makarenko A. S. *Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, 1957. 753 p.
9. Martsinkovskaya T. D. *Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoi paradigme* [The issue of socialization in historical-genetic paradigm]. Moscow, 2015. 247 p.
10. Molozhavyi S. S. *Programma izucheniya povedeniya rebenka ili detskogo kolektiva* [Program for studying the behavior of a child or children]. Moscow, 1924. 31 p.
11. Novikova L. I. *Detskii kolektiv i podrostok* [Children]. Moscow, 1979. 32 p.
12. Prikhozhan A. M. *Diagnostika lichnostnogo razvitiya detei podrostkovogo vozrasta* [Diagnosis of personal development of teenagers]. Moscow, 2007. 56 p.
13. Shnirman A. L. *Printsipy i metody izucheniya lichnosti shkol'nika. T. 232* [Principles and methods of studying the personality of a student. Vol. 232]. Leningrad, 1962. 290 p.
14. Cillessen A. H. N., Bukowski W. M. Sociometric perspectives. In: *Handbook of Peer Interactions, Relationships, and Groups*. New York, 2019. 748 p.
15. Garcha Bacete, Francisco J. and Cillessen, Antonius H. N. An Adjusted Probability Method for the Identification of Sociometric Status in Classrooms. In: *Front. Psychol*, 2017, vol. 8, pp. 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01836

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по госзаданию «Структура и виды поведения современных школьников с разными уровнями психологического благополучия в цифровой среде» Рег. N НИОКТР АААА-A20-120060490048-8

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared according to the state assignment "The structure and types of behavior of modern schoolchildren with different levels of psychological well-being in the digital environment". Reg. N НИОКТР АААА-A20-120060490048-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Алла Дамировна – кандидат психологических наук, заведующий лабораторией научных основ детской практической психологии Психологического института Российской академии образования;

e-mail: alladamirovna@yandex.ru

Лисичкина Алёна Геннадьевна – научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Психологического института Российской академии образования;

e-mail: al1975@spartak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla D. Andreeva – Cand. Sci. (Psychology), the Head of the Laboratory of the Scientific Bases of Practical Child Psychology, Psychological Institute of RAE;

e-mail: alladamirovna@yandex.ru

Alena G. Lisichkina – Associate Researcher, Psychological Institute of RAE;

e-mail: al1975@spartak.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Андреева А. Д., Лисичкина А. Г. Социально-психологическая среда современного школьного класса в образовательном пространстве цифрового общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 96–107.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-96-107

FOR CITATION

Andreeva A. D., Lisichkina A. G. Social and psychological environment of modern school class in the educational space of digital society. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 96–107.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-96-107

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-108-118

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

Степанова Н. А., Куликова Т. И.

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить личностные факторы виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью.

Процедура и методы. Авторами проведён анализ научных работ и эмпирического материала по изучению виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью и их личностных особенностей. В статье представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке подростков с умственной отсталостью, обучающихся по программе учреждений VIII вида в ГОУ ТО «Тульский областной центр образования» (1, 2 отделение) г. Тулы. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 14–15 лет (N = 45). В качестве основного метода использовался констатирующий эксперимент. В ходе исследования контрольная группа не формировалась.

Результаты. В результате корреляционно-регрессионного анализа выявлены прямая сильная теснота связи между эмоциональным и поведенческим факторами, прямая умеренная теснота связи между волевым и поведенческим факторами и обратная умеренная теснота связи между эмоциональным и волевым факторами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определение личностных факторов виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью, что является важным для организации психолого-педагогического сопровождения по формированию навыков безопасного поведения у таких подростков.

Ключевые слова: личностные качества, виктимное поведение подростков, интеллектуальная недостаточность, тип поведения жертвы, личностные факторы

PERSONAL FACTORS IN THE VICTIM BEHAVIOUR OF ADOLESCENTS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES

N. Stepanova, T. Kulikova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin prosp., Tula 300026, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the personal factors of the victim behaviour of adolescents with intellectual disabilities.

Methodology. The authors have analyzed scientific papers and empirical material on the study of the victim behavior of adolescents with intellectual disabilities and their personal characteristics. The article presents the materials of empirical research obtained on a sample of teenagers with intellectual disabilities, studying under the program of institutions of VIII type in the SEI "Tula Regional Education Center" (1, 2 departments) of the Tula city. The respondents aged 14-15 years (N=45) took part in

the study. The stating experiment was used as the main method of research. In the course of the study the control group was not formed.

Results. As a result of the correlation-regression analysis, a direct strong bond between emotional and behavioral factors was revealed; a direct moderate bond between volitional and behavioral factors, as well as an inverse moderate bond between emotional and volitional factors.

Research implications. The personal factors of the victim behaviour of adolescents with intellectual disabilities were defined, which is important for the organization of psychological and pedagogical support to develop safe behaviour skills among such adolescents.

Keywords: personal traits of character, behavioural disorders, teenagers' victim behaviour, intellectual insufficiency, victim behaviour type, personal factors

Введение

В современном мире стремительно меняется социальная, политическая, экономическая обстановка, т. е. изменяется социальная ситуация, условия жизни. Растущий человек должен осознавать, понимать и принимать, структурировать различные внешние факторы, адаптироваться к меняющимся условиям. У подростков с интеллектуальной недостаточностью по сравнению со сверстниками с сохранным интеллектом более широкий круг проблем, связанных с адаптацией в социуме [9; 14; 22; 23].

В настоящее время уделяется особое внимание социальной интеграции подростков с интеллектуальной недостаточностью, включению их в социальные общности здоровых детей и подростков [3; 7; 18]. В то же время наличие интеллектуального дефицита затрудняет самопроизвольное усвоение правил безопасного поведения такими подростками в процессе социальной интеграции. Все эти проявления существенно отражаются на психологически безопасном поведении подростков данной категории и их психологической безопасности [19; 24].

Дети с интеллектуальной недостаточностью чрезмерно внушаемы и менее осторожны и осмотрительны по сравнению с нормотипичными сверстниками. В своей классификации Г. Гентинг относит подростков с интеллектуальной недостаточностью в общий класс жертв по двум критериям: возрастному и интеллектуальному. Как показывают исследования, у данной категории подростков слабо

выражены реакции самоопределения и самоутверждения, которые характерны для этого возраста. Их отличает наличие слабых волевых усилий, повышенной внушаемости, когнитивной простоты и эмоциональной лабильности [15]. Для них характерно проявление агрессивности, тревожности, низкой способности к самоанализу поведения и неадекватной оценке окружающей ситуации. Это, в свою очередь, обуславливает высокий риск формирования патологических поведенческих паттернов. Подростки со сниженным интеллектом относятся к наименее защищённым группам лиц, в значительной степени подверженным риску возникновения социальных отклонений [8; 21].

Многочисленные исследования [1; 3; 4; 6; 8; 10; 17; 20] показывают, что в происхождении различных видов отклонений поведения у подростков с интеллектуальной недостаточностью, в том числе правонарушений, помимо социального фактора нередко имеет значение врождённая либо приобретённая неполноценность нервной системы. В нарушениях поведения таких подростков часто играет роль и компонент аффективно-волевых расстройств, связанных с самой недостаточностью нервной системы. В одних случаях нарушения поведения изучались в структуре психопатологических синдромов и пограничных состояний. Охватывая различные формы эмоциональной организации поведения, аффективная сфера выступает и как совокупность явлений.

Основные типы нарушений поведения,

наблюдаемые у них, связаны с проявлениями: психической неустойчивости, аффективной возбудимости, расторможенности влечений [6; 10; 20]. Для таких подростков характерна повышенная виктимность – предрасположенность становиться жертвой преступления. К специфическим факторам возникновения виктимного поведения могут относиться: индивидуальный опыт переживания или наблюдение факта насилия, сформированная ранее совокупность психологических качеств, таких как эмоциональная неустойчивость, тревожность, неадекватная самооценка, отсутствие ощущения социальной поддержки. Виктимное поведение может формироваться через демонстрацию зависимо-подчиняемого поведения, влияние виктимной ситуации в микро- и макроконтексте, роль собственного опыта [1].

Как отмечает Ю. А. Клейберг, физические, психические и социальные черты и признаки, которые приобретены человеком и способны его превратить в жертву, определяются как виктимогенность. Отрицая существование «прирождённых жертв», или «жертв от природы», Г. И. Шнайдер выявил, что идеалистические представления связаны с особенностями мышления и инфантильными установками самой личности умственно отсталого школьника. Эти обстоятельства выступают провоцирующими факторами и в силу отсутствия социально-психологической компетентности, превращают ребенка в жертву со стороны насильников, мошенников и др. [16].

Личностные черты подростков с интеллектуальной недостаточностью, такие как импульсивность и неуверенность, могут определять состав определённых типов виктимности личности. Так, характеристику активной жертвы (активная виктимность) может определять импульсивность. Отличает активную жертву, кроме импульсивности, наличие эмоциональной неустойчивости, склонность к конфликтному стилю общения, слабый

самоконтроль, неумение критически оценить себя и ситуацию в целом [3].

Для пассивной жертвы (пассивная виктимность) основной чертой является неуверенность. Пассивная жертва также отличается заниженной самооценкой, проявлением негативного отношения как к себе, так и к своей жизни, наличием конформности, зависимости, сверхподслушивания и нейротизма.

Все эти показатели определяют низкую социальную адаптацию. Такие подростки стараются ничем не выделяться, к их мнению никто не прислушивается, они не могут постоять за себя, многие испытывают социальную изоляцию. У подростков с неустойчивой самооценкой и идентичностью могут возникать эмоциональные расстройства [2].

Взаимодействия подростков с интеллектуальной недостаточностью со сверстниками сопровождаются проявлениями агрессии, которая выражается в виде реактивной (как ответная реакция на внешний раздражитель, ссору, конфликт) или спонтанной агрессии (возникшей без существенной причины под влиянием накопления негативных эмоций) [4].

Таким образом, к психологическим особенностям виктимной личности можно отнести: неуравновешенность нервных процессов, высокие реактивность и личностную тревожность, стеничность и негибкость установок, низкую самооценку, конформность, дефицит ценностных ориентаций, снижение уровня мотивации, высокий конформизм, установку на беспомощность, запуганность и т. д. [11].

Совокупность определённых личностных черт может рассматриваться как психологический фактор, определяющий не только формирование виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью, но и определённый тип такого поведения, как, например, активная или пассивная жертва [12; 17].

Всё вышеизложенное и определило цель нашего исследования – определение личностных факторов виктимного по-

ведения подростков с интеллектуальной недостаточностью для организации психолого-педагогического сопровождения по формированию навыков безопасного поведения у таких подростков.

Мы предположили, что личностными факторами виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью выступают не отдельные качества личности, а их сочетание, определяющее тип поведения жертвы.

Методы

В качестве основного метода использовался констатирующий эксперимент, в ходе которого изучались личностные качества подростков с интеллектуальной недостаточностью, сочетание которых определяет личностные факторы виктимного поведения данной категории подростков. Исследование проходило на базе ГОУТО «Тульский областной центр образования» (1, 2 отделение) г. Тулы, где обучаются дети по программе учреждений VIII вида. Выборку испытуемых составили подростки с умственной отсталостью в возрасте 14–15 лет. Количественный состав выборки – 45 человек. В ходе исследования контрольная группа не формировалась.

Анализ работ по исследованию виктимного поведения у подростков с интеллектуальной недостаточностью позволил выявить наиболее выраженные личностные качества, провоцирующие формирование виктимного поведения, что и обусловило выбор диагностических методик: опросник Басса-Дарки для диагностики агрессивных и враждебных реакций; тест Спилбергера-Ханина для измерения тревожности как личностного свойства и как состояния, связанного с текущей ситуацией; тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана; методика «Шкала субъективного благополучия» (адаптация М. В. Соколовой); методика «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой для измерения

предрасположенности подростков к различным формам виктимного поведения.

Учитывая особенности психического развития испытуемых, диагностическое обследование носило индивидуальный характер, а также предполагало интерпретацию некоторых суждений, содержащихся в методиках, для понимания их смысла испытуемыми.

Статистическая обработка данных проводилась с применением коэффициента вариации для характеристики однородности совокупности, коэффициента ранговой корреляции Кендалла, коэффициента корреляции r -Пирсона, метода корреляционно-регрессионного анализа.

Обсуждение

Прежде чем рассмотреть личностные качества подростков с интеллектуальной недостаточностью, мы проанализировали среднegrupповые значения по всем исследуемым характеристикам и определили стандартное отклонение каждой варианты. Сравнив средние арифметические, установили, что коэффициент вариации в экспериментальной выборке по всем показателям превышает нормальное отклонение, что свидетельствует о статистически значимых различиях. Принимая среднее арифметическое за точку отсчёта, в дальнейшем «сырые» баллы были переведены в «стены» и рассчитан коэффициент ранговой корреляции Кендалла (табл. 1).

При уровне значимости $\alpha < 0,05$ между качественными признаками (личностными качествами) существует значимая ранговая корреляционная связь ($\tau = 0,759$). Тем не менее исследовательский интерес в большей степени представляет совокупность или сочетание качеств, как личностных факторов виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью.

По результатам опросника Басса-Дарки на основе критерия r -Пирсона ($p < 0,05$) выявлена положительная взаимосвязь между суммарным индексом

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязь между личностными качествами подростков с интеллектуальной недостаточностью на основе коэффициента ранговой корреляции Кендалла / Interrelation of the personal factors of adolescents with intellectual disabilities on the basis of Kendall's range correlation coefficient

Личностные качества	X	Y	ранг X, d _x	ранг Y, d _y	P	Q
Импульсивность	2	9	1	11	1	10
Низкий самоконтроль	2	9	2	12	0	10
Обидчивость	5	8	3	9	1	8
Тревожность	6	8	4	10	0	8
Раздражимость	6	7	5	7	1	6
Эмоциональная возбудимость	6	7	6	8	0	6
Агрессивность	7	6	7	4	2	3
Низкая самооценка	7	6	8	5	1	3
Неуверенность и беспомощность	8	6	9	6	0	3
Зависимость	8	5	10	3	0	2
Некритичность	9	2	11	1	1	0
Гиперсоциальность	9	2	12	2	0	0

Источник: составлено авторами по результатам исследования

сом агрессивности и раздражимостью ($r = 0,57$) и обидчивостью ($r = 0,52$).

На основе того, что опросник Басса-Дарки включает шкалы «негативизм», «подозрительность» и «чувство вины» как виды эмоциональных реакций, провоцирующих агрессивные формы поведения, мы объединили данные реакции в обобщённый показатель «эмоциональная возбудимость». Коэффициент корреляции между суммарным индексом агрессивности и обобщённым показателем эмоциональной возбудимости ($r = 0,68$), что говорит о сильной прямой взаимосвязи. Однако опросник Басса-Дарки рекомендуется использовать в совокупности с другими личностными тестами психических состояний.

Поведение подростка с интеллектуальной недостаточностью во многом может быть обусловлено таким свойством личности, как тревожность. Несмотря на то, что определённый уровень тревожности является естественной особенностью активной деятельной личности, для исследуемой категории подростков ситуатив-

ная или реактивная тревожность может вызывать эмоциональное напряжение, беспокойство и даже способствовать восприятию окружающей ситуации как угрожающей и опасной.

Результаты исследования тревожности по тесту Спилбергера-Ханина выявили высокий уровень личностной тревожности у 69% испытуемых (средний коэффициент выраженности признака составил 6,0 стенов), а у 92% испытуемых уровень ситуативной тревожности определён выше нормы (средний коэффициент выраженности признака составил 6,5 стенов).

К. Р. Сидоров отмечает, что феномен тревожности по своей структуре сложен и включает доминирующую эмоцию страха, которая взаимодействует с гневом, виной и стыдом. Проявление тревожности может различаться у отдельных индивидов по составляющим, например, страх – вина или страх – стыд – вина, страх – страдание, страх – гнев, страх – страдание – гнев и т. д. [13]. В нашем исследовании тревожность коррелирует с

эмоциональной возбудимостью ($r = 0,69$), суммарным показателем агрессивности ($r = 0,67$), с низкой самооценкой ($r = 0,50$) и неуверенностью / беспомощностью ($r = 0,54$).

Тревожность выступает фактором уязвимости личности, зачастую тревожность имеет для человека приспособительное значение и подавляет его волю [5]. По результатам теста-опросника «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана выявлено, что у 92% учащихся, вошедших в исследуемую выборку, волевая саморегуляция находится на низком уровне развития с выраженностью показателя 5,8 баллов. Высокого уровня развития волевой саморегуляции в выборке обнаружено не было. Низкие показатели общего уровня волевой регуляции наблюдаются у эмоционально неустойчивых, ранимых и неуверенных в себе людей. В результате корреляционного анализа обнаружена сильная прямая связь импульсивности и эмоциональной возбудимости ($r = 0,72$), низкого самоконтроля и раздражительности ($r = 0,70$), а также прямая зависимость импульсивности и низкого самоконтроля с агрессивным поведением ($r = 0,54$).

По методике «Шкала субъективного благополучия» (адаптация М. В. Соколовой) были получены результаты по показателю неуверенности и суммарному показателю низкой самооценки как выражение субъективного неблагополучия. Коэффициент корреляции между суммарным показателем уровня самооценки и агрессивностью выявил слабую взаимосвязь ($r = 0,45$), с уровнем тревожности ($r = 0,57$), неуверенности ($r = 0,68$), с уровнем низкого самоконтроля ($r = 0,35$). Данные показатели характеризуют подростков как зависимых, неуравновешенных, испытывающих трудности в контроле своих эмоций.

Для изучения проявлений и типов виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью и уста-

новления связей с личностными чертами испытуемых была применена методика «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андрониковой. В соответствии со шкалами опросника мы определили такие личностные черты, как гиперсоциальность, зависимость и беспомощность, нескритичность и агрессивность в поведении. В результате были выявлены прямые положительные взаимосвязи агрессивности с нескритичностью ($r = 0,56$) и гиперсоциальностью ($r = 0,52$). Данные показатели характеризуют активный тип виктимного поведения испытуемых. Их жертвенное поведение зачастую одобряется и ожидается. Пассивный тип виктимного поведения характеризуется прямыми положительными взаимосвязями между беспомощностью и низкой самооценкой ($r = 0,68$), зависимостью и неуверенностью ($r = 0,62$). Такие подростки зачастую становятся жертвами, не оказывая сопротивления или какого-либо противодействия агрессору.

В результате проведенного корреляционного анализа были определены три фактора виктимного поведения подростков, каждый из которых представлен сочетанием значимых личностных качеств подростков с интеллектуальной недостаточностью. Эмоциональный фактор включает такие личностные качества, как эмоциональная возбудимость, раздражимость, тревожность, обидчивость. Волевой фактор включает импульсивность, низкий самоконтроль, зависимость, низкую самооценку. Поведенческий фактор включает агрессивность, нескритичность, гиперсоциальность, неуверенность, беспомощность. Для удобства интерпретации данных, полученных в ходе нашего эксперимента, представим полученные результаты в таблице 2.

Коэффициенты, представленные в таблице 2, показывают среднюю и сильную корреляцию между личностными качествами подростков с интеллектуальной недостаточностью и варьируют от

Таблица 2 / Table 2

Матрица коэффициентов корреляции личностных качеств подростков с интеллектуальной недостаточностью (уровень статистической значимости $p < 0,05$) / Matrix of coefficients correlation of adolescents with intellectual disabilities

Личностные качества	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Эмоциональная возбудимость		0.75	0.70	0.64	0.72				0.68			
Раздражимость			0.62			0.70			0.57			
Тревожность								0.57	0.67			0.54
Обидчивость									0.52			
Импульсивность									0.54			
Низкий самоконтроль									0.54			
Зависимость										0.59		0.62
Низкая самооценка												0.68
Агрессивность										0.56	0.52	

Примечание. В таблице цифрами обозначены: 1 – эмоциональная возбудимость; 2 – раздражимость; 3 – тревожность; 4 – обидчивость; 5 – импульсивность; 6 – низкий самоконтроль; 7 – зависимость; 8 – низкая самооценка; 9 – агрессивность; 10 – нескритичность; 11 – гиперсоциальность; 12 – неуверенность/беспомощность.

$r = 0,52$ до $r = 0,75$ при уровне значимости $p < 0,05$. Коэффициенты, отражающие слабую корреляцию, в таблице не представлены. При оценке количественного соотношения между факторами виктимного поведения мы исходили из количества значимых связей внутри каждого из них. Так, эмоциональный фактор (в таблице 2 столбцы 1–4) – 4 значимых связи; волевой фактор (в таблице 2 столбцы 5–8) – 3 значимых связи; поведенческий фактор (в таблице 2 столбцы 9–12) имеет 12 значимых связей. Таким образом, поведенческий фактор является наиболее выраженным в экспериментальной выборке. Полученные результаты свидетельствуют о том, что личностные качества, входящие в поведенческий фактор, в большей степени являются маркерами виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью.

На основе метода корреляционно-регрессионного анализа мы установили тесноту связи между факторами. В результате были выявлены прямая сильная теснота связи по шкале Чеддока ($r = 0,533$) между эмоциональным и пове-

денческим факторами; прямая умеренная теснота связи ($r = 0,353$) между волевым и поведенческим факторами и обратная умеренная теснота связи ($r = -0,469$) между эмоциональным и волевым факторами. Данные корреляционно-регрессионного анализа позволяют говорить, что у подростков с интеллектуальной недостаточностью такие качества, как эмоциональная возбудимость, раздражимость, тревожность, обидчивость, обуславливают предрасположенность исследуемой категории подростков становиться жертвой преступления. При этом волевые личностные качества у таких подростков сформированы слабо.

Закключение

Проведённое исследование показало, что виктимное поведение подростков с интеллектуальной недостаточностью и даже его определённый тип, как, например, активная или пассивная жертва, определяются доминированием личностного фактора, включающего сочетание значимых личностных качеств подростков с интеллектуальной недостаточностью.

Данные проведённого исследования позволили определить личностные качества пассивной и активной жертвы. Так, активная жертва характеризуется высоким уровнем раздражимости, импульсивности и низким самоконтролем. Для пассивной жертвы характерны высокий уровень тревожности, неуверенности и беспомощности, формирующих заниженную самооценку подростков. У подростков с интеллектуальной недостаточностью подобные характеристики чаще, чем у их нормально развивающихся сверстников, выходят за рамки нормы, что обуславливает наличие у данной категории подростков проблем с безопасным поведением.

Интеллектуальный дефицит не позволяет надеяться на самопроизвольное усвоение правил безопасного поведения такими подростками в процессе образовательной деятельности, поэтому выявление возможности прогнозировать возникновение виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью представляется важным для организации психолого-педагогического сопровождения по формированию навыков безопасного поведения у таких подростков.

Для успешной организации мероприятий необходимо построение чёткой модели сопровождения безопасного по-

ведения подростков с интеллектуальной недостаточностью, включающей в качестве составных компонентов объект и предмет сопровождения, содержание сопровождения, определение участников сопровождения и организационные его формы. Основным содержанием сопровождения являются:

- выявление личностных черт подростков с интеллектуальной недостаточностью, влияющих на безопасное поведение;
- разработка и проведение коррекционно-развивающей работы по формированию навыков безопасного поведения у подростков данной категории;
- создание условий, ориентированных на развитие навыков безопасного поведения;
- психологическое просвещение родителей и других специалистов, участвующих в психолого-педагогическом сопровождении.

Данная модель должна интегрировать в себе деятельность всех специалистов, задействованных в процессах коррекционно-развивающей работы, обучения и воспитания подростков данной категории, независимо от того, обучаются ли они в специальной (коррекционной) образовательной организации или интегрированы в массовую школу.

Статья поступила в редакцию 24.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронникова О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 213 с.
2. Басин М. А., Фатеева К. Н., Хаидов С. К. Формирование эгоцентризма у подростков с задержкой психического развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 2. С. 65–73.
3. Болдырева Т. А. Стиль межличностных отношений как детерминирующий фактор социально-психологической адаптации подростков с легкой степенью умственной отсталости и с нормативным развитием в условиях совместного обучения в общеобразовательной школе [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2019/n1/Boldyreva.shtml> (дата обращения: 18.04.2020). DOI: 10.17759 / psyclin.2019080103.
4. Быстров А. Е. Психологические факторы возникновения виктимного поведения у подростков с ограниченными интеллектуальными возможностями // Специальное образование. 2014. № 3. С. 139–149.
5. Быховец Ю. В., Падун М. А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изуче-

- ния посттравматического стресса [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyclin/2019/n1/Bykhovets_Padun.shtml (дата обращения: 18.04.2020). DOI: 10.17759/cpse.2019080105.
6. Данилкина М. Ю., Литвиненко И. В. К вопросу о психологическом и неврологическом статусе лиц с задержкой психического развития // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4 (1). С. 133–137.
  7. Инденбаум Е. Л. Характеристики коммуникативной компетентности подростков с разными формами интеллектуальной недостаточности в условиях инклюзивного и специального образования // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 42–49.
  8. Киселева Т. Г. Интеллектуальная недостаточность как причина социальных девиаций подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 28. С. 35–42.
  9. Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Методика диагностики социально-психологической безопасности подростков с нарушением интеллекта // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 11. С. 110–114.
  10. Лебединская К. С. Клинико-психологический анализ нарушений поведения у подростков [Электронный ресурс] // Альманах института коррекционной педагогики. 2005. № 9. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-9/kliniko-psihologicheskij-analiz-narushenij-povedeniya-90> (дата обращения: 18.04.2020).
  11. Макаров А. С., Бобченко Т. Г. Психологические особенности виктимной личности // Студенческий электронный научный журнал. 2019. № 13(57). URL: <https://sibac.info/journal/student/57/136196> (дата обращения: 08.04.2020).
  12. Матанцева Т. Н. Факторы виктимного поведения подростков как социальная проблема психологической науки // Концепт : научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56124.htm> (дата обращения: 18.04.2020).
  13. Сидоров К. Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Философия, социология, психология, педагогика. 2013. Вып. 2. С. 42–52.
  14. Социально-психологическая безопасность подростков с интеллектуальными нарушениями в образовательных организациях различных типов / П. А. Кисляков [и др.] // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 8. С. 85–98.
  15. Степанова Н. А. Виктимное поведение как угроза психологической безопасности подростков с интеллектуальной недостаточностью // Психолого-педагогическая коррекция нарушений интеллектуального развития у детей в современном образовании: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 5–6 марта 2013 г. М., 2013. С. 64–66.
  16. Степанова Н. А. Психологическая безопасность личности подростка с интеллектуальной недостаточностью // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3. С. 179–185.
  17. Худик В. А., Шигашов Д. Ю. Детерминирующие факторы виктимного поведения у детей и их клинико-психологические последствия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 5. № 1. С. 31–40.
  18. Шипицына Л. М. Обучение общению умственно отсталого ребёнка. СПб., 2010. 279 с.
  19. Chiu S. Causes of Victims of Campus Bullying Behaviors and Study on Solutions // Open Journal of Social Sciences. 2013. No. 1. P. 13–22. DOI: 10.4236/jss.2013.12003.
  20. Evans D. Perceptions of the Victimization of Individuals with Intellectual Disabilities // Advances in Applied Sociology. 2013. No. 3. P. 114–123. DOI: 10.4236/aasoci.2013.32015.
  21. Green A. H. Child abuse // Child Psychiatry and the Law / D. N. Schetky, E. P. Benedek (Eds.). Brunner / Mazel, Publishers. N. Y. 1980. P. 71–88.
  22. Kislyakov P., Silaeva O., Feofanov V. Psychological indices of social safety of children with disabilities [Электронный ресурс] // International Conference «Responsible Research and Innovation». National Research Tomsk Polytechnic University. 2017. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/icRRIF2016052.pdf> (дата обращения: 08.04.2020). DOI: 10.15405/epsbs.2017.07.02.52.
  23. Kislyakov P. A. Risk factors related to antisocial behavior in teenagers with intellectual disabilities // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. No. 10(2). P. 215–227. DOI: 10.11621/pir.2017.0215
  24. Zinchenko Yu. P. Security psychology as social systemic phenomenon // Psychology in Russia: State of the Art. 2011. No. 4. P. 307–315. DOI: 10.11621/pir.2011.0019

REFERENCES

1. Andronnikova O. O. *Psikhologicheskie faktory vozniknoveniya viktimnogo povedeniya podrostkov: diss. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological factors in the emergence of adolescents' victim behavior: PhD thesis in Psychological sciences]. Novosibirsk, 2005. 213 p.
2. Basin M. A., Fateeva K. N., Khaidov S. K. [Formation of egocentrism in adolescents with mental retardation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2019, no. 2, pp. 65–73.
3. Boldyreva T. A. [The style of interpersonal relations as a determining factor in the socio-psychological adaptation of adolescents with a mild degree of mental retardation and with normative development in conditions of joint education at a comprehensive school]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology], 2019, vol. 8, no. 1. Available at: <https://psyjournals.ru/psyclin/2019/n1/Boldyreva.shtml> (accessed: 04/18/2020) DOI: 10.17759/psyclin.2019080103.
4. Bystrov A. E. [Psychological factors of the victim behavior emergence in adolescents with intellectual disabilities]. In: *Spetsial'noe obrazovanie* [Special education], 2014, no. 3, pp. 139–149.
5. Bykhovets Yu. V., Padun M. A. [Personal anxiety and regulation of emotions in the context of studying post-traumatic stress]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical and special psychology], 2019, vol. 8, no. 1. Available at: https://psyjournals.ru/psyclin/2019/n1/Bykhovets_Padun.shtml (accessed: 04.18.2020) DOI: 10.17759/cpse.2019080105.
6. Danilkina M. Yu., Litvinenko I. V. [On the question of the psychological and neurological status of people with mental retardation]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University, named after A. S. Pushkin], 2013, no. 4 (1), pp. 133–137.
7. Indenbaum E. L. [Characteristics of the communicative competence of adolescents with various forms of intellectual disability in the context of inclusive and special education]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2014, no. 1, pp. 42–49.
8. Kiseleva T. G. [Intellectual disability as a cause of social deviations in adolescents]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series: Psychology], 2019, vol. 28, pp. 35–42.
9. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A. [Methods for diagnosing the social and psychological safety of adolescents with intellectual disabilities]. In: *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern scientific technologies], 2016, no. 11, pp. 110–114.
10. Lebedinskaya K. S. [Clinical and psychological analysis of behavioral disorders in adolescents]. In: *Al'manakh instituta korektsionnoi pedagogiki* [Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy], 2005, no. 9. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-9/kliniko-psihologicheskij-analiz-narushenij-povedeniya-90> (accessed: 18.04.2020).
11. Makarov A. S., Bobchenko T. G. [Psychological features of the victim personality]. In: *Studencheskii elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2019. № 13 (57). [Student electronic scientific journal], 2019, no. 13 (57). Available at: <https://sibac.info/journal/student/57/136196> (accessed: 08.04.2020).
12. Matantseva T. N. [Factors of victim behavior in adolescents as a social problem of psychological science]. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: scientific and methodological electronic journal], 2016, vol. 8, pp. 74–81. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56124.htm> (accessed: 18.04.2020).
13. Sidorov K. R. [Anxiety as a psychological phenomenon]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Philosophy, sociology, psychology, pedagogy], 2013, no. 2, pp. 42–52.
14. Kislyakov P. A. [and others]. [Socio-psychological safety of adolescents with intellectual disabilities in educational organizations of various types /]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary research on social problems], 2017, vol. 8, no. 8, pp. 85–98.
15. Stepanova N. A. [Victim behavior as a threat to the psychological safety of adolescents with intellectual disabilities]. In: *Psikhologo-pedagogicheskaya korektsiya narushenii intellektual'nogo razvitiya u detei v sovremennom obrazovanii: materialy Vtoroi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 5–6 marta 2013 g.* [Psychological and pedagogical correction of intellectual development disorders in children in modern education: materials of the Second All-Russian scientific and practical conference, Moscow, March 5–6, 2013]. Moscow, 2013, pp. 64–66.

16. Stepanova N. A. [Psychological safety of the personality of a teenager with intellectual disability]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2014, no. 3, pp. 179–185.
17. Khudik V. A., Shigashov D. Yu. [Determinants of victim behavior in children and their clinical and psychological consequences]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University, named after A. S. Pushkin], 2013, vol. 5, no. 1, pp. 31–40.
18. Shipitsyna L. M. *Obuchenie obshcheniyu umstvenno otstalogo rebenka* [Communication training for a mentally retarded child]. Saint Petersburg, 2010. 279 p.
19. Chiu S. Causes of Victims of Campus Bullying Behaviors and Study on Solutions. In: *Open Journal of Social Sciences*, 2013, no. 1, pp. 13–22. DOI: 10.4236/jss.2013.12003.
20. Evans D. Perceptions of the Victimization of Individuals with Intellectual Disabilities. In: *Advances in Applied Sociology*, 2013, no. 3, pp. 114–123. DOI: 10.4236/aasoci.2013.32015.
21. Green A. H. Child abuse. In: Schetky D. N., Benedek E. P., eds. *Child Psychiatry and the Law*. Brunner / Mazel, Publishers. N. Y., 1980, pp. 71–88.
22. Kislyakov P., Silaeva O., Feofanov V. Psychological indices of social safety of children with disabilities. In: *International Conference «Responsible Research and Innovation»*, 2017. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/icRRIF2016052.pdf> (accessed: 08.04.2020). DOI: 10.15405/epsbs.2017.07.02.52.
23. Kislyakov P. A. Risk factors related to antisocial behavior in teenagers with intellectual disabilities. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2017, no. 10 (2), pp. 215–227. DOI: 10.11621/pir.2017.0215
24. Zinchenko Yu. P. Security psychology as social systemic phenomenon. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2011, no. 4, pp. 307–315. DOI: 10.11621/pir.2011.0019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанова Наталья Анатольевна – кандидат психологических наук, декан факультета психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: stepanova_na@inbox.ru

Куликова Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: tativkul@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Stepanova – Cand. Sci. (Psychology), Psychology Department Dean, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
e-mail: stepanova_na@inbox.ru

Tatyana I. Kulikova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
e-mail: tativkul@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова Н. А., Куликова Т. И. Личностные факторы виктимного поведения подростков с интеллектуальной недостаточностью // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 108–118.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-108-118

FOR CITATION

Stepanova N. A., Kulikova T. I. Personal factors in the victim behaviour of adolescents with intellectual disabilities. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 108–118.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-108-118

УДК 159.9.090

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-119-128

О КРИТЕРИЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАРУШЕНИЙ МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ С АТИПИЧНЫМ ПСИХИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Усанова О. Н.*Московский институт психоанализа**121170, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 17, Российская Федерация*

Аннотация

Статья посвящена проблемам психологического анализа нарушений психической деятельности мышления у детей с атипичным психическим развитием.

Цель. Выделение психологических критериев качественного анализа нарушений высших психических функций у детей с нарушениями развития на примере исследования нарушений мышления.

Процедура и методы. В исследовании использованы следующие методики: «Разбор и складывание пирамиды», «Почтовый ящик», «Доски с предметными вкладками», «Доска Сегена», «Разрезные картинки», «Невербальные классификации». Для исследования вербально-логических форм мышления мы использовали методики «Предметная классификация», «Исключение предметов», «Серии сюжетных картинок». В карте наблюдений за выполнением экспериментальных заданий мы отмечали составляющие структуры психической деятельности мышления: уровень действий, уровень операций, уровень психофизиологических функций (в процессе обследования именно эти структуры доступны наблюдению). Кроме того, выделяли сформированность частей мыслительного действия (ориентировочной, исполнительной и контрольной) как единиц познавательной деятельности.

Результаты. На примере нарушений мышления у детей с атипичным развитием выделены психологические критерии анализа и определение «мишеней» психокоррекционного воздействия, показана их эффективность при решении психокоррекционных задач.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выделенные параметры нарушений мышления и способы их компенсации позволяют составить психокоррекционную программу с опорой на существенные признаки нарушений психической деятельности с учётом ведущих факторов этих нарушений и состояния ЦНС ребёнка, которые могут применять психологи, дефектологи.

Ключевые слова: качественный анализ, эффективность оценки, заданный критерий, психологические параметры психической деятельности, психокоррекционная направленность диагностики

CRITERIA FOR PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THINKING DISORDERS IN CHILDREN WITH ATYPICAL MENTAL DEVELOPMENT

O. Usanova*Non-governmental private institution of higher education "Moscow Institute of Psychoanalysis"**34, str. 17 Kutuzovsky prosp., Moscow 121170, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the problems of psychological analysis of disorders of children with atypical mental development.

Aim. To single out the psychological criteria for qualitative analysis of higher mental functions disorders in children with developmental disorders on the example of thinking disorders research.

Methodology. The following methods are used in the study: "Disassembling and assembling the pyramid", "Mailbox", "Boards with subject tabs", "SEGUIN Board", "Split pictures", "non-Verbal classifications". To study the verbal-logical forms of thinking, the following methods were used: "Object classification", "Exclusion of objects", "Series of plot pictures". In the map of observations of the experimental tasks performance the components of the structure of mental activity of thinking were marked: the level of actions, the level of operations, and the level of psychophysiological functions (in the course of the survey, these are the structures available for observation). In addition, the formation of the mental action parts was marked (indicative, executive and control one). They were studied as units of cognitive activity.

Results. On the example of thinking disorders in children with atypical development, psychological analysis criteria are identified. Their effectiveness in solving psycho-corrective tasks is shown.

Research implications. The selected parameters of thinking disorders and ways to compensate them allow us to develop a psycho-correction program based on significant signs of mental disorders, taking into account the leading factors of these disorders and the state of the child's central nervous system.

Keywords: qualitative analysis, evaluation effectiveness, set criteria, psychological parameters of mental activity, psycho-corrective orientation of diagnostics

Введение

Нарушения мышления являются пристальным объектом анализа специалистов разного профиля. В научной литературе существует большое количество публикаций, посвящённых диагностике нарушений мышления у детей и взрослых, анализу интеллектуальных процессов и их значения для становления и реабилитации личности, оптимизации жизнедеятельности человека, а также возможностям коррекции этих нарушений [9; 11; 12]. Накоплен значительный арсенал диагностических методик, направленных на исследование уровня развития мышления, характера его нарушений и степени выраженности у детей и взрослых в медицинской, педагогической и психологической литературе [8; 10; 11]. Особенно большое внимание уделяется анализу результатов диагностических исследований нарушений мышления и их интерпретации. Следует отметить, что многие методики параллельно применяются в разных областях диагностической практики (психиатрии, коррекционной педагогике, психологии). При этом выделены психологические критерии анализа и

определения «мишеней» психокоррекционного воздействия, показана их эффективность при решении психокоррекционных задач [7; 9; 11].

По мнению С. Ю. Шевченко, с позиций социобиологии могут быть рассмотрены универсальные механизмы инициации, её проявления в структуре девиантного поведения и психопатологии детей с нарушением мышления и обоснованы этологически ориентированные подходы к их психологической коррекции и психотерапии. Инициация описана им как процесс, ритуал и результат перехода от статуса ребёнка к статусу взрослого члена общества. Фрустрация врожденной потребности в инициации приводит к девиантному поведению и психическим расстройствам, отражающим основные модули её социально-биологической программы [4].

Таким образом, возникает задача поиска критериев психологического анализа нарушений развития, способных адресовать его результаты к задачам психокоррекции. Рассмотрим их на примере психологической диагностики нарушений мышления у детей с атипичным психическим развитием.

Организация исследования

Цель работы – выделение психологических критериев качественного анализа нарушений высших психических функций у детей с нарушениями развития на примере исследования нарушений мышления.

При изучении нарушений психического развития у детей одним из основополагающих является принцип качественного анализа, что постулируется во многих работах по дефектологии и психологии. Однако сущность этого анализа в научной литературе представлена достаточно ограниченно и в общем плане (процесс выполнения задания, как ребёнок выполняет задание, что ему помогает с ним справиться). Выделение параметров качественного анализа позволит детально описать состояние психического развития ребёнка и научно обоснованно сделать соответствующее заключение о результатах диагностики.

Качественный анализ базируется на учёте *особенностей процесса* выполнения диагностических заданий и предполагает развёрнутую многопараметровую оценку результатов исследования психики ребёнка. Мы, ориентируясь на принятые в математической науке определения, считаем, что характеристикой результата оценивания служит ЭФФЕКТИВНОСТЬ оценки.

Оценка эффективна, если она наилучшая из всех возможных оценок с точки зрения некоторого **заданного критерия** [1], основанного на задачах диагностики [11].

Одним из таких «заданных критериев» в специальной психологии при диагностическом обследовании ребёнка является определение «мишеней» психокоррекционного воздействия и построение психокоррекционной программы [11; 4].

Нам представляется, что психологический анализ нарушений мышления с курсом последующей их психокоррекции может обеспечить опора на ряд концептуальных источников специальной пси-

хологии. В качестве таких источников мы выделили психологическую теорию деятельности (школа А. Н. Леонтьева) [5], теорию о поэтапном формировании умственных действий П. Я. Гальперина [3], теорию А. Р. Лурия о мозговой организации высших психических функций [6] и идеи Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития ребёнка [2].

Процедура и методы исследования: мы исходили из того, что для проведения психокоррекции важно понимание не только того, сформированы или нет у ребёнка какие-то виды психической деятельности, в частности мышления, но и то, в каких структурных компонентах и на каких этапах формирования нарушена психическая деятельность ребёнка, каковы возможности коррекции и её сроки.

Таким образом, при качественном анализе нарушений мышления у детей предполагается сосредоточить основное внимание исследователя на *процессе* выполнения ребёнком диагностических заданий (а не только на конечном однозначном результате – выполнено или не выполнено задание). В процессе диагностики мы фиксировали состояние всех структурных компонентов мыслительной деятельности ребёнка, а также позитивные и негативные условия изменения результатов выполнения заданий. На всех этапах диагностической работы с ребёнком мы применяли обучающий эксперимент, позволяющий оценить зону ближайшего развития ребёнка и его обучаемость.

В карте наблюдений за выполнением экспериментальных заданий мы отмечали:

- составляющие структуры психической деятельности мышления: уровень действий, уровень операций, уровень психофизиологических функций (в процессе обследования именно эти структуры доступны наблюдению);

- сформированность частей мыслительного действия (ориентировочной, исполнительной и контрольной) как единицы познавательной деятельности;

- степень обучаемости ребёнка как показатель зоны ближайшего развития и потенциальных возможностей ребёнка;

- условия, при которых изменяется (улучшается или ухудшается) качество выполнения задания.

При исследовании нарушений мышления у детей мы использовали традиционные в специальной психологии методики. Для исследования наглядно-действенных и наглядно-образных форм мышления – методики «Разбор и складывание пирамиды», «Почтовый ящик», «Доски с предметными вкладками», «Доска Сегена», «Разрезные картинки», «Невербальные классификации». Для исследования вербально-логических форм мышления мы использовали методики «Предметная классификация», «Исключение предметов», «Серии сюжетных картинок».

Мы включили в качественный анализ результатов экспериментальных заданий по диагностике нарушений мышления **оценку**

- понимания и принятия задачи;
- степени понимания инструкции;
- возможности самостоятельного выполнения заданий и коррекции ошибок;
- способов выполнения задания;
- типа и динамики ошибок;
- меры и видов помощи взрослого, влияющих на успешность выполнения задания;
- результативности выполнения заданий и условий, влияющих на её изменение.

Полагаем, что учёт этих параметров оценки обеспечит понимание того, как и в каком звене нарушена структура мышления у ребёнка, каковы возможности ребёнка к восприятию помощи, а следовательно – какова его обучаемость и таким образом приведёт к выделению «мишеней» психокоррекционной работы с ребёнком. Сведения, полученные в результате качественного анализа выполнения ребёнком диагностических заданий, необходимо дифференцировать на ведущие или вторичные «мишени воздействия» и в соответствии с этим планировать про-

грамму психокоррекции. Выделение этих «мишеней», установление возможности их коррективки, определение их взаимосвязи и взаимозависимости определит построение программы психокоррекции в каждом отдельном случае.

Результаты проведённого исследования

Рассмотрим параметры оценки подробнее в плане их характеристики и возможностей коррекции.

Понимание и принятие задачи

Этот параметр оценки содержательно характеризует начальный момент выполнения любого задания. В первую очередь учитывается и оценивается то, как понимает ребёнок предложенную ему задачу и согласен ли он выполнить её. Для исследователя также имеет значение оценка того, какая мотивация деятельности принимается ребёнком: игровая или учебная.

В случае несогласия выполнять задание необходимо выяснить причины, в числе которых могут быть:

- негативное отношение к ситуации обследования (например, трудности контакта, которые необходимо преодолеть, прежде чем продолжать работу с ребёнком);
- завышение требований к ребёнку со стороны исследователя (например, учебная мотивация вместо игровой);
- неадекватная оценка ребёнком степени трудности задания как невыполнимого (наблюдается у детей с пониженной самооценкой и может быть скорректирована стимулирующей помощью – подбадриванием ребёнка);
- адекватное прогнозирование трудностей выполнения задания и нежелание их демонстрировать, что выступает как форма психологической защиты у интеллектуально сохранного ребёнка (компенсируется снижением степени трудности задания с последующей стимулирующей помощью).

Ребёнок может начать выполнять задание, действовать с предложенным ему материалом, но это ещё не означает, что он принял и понял задание, так как действия могут быть импульсивными, нецеленаправленными и неадекватными поставленной задаче, и таким образом нельзя отождествлять начало его конкретной деятельности с пониманием задачи.

Анализ понимания и принятия задачи ребёнком даёт возможность с позиций качественного анализа оценить:

- отношение ребёнка к ситуации обследования;
- характер мотивации как один из ведущих компонентов мыслительной деятельности.

Понимание инструкции

От понимания инструкции зависит ориентировка в задании, без которой целенаправленное выполнение невозможно.

Нарушение понимания может быть связано со следующими особенностями детей:

- слуховая недостаточность. Повышение громкости речи компенсирует эту трудность;
- неустойчивость слухового внимания («мерцающее внимание»). При стимулирующей и организующей помощи, обеспечивающей ребёнку концентрацию внимания, эта трудность может быть компенсирована. В таком случае экспериментатор удерживает внимание ребёнка на выполнении задачи – называет и фиксирует последовательность действий, задаёт организующие внимание вопросы. Чаще всего этот феномен наблюдается у детей с лобным синдромом;
- семантические пробелы, при которых понимание невозможно или затрудняется вследствие неусвоенности значений слов. Для преодоления этих трудностей необходимо переформулировать задание, включив в инструкцию доступный ребёнку лексический материал;
- несформированность фонематического восприятия у ребёнка (акустико-

гностические нарушения), что связано с нарушениями в работе височных отделов коры головного мозга или минимальной мозговой дисфункцией. Трудности такого рода могут быть преодолены при переформулировании инструкции с заменой лексических единиц, включающих оппозиционно-контрастные звуки. При неудаче можно использовать невербальную инструкцию (в случаях таких нарушений увеличение громкости голоса говорящего снижает понимание инструкции ребёнком);

- акустико-мнестический дефект, выражающийся в сокращённом объёме принимаемой ребёнком информации. В таких случаях компенсация трудностей может наступить при сокращении объёма информации для восприятия в единицу времени (при расчленении сложной инструкции на составляющие части или при сокращении инструкции).

Качественный анализ процесса и степени понимания инструкции ребёнком даёт возможность получить представление об ориентировке в условиях задачи и выделить психолого-физиологические механизмы трудностей на этом этапе решения мыслительных задач.

Возможности самостоятельного выполнения заданий и коррекции ошибок

Этот параметр анализа диагностических данных позволяет оценить актуальный уровень возможностей ребёнка при выполнении заданий, а также степень сформированности у него различных видов контроля своей психической деятельности.

Качественная оценка результата выполнения задания связана с обсуждением процесса его достижения. В первую очередь внимание исследователя фиксируется на характере допущенных ребёнком ошибок и на определении этапа их возникновения.

Фиксация и коррекция ошибок осуществляется ребёнком за счёт операции контроля. Контроль на уровне ЦНС обе-

спечивает разрешение на выполнение или завершение действия, то есть контроль определяет решение ребёнка о завершении или продолжении работы при выполнении задания. В системе решения мыслительных задач у ребёнка формируется «пошаговый» характер контроля за результатами своей деятельности. Если ребёнок адекватно оценивает совпадение гипотезы мыслительной деятельности (её прогнозируемый результат) и реальный результат, то действие заканчивается. При несовпадении этих моментов решение мыслительной задачи продолжается. В случаях, когда оценка ребёнком своих действий не отражает реального положения вещей, если пошаговый контроль отсутствует, возникают ошибки в деятельности. Наличие ошибок и нарушений в звене контроля свидетельствует о снижении регуляторной деятельности корковых лобных систем.

Операция контроля осуществляется ребёнком «пошагово» до начала действия, в его процессе и после завершения. Соответственно осуществляются операции *упреждающего, текущего и завершающего* контроля. В зависимости от того, какой тип контроля за результатами деятельности нарушен у ребёнка, характер коррекционной помощи будет различным, поэтому при диагностике нарушений мыслительной деятельности важно определить *тип нарушения* контроля:

- Нарушения упреждающего контроля проявляются в том, что ребёнок делает ошибки, но по ходу выполнения деятельности исправляет их (при сформированности текущего и завершающего контроля). При полноценном упреждающем контроле ошибки не возникают.

- Нарушения текущего контроля проявляются в коррекции ошибок после завершения действия. При полноценном текущем контроле возникшая ошибка сразу корректируется.

При нарушении завершающего контроля самостоятельная коррекция ошибок ребёнку недоступна. При сохранном завер-

шающем контроле ошибки корректируются после полного выполнения задания.

Способы выполнения задания

Способы выполнения заданий могут иметь следующий вид:

1. *Адекватный выбор операций и действий при затруднениях соединения их в некую последовательность*, что свидетельствует о нарушениях в программировании мыслительной деятельности. Помощь в виде фиксации плана действий (создание «схемы решения») помогает выполнить задание. Это необходимо при нарушении целенаправленности и динамики мыслительной деятельности у детей с нарушением ВНД передних отделов мозга и при правополушарных расстройствах.

2. *Неадекватность выбора операций и действий поставленной задаче*.

Мыслительная деятельность при решении задач, например, в наглядно-действенном плане может осуществляться в операциях разного уровня: силовых, на основе соотнесения взором и на основе представлений. При этом действие может осуществляться как процесс проб и ошибок. Это можно наблюдать при работе с досками с различного типа вкладками (например, доска Сегена), с «почтовым ящиком», с пирамидкой. Применение более примитивных по сравнению с возрастными нормами видов и способов действий свидетельствует о снижении умственного развития. Неадекватность операций и действий с предметами чаще наблюдается у детей с тяжёлыми поражениями мозга.

3. *Неустойчивость применения адекватных операций и действий*.

Процесс мыслительной деятельности предполагает наличие у ребёнка возможностей при сохранении общей стратегии изменять тактику деятельности в зависимости от реально складывающейся ситуации. Возможность разнообразить тактики и изменять их в зависимости от условий деятельности характеризует динамические параметры мыслительной деятельности. Нарушение этих параметров

у детей с неустойчивой нейродинамикой обозначаются как *лабильность*, *инертность* и *истощаемость* мыслительной деятельности.

- при лабильности мыслительной деятельности отмечается импульсивное изменение тактики, что проявляется в спорадических ошибках;

- при инертности наблюдается «застывание» одной из выбранных тактик, независимо от условий мыслительной деятельности, что проявляется в стереотипе действий и цикличности ошибок одного и того же типа

- при истощаемости мыслительной деятельности тактические приёмы «затухают», не имеют завершённости, и мыслительная деятельность заканчивается без контролируемого результата.

Дети с неустойчивостью нейродинамических процессов часто выбирают правильную стратегию мыслительной деятельности, но в процессе решения задач не соотносят результаты работы с реальной ситуацией и допускают спорадические или постоянные ошибки, в результате чего их мыслительная деятельность становится малопродуктивной и длительной по времени.

Анализ выбираемых ребёнком способов действий и динамики их применения при качественном анализе даёт возможность сделать два заключения:

- о характере программирования мыслительной деятельности и её стратегии;
- о динамике процесса мыслительной деятельности.

В совокупности эти данные позволяют судить об уровне мыслительной деятельности ребёнка, который оценивается адекватностью способов выполнения заданий задаче мыслительной деятельности, а также адекватностью этих способов возрастным нормам развития.

Типы и динамика ошибок

В психической деятельности могут возникать спорадические и постоянные ошибки. Спорадические ошибки мысли-

тельной деятельности появляются чаще всего при снижении функции контроля, когда фиксируется единовременное «соскальзывание» с правильного пути решения задачи и возвращение на прежний выбранный путь решения. Постоянные ошибки свидетельствуют о полной несформированности отдельных мыслительных операций.

Ошибки мыслительной деятельности могут проявиться на любом её этапе (ориентировочном, исполнительном, контрольном) и количественно распределяются на протяжении мыслительной деятельности неодинаково.

На *ориентировочном этапе* возникают ошибки планирования, определения стратегии мыслительной деятельности. Они связаны с несформированностью деятельности лобных систем, импульсивностью реакций. Эти нейродинамические трудности компенсируются при усилении речевой регуляции (проговаривании выполняемого действия вслух). Положительный эффект отработки речевых формул действия позволяет предположить, что речевая самопомощь ребёнка в мыслительной деятельности – один из важных приёмов коррекционно-развивающей работы.

На *исполнительном этапе* возникают операционные (тактические) ошибки, появление которых соотносится с незрелостью задних отделов мозга. Эти трудности компенсируются только поэтапным обучением ребёнка конкретным операциям, что наиболее часто встречается в педагогической практике.

Динамика ошибок в мыслительной деятельности также учитывается при качественном анализе диагностических результатов. Анализ концентрации и распределения ошибок на этапах мыслительной деятельности характеризует как своеобразие мыслительного процесса, так и ряд других факторов. Так, преобладание ошибок на начальном этапе мыслительной деятельности при многократных действиях и дальнейшее их уменьшение

или полное исчезновение свидетельствует о целенаправленном поиске тактики деятельности, что говорит в пользу личностной и интеллектуальной сохранности. Нарастание количества ошибок по мере выполнения задания возникает при снижении работоспособности у детей. Неритмичность ошибок в процессе деятельности наблюдается у импульсивных детей с неустойчивым вниманием.

Мера и виды помощи взрослого, влияющие на успешность выполнения задания

Этот параметр качественного анализа связан с определением обучаемости ребёнка, выявлением его потенциальных возможностей – «зоны ближайшего развития», диагностическая значимость которой в специальной психологии является неоспоримой. Термин «обучаемость» фактически отражает чувствительность к обучению, восприимчивость к нему. Диагностическое значение имеют и мера, и виды помощи ребёнку со стороны взрослого. Восприимчивость к различным видам помощи там, где ребёнок не может сам решить мыслительную задачу, является чувствительным параметром, дифференцирующим уровень развития мышления детей. Чем меньше эта помощь, тем выше чувствительность к ней, выше способность к усвоению нового, выше обучаемость.

Учёт влияния различных форм помощи на успешность решения ребёнком мыслительных задач позволяет определить, способен ли ребёнок действовать в данной сфере деятельности, может ли он решить мыслительную задачу в обычных или хотя бы облегчённых условиях и при высокой мотивации.

Так как обследование мышления в значительной степени направлено на выявление возможностей его коррекции у ребёнка с отклонениями в развитии, определение обучаемости выступает важнейшей составляющей всего процесса исследования мышления, поэтому представляется целесообразным включение «обучающих уро-

ков» в каждую из методик, которые дают возможность оценить меру и качество оказанной ребёнку помощи.

Результативность выполнения заданий и условия, влияющие на её изменение

Качественный анализ результативности характеризуется констатацией факта выполнения или невыполнения задания, а также совокупностью заключений по предыдущим параметрам анализа. Для выявления потенциальных возможностей ребёнка и обоснования психокоррекционного воздействия большое значение имеет изучение условий, влияющих на процесс выполнения задания. К ним относятся:

- выбор продуктивной мотивации для выполнения заданий ребёнком;
- варьирование содержания инструкции по лексическому оформлению и объёму;
- варьирование объёма экспериментального материала, предлагаемого ребёнку;
- введение дозированной помощи ребёнку при выполнении им заданий («обучающие уроки»);
- регламентация временного режима (длительность и ритм работы);
- варьирование ситуации обследования (индивидуальная или групповая работа; в присутствии родителей или без них).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Изучение условий и выявление факторов, влияющих на выполнение ребёнком заданий, с одной стороны, даёт материал для квалификации нарушений мышления, а с другой – для научного обоснования психокоррекционного процесса. Например, сведения об обучаемости ребёнка позволяют определить темп и характер работы с ним, данные о влиянии различных ситуаций на эмоционально-волевую сферу ребёнка позволяют обосновать организацию занятий (групповые или индивидуальные формы работы).

Названные параметры качественного анализа выполнения экспериментальных заданий дают возможность установить, в развитии какой из психологических структур мышления имеются дисгармонии и каковы их психофизиологические механизмы.

В результате такого структурно-уровневого качественного анализа можно выяснить, с каким уровнем организации психической деятельности связаны трудности ребёнка, каковы их психофизиологические механизмы, а также позитивные и негативные причины и условия её нарушения. Это также даёт возможность определить, является ли исследуемый симптом признаком первичного нарушения или следствием уже имеющегося дефекта. Кроме того, качественный анализ позволяет дать первоначальную оценку резервов развития психики ребёнка. Полученные выводы можно заложить в основу психокоррекционной программы и соотнести их с разделами и этапами психокоррекционной работы с ребёнком и другими заинтересованными участниками психокоррекционного процесса.

Заключение

Принцип качественного анализа, декларируемый в научной литературе, является, безусловно, важнейшим для понимания сущности нарушений развития у детей. Детальное изучение особенностей высших психических функций ре-

бёнка, представленный нами на примере изучения нарушений мышления у детей, имеет основное значение для проведения диагностики нарушений и определения путей помощи ребёнку. Уточнение параметров качественного анализа при психологическом изучении психического развития детей позволяет создать базовые опоры для формирования психокоррекционных программ.

Таким образом, предлагаемая диагностическая оценка нарушений психического развития у детей, в частности – нарушений мышления – является обоснованной с точки зрения заданного критерия поиска «мишени» психокоррекционной работы и построения программы такой работы с ребёнком, а следовательно, эффективной.

В исследовании проведено сравнение трёх способов выполнения действий: неадекватного, адекватного и неустойчивого, которые могут способствовать определению обучаемости детей с атипичным психическим развитием при анализе нарушений мышления.

Следовательно, составляющие заданного критерия и применение способов выполнения умственных действий могут быть использованы в качестве критериев психологического анализа нарушений мышления и других высших психических функций у детей с атипичным психическим развитием.

Статья поступила в редакцию 01.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. В., Лемак С. С., Парусников Н. А. Лекции по механике управляемых систем. М., 2018. 288 с.
2. Выготский Л. С. Проблемы дефектологии. М., 1995. 525 с.
3. Гальперин П. Я. Лекции по психологии. М., 2005. 400 с.
4. Клиническая психотерапия. Инстинктивно-поведенческие и нейропсихологические модели / под ред. Ю. С. Шевченко. М., 2018. 504 с.
5. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. 575 с.
6. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 1973. 371 с.
7. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2017. 364 с.
8. Митихин В. Г., Солохина Т. А. Обработка полученных при использовании психометрических шкал ранговых данных на основе метода анализа иерархий // Неврология и психиатрия. 2019. № 2. С. 49–55.

9. Семенович А. В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. М., 2007. 474 с.
10. Свааб Д. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера / пер. с нидерл. Д. Сильвестрова. СПб., 2014. 544 с.
11. Усанова О. Н. Проблемы психологического здоровья ребёнка в специальной психологии // Социогенетический и персоногенетический потенциал личности как приоритет образовательной деятельности. Витебск, 2008. С. 132–135.
12. Eibl-Eibesfeldt I. Humanethologie. Berlin, New York, 1985. 875 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov V. V., Lemak S. S., Parusnikov N. A. *Lektsii po mekhanike upravlyaemykh sistem* [Lectures on Mechanics of Controlled Systems]. Moscow, 2018. 288 p.
2. Vygotskii L. S. *Problemy defektologii* [Problems of defectology]. Moscow, 1995. 525 p.
3. Gal'perin P. Ya. *Lektsii po psikhologii* [Psychology lectures]. Moscow, 2005. 400 p.
4. Shevchenko Yu. S. ed. *Klinicheskaya psikhoterapiya. Instinktivno-povedencheskie i neiropsikhologicheskie modeli* [Clinical psychotherapy. Instinctive-behavioral and neuropsychological models]. Moscow, 2018. 504 p.
5. Leont'ev A. N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of psyche development]. Moscow, 1972. 575 p.
6. Luriya A. R. *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of Neuropsychology]. Moscow, 1973. 371 p.
7. Mazilov V. A. *Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavl, 2017. 364 p.
8. Mitikhin V. G., Solokhina T. A. [Processing of the rank data obtained using psychometric scales based on the hierarchy analysis method]. In: *Nevrologiya i psikhiatriya* [Neurology and psychiatry], 2019, no. 2, pp. 49–55.
9. Semenovich A. V. *Neiropsikhologicheskaya korrektsiya v detskom vozraste. Metod zameshchayushchego ontogeneza* [Neuropsychological correction in childhood. Method of replacement ontogenesis]. Moscow, 2007. 474 p.
10. Svaab D. We are our brain: From the uterus to Alzheimer (Russ. ed.: Sil'vestrov D., transl. *My – eto nash mozg: Ot matki do Al'tsgeimera*). Saint Petersburg, 2014, 544 p.).
11. Usanova O. N. [Problems of psychological health of a child in special psychology]. In: *Sotsiogeneticheskii i personogeneticheskii potentsial lichnosti kak prioritet obrazovatel'noi deyatel'nosti* [Socio-genetic and person-genetic potential of the individual as a priority of educational activities]. Vitebsk, 2008, pp. 132–135.
12. Eibl-Eibesfeldt I. Humanethologie. Berlin, New York, 1985. 875 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усанова Ольга Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры специального (дефектологического) образования Московского института психоанализа;
e-mail: olgausanova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Usanova – Dr. Sci. (Psychology), Professor of the Department of special (defectological) education, Non-state Private Institution of Higher Education “Moscow Institute of Psychoanalysis”;
e-mail: olgausanova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Усанова О. Н. О критериях психологического анализа нарушений мышления у детей с атипичным психическим развитием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 119–128.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-119-128

FOR CITATION

Usanova O. N. Criteria for psychological analysis of thinking disorders in children with atypical mental development. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 3, pp. 119–128.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-3-119-128

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова
Переводчики Е. В. Приказчикова, А. С. Барминова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,25, уч.-изд. л. 9,75.
Подписано в печать: 30.10.2020. Выход в свет: 16.11.2020. Заказ № 2020/10-08.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А